

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Председатель совета
Бабур АЛИМОВ

Абдулла АРИПОВ
Абдулла АЗАМОВ
Баходыр АХМЕДОВ
Ольга ГРИГОРЬЕВА
Хуршид ДОСТМУХАММАД
Николай ИПЬИН
Татьяна МОТОРНЮК
Насретдин МУХАММАДИЕВ
Кувондик САНАКУЛОВ
Мухаббат ШАРАФУТДИНОВА

Главный редактор
Улугбек ХАМДАМ

Зам. главного редактора
Ирода РАХИМОВА

Ответственный секретарь
Зиёдбек УРИНОВ

Редактор
Светлана ЩЕГЛОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Сирожиддин Саййид

География моей души. (Стихи) 3

Марта Ким

Пиши новый день. (Стихи) 31

Баходыр Ахмедов

Бесконечность – это когда перестаешь
считать снежинки. (Стихи) 44

Турсун Али

Я восхожу моим голосом радугой к горизонту. (Стихи) ... 60

Вика Чембарцева

Я влюблена до боли в твой Восток. (Стихи) 65

Станислав Колчин

Дольше, чем Вечность. (Стихи) 78

Абдулла Ахмад Мухаммад Али.

Наш мир непостижим. (Рубаи) 122

ПРОЗА

Владимир Баграмов. Журавлёвка. (Роман) 7

Назар Эшонкул. Люди войны. (Повесть) 33

Сергей Татур. Железные люди.

(Фантастическая повесть) 50

Ольга Григорьева

Синдром страха, или закон матрешки.
(Фантастический роман) 81

ПУБЛИЦИСТИКА

Ибодулла Шоймардонов

Эпос «Эмир Арслан Руми» и его роль в изучении
истории эпохи Сельджукидов 70

Гулям Ахмеджанов

Духовно-нравственное развитие и
историческая память 74

ТЕКСТОЛОГИЯ СМЫСЛА

Саид Халил

Изречения 120

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Файзулла Муминов

Новая школа литературной критики 125

Ольга Хегай

Метапоэтический код в поэзии Н. Ильина:
время – человек – вечность 128

Нинель Владимирова

Новеллистическое творчество Фитрата 133

Нурғали Сыздықбаев

Мотивы бунта и смирения сквозь
призму мифопоэтики 139

Звезда Востока

2011 № 2

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Рег. 0296

Адрес редакции:

100027. Ташкент, ул. Узбекистанская,
д.16 А (5 этаж).
Тел: 245-27-87.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru
www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Акбарали Мамасолиев

Подписано в печать 20.06.2011.
Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 12,60. Уч.изд.л. 14,86

Тираж 1500 экз. Заказ № 78-11

Цена договорная.

Отпечатано в типографии

ИПТД «Укитувчи»

г. Ташкент, ул. Навои, 30.

Редакция журнала осведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном
наборе.

Набор текста в любом формате с
приложением дисков и распечаткой.
Рукописи не возвращаются.

Перепечатка без соглашения с
редакцией не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

Все прочие – только странники.
Я – маленькая страна,
И память моя – музей,
Где в зеркалах туманных
Хранится еще мое прошлое –
Азбука моей жизни.

Я – маленькая страна,
Рождение и смерть –
Пространство моей географии.

В запутанной карте времени
Стирается моя жизнь
И вам от нее остается
Лишь карта души – моя песнь.

Пахлаван Махмуд

Твои печали долги,
А стихи коротки.
Каких ты ни видел нищих,
Каких ни встречал султанов!
Нух² прожил тысячу лет –
И видел один потоп.
Ты же, не жив его жизнью,
Пережил тысячу бедствий.
От кого остается трон,
От кого-то – простое дерево.
Твое же наследие – бейты –
Созвучья скорбей и забот.
... Пошить бы из них одеяния –
Хватило б согреть этот мир.

Премудрость

Смысл – не холмистая степь, не сад,
Не знатного замка лепнина,
Не айваны дворца и не отдых в песках,
Не удали юной картина.

Не чин и не слава, не мир вешей,
Не листьев чинары лавина.
Смысл – это ушедшего в скорби отца
Сухая могильная глина.

Встреча с Вознесенским

Время все перемешало:
Где боль, где радость – не постичь.
Тринадцать лет миновало,
Андрей Андреевич!

² Нух – кораническое имя библейского Ноя.

Подобно закрученному радио,
Роботы меня потрепали.
Андрей Андреевич,
Тринадцать годов миновали.

Тринадцать вскриков, тринадцать плачей,
Самолетов тринадцать.
Аэропорт – это и есть память,
Ей день и ночь шуметь предназначено.

Семьдесят пятый год. Зима.
Ночи длинны, бесконечны.
Ваши стихи так трудно понять –
Как сопромат, – не легче.

Тогда, в то время, мне было нужно
Немного денег, и ласки тоже,
Но с треском мои мечты провалились –
Стихи оказались камня тверже.

Острая, как игла у циркуля,
Вонзалась в язык строка.
Поэзия – это жертвоприношение,
Терпение на века.

Ваши «Антимиры»
Явили образ реальных миров.
Андрей Андреевич,
Миновало тринадцать годов.

И вот – Москва. Уже меня
Мраморные берега обнимают.
Похожие один на другой года,
Мосты и воды мелькают.

Своим тринадцати белым коням
Найду я сравненья, каких еще нет.
Останкинский минарет,
Как восклицательный знак,
Я ставлю на списке этих лет!

* * *

Старый карагач. Суфа
Пиалушка чая.
Старец белый, как облака,
За чаем меня встречает.

Утро. Душный день. Тишь.
Никого около.
Одна пиалушка чая лишь
И старик – белое облако.

С суфы, земли и со стен,
Полдень почти неожиданно
Как циновку, плетеную тень
Потянул и сложил уже.

Спускается сумрак. Это судьба,
Безысходная, хоть пускайся в крик:
Одна чайная пиала –
И потемневший старик.

* * *

Не поглотит дорогу, склон!
Пусть одинокий седой старик
Ходит по этой дороге.
Пусть одинокая грузовичка
По этой дороге пылит!

Летом в саратане³
На берегу Кук-куля стоял я,
Говоря: «Прощай, детство!»
Я пялился на этот склон,
А берег вдруг обвалился,
И я окунулся в озеро.

Потом,
Как отглаженные брюки,
Гладко лоснились года.
Несбывшиеся желанья, как девушки,
Клали головки мне на грудь.

Потом высохло озеро,
Слышавшее мое «Прощай!»,
Вымерли рыбы.
И я сказал: «Лишь однажды
Дается нам эта жизнь».
Много влажной тоски пронеслось надо мной,
Тоски и дождливой, и снежной...

Теперь уже высохло озеро.
И старца седого нет.
Но все же храни ту дорогу, склон!
Пусть одинокая грузовичка
Пылит по этой дороге.
Не поглотит!
Пусть пылью встает моя вечная боль...

Перевод с узбекского Николая Ильина

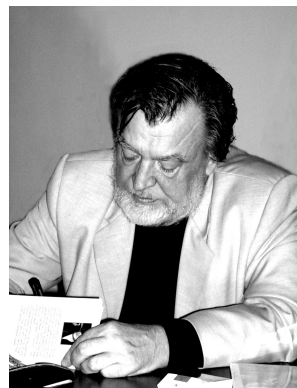
³ Саратан – название самого жаркого месяца солнечного календаря, соответствующего периоду с 22 июня по 21 июля.

проза

Владимир БАГРАМОВ

ЖУРАВЛЁВКА

Роман

Владимир Игоревич Баграмов родился 19 августа 1948 года в городе Москве.

В 1972 году он поступил в Московское музыкальное училище имени Гнесиных (ныне Академия музыки им. Гнесиных) и в 1976 году закончил факультет актеров музыкальной комедии. С 1976 по 1980 год работал актером в Алтайском краевом театре музыкальной комедии г. Барнаула. Там для театров Юного зрителя и Музыкальной комедии им были написаны музыка и стихи для семи детских спектаклей.

В 1980 году в Ташкенте стал работать актером в Государственном академическом русском театре им. Горького. С 1994 по 2007 год он являлся художественным руководителем Ташкентского государственного театра музыкальной комедии. Им были поставлены целый ряд спектаклей, популярных среди зрителей республики, а также девять его собственных пьес.

В. Баграмов известен и как талантливый поэт и писатель. В периодических изданиях Узбекистана печатались его сборники стихов, повести и рассказы. С 1982 года его произведения публиковались на страницах журнала «Звезда Востока». В 2010 году В.Баграмов стал победителем Международного литературного конкурса «Верность Родному слову».

* * *

- Сказка, что ли? – спросил кто-то.
- Так вот, была Гражданская война...

.... Купались в реке красные кони. Голые красные кавалеристы садились на них, съезжали с зеленого берега в синюю воду, со смехом падали, и красные брызги повисали под большим оранжевым солнцем.

А на берегу, широко расставив ноги-столбы, закусив черный ус, стоял полковой командир Мазурок и взросло хмурился. Было Мазурку восемнадцать лет, были это его первые усы после нещадного годичного бритья и втираний коровьего масла...

Солнце кипятком землю шпарило, от кавалерийского гогота птицы за версту прятались, а Мазурок хмурился.

Скинул бы он шапку тяжелую, сбросил бы деревянную варежку, где черный маузер ствол-палец затаил, да в воду! Но жалко командирское достоинство терять. И пяти часов не прошло, как сам Навуменко, комдив-два отчаянный, его руку тряс, хорошие слова задушевно сказал и в его первые усы трижды по-отечески целовал.

Дело славное вышло. Полк на полк с белыми казачками схлестнулись. Мазурок с братвой на полной рыси в лошину влетел, а навстречу казаки. Красные ребята влево, те вправо и...

Пошло, поехало!

Казак спяна лют, а у мазурковских ребят шашки к ладоням гвоздями сознания намертво прибиты. Мазурок недаром им продыху не давал, с коней только по нужде ссаживал, на лозе рубить учил «с потягом, с вывертом».

Положили казачков, как худую траву с поля вынесли.

Мазурок ординарец Митяй Рогов, косячным жеребцом взвизгивая, в обход белых три тачанки погнал, сам на передней угнезвился. Эти три тачанки и поставили в донесении комдиву жирную точку.

Митяй Мазурок всенародно благодарил и зажигалку на память из рук в руки передал. Редкая вешница, с виду статуэтка, а нажмешь грудку бабе заморской у нее изо рта огонь – пых!

Этот Митяй и гоготал в реке больше всех. Борются с коноводом Нестеренко затеял. Тот бугай и этот не меньше, всю воду взмутили, а народу передавали – не счесть...

Полк в деревне Вязовка стал. Ребят по хатам быстро расхватили. Жители натерпелись под белыми-то, половина поротых, другая угнана.

Мазурка за плечо кто-то дерг. Смотрит, старуха ветхая, юбка на ней от старости мохом поросла, платок дырявый... Мутными глазами на Мазурка глядит, на палку опирается.

– Тебе чего, мать? – Мазурок на озорство своих бойцов смотрит.

– В вашей Коммунякии ворье и жуликов наказуют, или как у белых?

– Каких жуликов? – вяло слушает Мазурок.

– Если упрут чего солдатики твои, будет им кара, ай нет? – шамкает и покачивается на тонких ногах старуха.

– Чьи солдатики, и зачем они чего-то упрут?

Как раз в это время Митяй оседлал Нестеренко и уздечкой, ровно лошадь, погоняет. Нестеренко ревом кричит, больно, видать, уздечкой по голому! Народ со смеху валится. Мазурок смешные слезы утер, на ногах-столбах к старухе развернулся:

– Так кому кара-то, мать, при чем здесь мои солдатики?

– Тьфу, ты, боже ж мой! Твои солдатики, ты командер-то, чьи же, как не твои? Я им кислое молоко и каравай скормила, а они три десятки из-под божнишы уперли. Золотые десятки-то, надьсь, Петруша, сын мой, подарил, одна-то мечена, как есть в ребре рванина. Вели отдать, грех вам за старуху будет.

И потек густой краской с лица юный Мазурок.

Бледностью засветился, потому, как в его полку о таком не слыхали. Расспросил старуху дотошно, подумал несколько, и Пузана Сашку, что ребят по хатам распахивал, подозвал. Его выспросил, на старуху кивая, зубами поскрипел, что-то коротко приказал.

Семеро ребят голых перед Мазурком встали. Остальной наличный состав вокруг столпился. Мазурок обстоятельно старухину жалобу пересказал, объяснил, что эти семеро, как раз, в ее хате остановились, харчились и пожитки там складывали... Помолчал и, не глядя на семерых, рубанул:

– Короче, который в ейной, вот этой старухи, пролетарской хате червонцы ее звезданул, шаг вперед!

Семеро переглянулись недоуменно, и никто не шагнул. Мазурок глаза поднял, каждого в отдельности пристально оглядел, потом велел Сашке Пузану «ихние шмотки сюда волоочь, потому проверим». Сашка плюнул зло и демонстративно на корточки сел, закуривает. Но Мазурок так на него глянул, что Пузана ветром сдуло.

Принесли. Всю солдатскую амуницию – справу, даже конские потники, седла, уздечки тут же сложили.

– Осмотреть! – Мазурок Пузану приказывает, сам стоит недвижно.

И выпали зловредные червонцы из сидора Митяя, со дна покатались, даже не завернутыми оказались. Пузан червонцы поднял, с ладони песок сдул, подержал, открыв рот. Мазурку протянул, а тот не взял, на ногах-столбах к старухе повернулся.

Старуха зашамкала, заохала, с руки Пузана деньги сгребла, один, который с рваниной на ребре, выкатила и Мазурку показывает. Потом к Митяю, на которого все

смотрели, шагнула и в лицо плюнула. Митяй увернулся, на старуху черно выругался, кулаками над головой машет.

Такая тишина выпала, что слышно, как Мазурок зубами скрипит, они у него часто болели, шалфеем-травой спасался.

– Браты! Мне вам говорить такое нехорошо. Революционная требуха в нас есть? Есть, это мы показали в боях с белыми гадами. Совесть революционная – это что? Это есть диктатура над нашим духом и телом. Ты, Митяй, твоя фамилия Рогов, мы тебя все знаем, рубил ты сегодня белую сволочь, и за пулеметом был, тебе наша благодарность. За то тебе, Митяй, был подарок, моя зажигалка-память, но...

Мазурок палец поднял, строго смотрит.

– Прикуривать от нее ты, Митяй Рогов, не будешь.

Засмеялся Митяй, вокруг поглядел, никто ему ни взгляда, и на смех никто не ответил, неловко вышло. А многие отвернулись.

– Смех твой нехороший, Рогов, вражеский смех, – Мазурок волнуется. – Есть ты мародер, опозоривший родной полк и своего командира, что с тобой из одной миски ел, как с ординарцем и бывшим другом.

– Чего?

Митяй кулаки сжал, того гляди бросится. Но Сашка Пузан мигнул, и по бокам у него двое с винтовками встали.

– Судить тебя будет полк, ему ответишь. А вот скажи, как ты смотришь в глаза этой пролетарской крестьянке, что тебе хлеб скормила, кислым молоком твою утробу сытила?

– Да пошел ты, мало ль чего эта гнида наболтает! Глупство все, Вань, не брал я ейных червонцев, не могла такая шкура в моем мешке быть. У-у, зараза, и в морду плюнула! Почему твои деньги в мой сидор попали, а ну, говори? Молчишь, пошла отсюда, шлюха паскудная!

Митяй кулаком страшным перед старухиным носом поболтал.

Как из деревянной варежки маузер выскочил, этого никто не увидел. Только и услышали, что «Именем Революции!» Митяй глаза васильковые прищурил, что-то сказать хотел... Громыхнул маузер – и не стало Митяя.

Красные Кони сами на выстрел из воды пошли – ученые.

Не успел Мазурок маузер в кобуру кинуть, как в замерший круг человек ворвался. Орет что-то, в старуху пальцем тычет, чуть в глаз ей не заехал, слюна во все стороны, и сам слезами умывается...

– Чего ему? – Мазурок устало спрашивает.

– Яшкой зовут, меня белые за то, что еврей, пороли! Вот!

Рубаху задрал, кровавой спиной в рубцах страшных к кругу поворачивается, качается на хлипких ногах и причитает:

– Ой, мамочки, что ж наделали-то! А-а! Она сама, я ж через окно видел и на нее удивлялся, зачем монеты ему в мешок сыпет? Сначала много было, штук двадцать, может, больше, а потом она выгребла, а три кинула – я ж сам видел-то!

– Что сыпала? – страшно и тихо спросил Мазурок, царапая рукой горло.

– Деньги, говорю, золото это. Провокация, товариши, у нее сын в беляках вахмистром! Что наделали, что наделали, черти вы драповые!

– Еврей! – старуха весело скукожилась, лицо в печеное яблоко собрала. – Вас плетюгами мало кропили, мозгу на место ставили...

Мазурок Яшку из рубахи вытряхнул, железной рукой так мотнул, что у того ноги на миг от песка взлетели. Жестоко и безумно в еврейские бездонные глаза посмотрел. Отпустил, к старухе медленно повернулся, белыми губами дергает.

А старуха скисла со смеху, в лицо Мазурка хихикает, на лежащего ничком в песке Митяя скрюченной рукой показывает.

– Петрушу, сыночка, идолы убили? Помянула его, а там и власть ваша, что хотите, делайте! Петруше на небе икается.

Пошла старуха, ноги по песку волочит, юбкой, мхом поросшей, след замечает. Еще раз громыхнул маузер, бросило старуху лицом вниз, руками оперлась, перевернулась и села. Одной рукой себя подпирает, другой Мазурку грозит, потом бойцам, потом небу синему – это ее к земле муть смертная потянула. Опрокинулась и застыла.

Молча стоят люди, смотрят потрясенно. Взлетел над толпой истошный крик Сашки Пузана и оборвался. В третий раз громыхнул маузер – и не стало Мазурка. Брызги красные полетели на рядом стоящих людей.

Красные Кони испуганно заржали.

Зазвенел звонок.

Вышел класс на перемену, а Учитель все сидел за столом, бездумно листая журнал.

...Бежал через поле дохляк Яшка, кричал, что есть силы, спотыкался и падал, вставал и снова бежал...

Гремел маузер Мазурка. Разворачивался он во все стороны на своих ногах-столбах и палил, палил, палил. Вколачивал вечные гвозди в нескончаемую ленту памяти...

– Кого?

Пенкин молча рассматривал Старика. Он был удивительно похож на своего сына – обвислые необъятные плечи, клешнятые руки и клочья бровей, те же губы жесткого излома и глаза, глубоко сидящие в глазницах.

Старика насторожило молчание одноногого, он внимательно взгляделся, открыл дверь шире, шагнул на лестничную площадку. Поймал взгляд незнакомца, бледнея и кривясь, шепнул:

– От Николая?

Пенкин кивнул, набрав воздуха в пересохшую гортань, сглотнул нечто шершавое, комком, не дающее дышать. Старик быстро оглянулся, прикрыл дверь.

– Звания не знаю, простите старика, там Тося и детишки! Вы от сына, а они не знают, солдат. Тося повалится, нельзя ей, вы же про Колю?

Он жадно и заискивающе заглядывал Пенкину в глаза, на худой шее пульсировала большая старческая жила. А в ушах застывшего Пенкина, хрустел снег, гнулись в спирали огненные пунктиры трассеров, и не было выхода.

– Не надо, – попросил Старик, трогая шинель Пенкина трясущимися руками.

– Надо, отец, – хрипнул Пенкин и оскользнулся костылем, поправился и жестко повторил, – надо.

И сникли вздернутые плечи Старика, он открыл дверь.

Вел свой рассказ Пенкин неторопливо, прикуривал одну папиросу от другой. Молча сидела Тося, сложив руки под застиранным фартуком, пристыв затылком к стене, запрокинув красивое лицо, разглядывала одной ей видимую точку на дверце старинного буфета.

Только раз, не то застонала, не то всхлипнула, когда Пенкин выложил из мешка финку, портсигар и мундштук Николая. У двери стояла крошечная Соня, шатала пальцами молочный зуб, хитро шурилась и пускала струйку слюны. Старик опять ел соль, брал шепоть и клал под язык, мертвел глазами.

Пенкин встряхнул мешок, достал несколько кусков мыла, три буханки хлеба, ворох заграничных консервов, положил на стол тоненькую пачку писем, стянутую цветной, иноземной выделки резинкой. Покосившись на Тосю, встал, чтобы переложить банки на подоконник, зацепился за табурет и загремел на пол, нелепо взмахивая руками.

Старик не пошевелился, помогла встать Тося, усадила, подала костыли. Пенкин виновато улыбался, долго раскуривал папиросу, раскурив, недоверчиво смотрел на огонек.

– Где остановились? – спросила Тося замороженным голосом.

– В госпиталь приехал, нога отрезанная болит. Врачи говорят, «фантомные боли». Это когда отрежут, а кажется, что есть она, болит, зараза, хоть плачь! На вокзале перекантуюсь, или еще где.

Старик повернул голову, оглядел, пустую штанину, протянул руку, взял ближний костыль.

– Планку надо ниже переставить, упор глубже вырезать, чтоб плечо тонуло.

Пенкин кивнул, затягиваясь дымом по самое некуда.

И закричала Тося. На невыносимой ноте, с перебором слившихся в целое непонятных слов, надрывно и страшно. Прогнувшись худеньким телом, оперев в колени побелевшие руки, вскинув вверх сведенное судорогой лицо...

Перепуганная Соня мелкими шажками отступила в коридор, где тут же села на пол выковыривать из шели какую-то шепочку. Потом стала вторить матери. Мужчины сидели молча, понимая, что ни слов утешения, ни воды, ни, тем более, сочувственных причитаний, не требуется.

И метался Тосин крик в их сердцах стозвонным, печальным, эхом.

Резко оборвала себя Тося, пусто посмотрела вокруг, встала.

– Жора у нас поживет. Пока в госпиталь положат, недели две-три пройдет, забиты они, госпиталья-то. Раненых некуда класть, пап, покорми человека, я пойду.

– Куда? – испуганно привстал Старик.

– На улице Пашку с Кешкой поищу, посидите, чай горячий.

Она ушла с Сонькой па улицу.

Старик налил Пенкину варево из пшенки с картошкой, заправленное селедкой, сел напротив. Пенкин смотрел в окно. На отрезанной ноге болел большой палец. Он так и чувствовал проклятый ноготь, что постоянно врастал у него с детства в нежную мякоть...

– Ешь.

– Водку будешь, дед? На «Вальтер» трофейный сменял у барыги.

– Давай.

Пенкин достал из мешка бутылку странного коричневого цвета, заткнутую самодельной пробкой из сучка дерева.

– Это чего такое? – изумленно смотрел Старик на бутылку. – Какая это водка?

– Пей, я туда «какаву» из брикета размял, хотел в госпиталь с собой взять.

– С «какавой», значит? Ну, давай, потянем.

Выпили молча и быстро.

Пенкин смотрел, как судорожно прыгает кадык на шее Старика, серебрится отросшая шетина, и думал, что самое несправедливое в войне – это старость родителей, переживших своих детей.

Да и можно ли искать справедливости в таком гнусном и кровавом деле, как война?

Ночью Пенкин не спал.

Вставал к окну, курил в форточку... И вспоминал, как все это произошло? По чьей воле так быстро и страшно окончилась для него эта долгая война? И жалел, что не убит в том коротком и жестоком бою за деревню со смешным названием Петунькино.

Выташил его тогда из боя фельдшер Насонов, перетянул ногу поясным ремнем и с ходу влил в перекошенный рот Пенкина полфляги чистого спирта.

Пенкин хрипел по-звериному, ворочал белками закатившихся глаз, судорожно вытягивал жилистую шею. Очнулся в медсанбате, вдребезги пьяный. Бестолково оглядевшись, стал орать, требуя фельдшера и обещая «выдернуть ему все ноги». Своей ноги он не чувствовал.

Горбоносый хирург, проглатывая букву «р», долго и тоскливо его ругал, повторяя слово «дисциплина», намывал руки, покуривая от папиросы, которую держала перед ним пинцетом сестра.

Пенкин куражился, требовал немедленной отправки в часть до тех пор, пока небритый пожилой санитар не остановился над ним:

– Чего гнешь из себя? Разорался... Товариш майор неспамши третью ночь, какую по счету операцию делает, а этот... Ногу тебе оттяпают, вот и погребешь отсюда.

– Выйдите, Мухин! – зло перебил его хирург.

Пенкин притих, насторожился, стал смотреть на хирурга.

– Слушай! Я тебе спирту дам двести грамм, неразведенного, а? Только залпом, понял? Мне обезболить тебя нечем. А спирта много, две канистры, хоть залейся. Выдержишь?

– А чего с ней? – облизал сухие губы Пенкин.

– Кусок кости вынесло, вот чего, мышцы порваны. Сестра, стакан спирта. Так как, солдат, выдержишь? Перекорезили ногу, а машина только завтра будет, может, и не быть вовсе.

– Куда ж ее, ногу-то, в таз, что ли? – усмехнулся Пенкин.

Хирург внимательно всмотрелся в осунувшееся лицо раненого и, помедлив, кивнул.

– Тогда хлеба чуток, – Пенкин скрипнул зубами, – зажевать, а то с души сорвет. И чтобы гад Мухин ваш не встревал, зашибу.

Потом он нес околесицу, бесцельно проваливался в страшные ямы, из его тела «тянули жилы и мотали на барабан». Он всхлипывал и просил пить. Небритый санитар Мухин осторожно, с головы, лил ему в рот выжимку воды с марли, отирал губы.

Низ тела онемел, возле паха рос густок непереносимой боли, набухал и взрывался так отчаянно, что Пенкин обмирал. Приходя в себя, ширил невидящие глаза, ловил ртом воздух.

Когда его несли из операционной, он еле удерживал сознание. Последнее, что услышал, это гортанный голос военврача-хирурга: «Как несете, головой вперед надо, развернитесь!»

Его ногу завернул в кровавую тряпку и унес куда-то все тот же нерасторопный Мухин.

Пенкин в это время шел в атаку. Рассветное море прыгало в его воспаленных глазах. Он орал, метался из стороны в сторону от огненных струй, вылавливал возникающие впереди рогатые силуэты.

Стрелял, пытаясь настигнуть в неистовом беге уходящее за ледяную черту горизонта, лохматое и стремительное в зимнем излете солнце.

Выслушав очередной отказ в госпитализации от похожей на высохшую в кость ржавую воблу, дежурной приемного покоя, Пенкин хмуро кивнул, поплелся в гулкий госпитальный вестибюль, где и угнезвился надолго на скамейке, покуривая в кулак, поглядывая вокруг неприязненно и отчужденно.

Рыжая сестричка просеменила по вестибюлю с лотком в руках. За ней вязался здоровый парняга в пижаме, с лысой головой в зеленке пятнами, что-то говорил сестричке, та хихикала, жеманно дергала плечиком, отмахивалась полотенцем.

Пенкин оглядел сытую, гладко выбритую морду ухажера, увидел кокетливо округленный рот медсестры и...

Лысый в зеленке отлетел на добрых два метра, перед ним, неизвестно откуда, выросло лохматое чучело на одной ноге, с угрожающе поднятым костылем в руке. Чучело орало про «окопавшихся фраеров и крыс», которых оно «давило на фронте пачками».

Отовсюду бежали в белых халатах. Сестричка плакала навзрыд, по ее щекам текли подтеки туши. Нянька уговаривала почему-то не Пенкина, а сидящего на полу лысого парнягу, другая нянька висела на руке Пенкина, зажавшей костыль, которым он пытался зацепить ухажера, кричала, чтобы он «не смел трогать Левушку, он герой и душевнобольной фронтовик!»

А Левушка в зеленке беспомощно улыбался, по-детски «гукал» и хлопал в ладоши. Потом лицо его жутко изменилось, он вскрикнул, стал озираться.

Пенкин замолчал, оторопело глядя, как здоровенное тело парняги изогнулось рыбиной, забилось, ударяя о пол лысым затылком и пятками с тупым стуком. Мотался прикушенный язык, с губ летели клочья пены. Плачущая сестра коршуном упала на больного, вцепилась двумя руками ему в челюсть, пытаясь разжать.

Кто-то сунул ложку, она ловко втиснула черенок между намертво сцепленных зубов, стала действовать как рычагом.

На Пенкина наорали и отвели к завотделением, зеленому от недосыпания майору. У него был тяжелый взгляд человека, уставшего смотреть на боль людей, которым он не в силах помочь. Внимательно выслушав Пенкина, просмотрел документы, положил в стол. Выпил из графина воды прямо из горлышка, и жестом велел Пенкину следовать за ним.

Раненые лежали на полу, в проемах коридора, и даже на лестничных площадках, не говоря о палатах, где повернуться было некуда.

Остановились в проходе коридора, майор что-то хотел сказать Пенкину, как в палате кто-то страшно закричал. Майор махнул рукой и прошел в палату. Пенкин огляделся...

У окна, на кровати, сидел молодой парнишка в рваной тельняшке. Он сидел с ногами, завернув матрац, как бруствер, выглядывал из-за него настороженно и зло. Через лоб тянулся и исчезал за ухом багровый широкий шрам, в точках недавно снятых швов.

Парень через паузу поднимал воображаемую винтовку, прицеливался, надув щеки, цокал языком и вздрагивал, как видно, стрелял. Выстрелив, смеялся громко и счастливо, оглядывался вокруг, говорил «еще один», вытягивал губы трубочкой.

Пенкин невольно посмотрел в ту сторону, куда целился парень – на стене висел плакат, где румяный красноармеец нанизывал на огромный штык целую свору гитлеровцев во главе с Адольфом. Голова фюрера была обведена большим черным кружком.

Сзади подошел майор, молча встал. Потом обратился к парню:

– Ты, Тимонин, лекарство пил?

Парень вздрогнул, виновато сморщился, собрав страшный шрам гармошкой, усиленно зашевелил бровями, как видно, пытался осмыслить вопрос.

– Седьмой нынче, – он ткнул пальцем за спину майора, на плакат.

– Благодарю за службу! – неожиданно серьезно сказал майор.

У Пенкина ознобом охватило спину. Он отступил, задев костылем горшок на полу. Парень радостно заморгал, залопотал горячо и быстро, гусем вытянул шею, наверное, вспоминал положенные в таких случаях уставные слова, но не вспомнил, широко открыл рот, дрожал лицом.

– Не имеешь права не пить лекарство, какой ты после этого солдат? Сестра!

Подошла сестра, подала приготовленную мензурку, словно ждала, чтобы ее позвали. Майор принял мензурку, ненавидяще оглядел сестру.

– Давай, Тимонин, раз-два, ну!

Парень с трудом проглотил лекарство.

– Он только у вас и пьет, товарищ майор! – возмущенно сказала сестра. – Что я могу сделать?

– Идите за мной. – Кивнул майор сестре.

Они вернулись в кабинет. Пенкин встал у двери, майор сел за стол, сестра, скорбно поджав губы, остановилась напротив.

– Запомните, Богатырева, – майор тихо постукивал пальцами о бок графина, – если я еще когда-нибудь узнаю, что вы пропустили назначение или задержались с ним... Если я...

Он поднял голову, бешено мотая перед своим лицом растопыренной пятерней, выкрикнул:

– Под трибунал пойдете! Под трибунал, понятно?

Сестра вышла, переваливаясь по-утиному, невозмутимо поджав губы.

Майор долго молчал, потом спросил, не поднимая головы:

– Все видели? Некуда мне вас класть. Психовать не надо, ваши фантомные боли пройдут, нужно время. Не знаю сколько, надо перетерпеть, а класть, сам видишь...

– А этого, парня, что стрелял, его как, вылечите?

– Кого, Тимонина? Нет. Такие, к сожалению, дела. Тимонин, он молодец, он воевал хорошо, он...

Неожиданно Пенкин обнаружил, что майор засыпает. Разговаривает с ним и засыпает. Пенкин попятился, выдал тугую дверь и вышел в коридор, плотно и тихо прикрыл ее за собой.

Когда выходил из вестибюля госпиталя, навстречу попался Левушка с лысой головой в зеленке. Он тихо брел, блаженно улыбаясь, губы его были густо замазаны все той же зеленкой, на щеке багровела свежая ссадина.

Пенкин хмуро оглядел его и отвернулся.

Чувство вины не покидало его очень долго. Больше в госпиталь не ездил.

Вадим Петрович, вымученно улыбаясь, стоял у подъезда, навалившись спиной на дверь, смотрел на Учителя.

– А вы все в школе, Яков Александрович? О жене с дочкой вестей нет?

– Нет.

– Может и обойдется. У Шишкиных два года сестра молчала, а недавно письмо. Оказывается, с партизанами, где-то под Киевом выходила. Может, обойдется.

– Извините, опаздываю.

Вадим Петрович с застывшей улыбкой на губах проводил глазами сутулую фигуру Учителя.

«Вроде, не старый мужик по годам, а как свернуло! А ведь праведник в делах, самый, что ни на есть праведник. Хлопни по лбу – мокрого места не сыщешь, в чем душа держится? «Мы кузнецы и дух наш молод!» Дух молодой, а ветром шатает... И вам питье горькое уготовано, где жена, где дочь – переживаешь, ночами не спишь. Может, и несправедное питье, а хлебаете досыта, по Руси этого окаянного питья – море разливанное!»

Хромой Файзулла из-за дома выкорячился, припадает при шаге всем телом, к Вадиму Петровичу рот в гнилой улыбке выставил.

«Склабишься, сука, иди-иди, я тебе улыбнусь!»

– Чего звал?

Вадим Петрович вялую руку брезгливо пожал, оглядел «товарища» – из-под козырька кепки ко лбу челка прилипла, глаза суетливые, большой, вислый нос, под носом шетка усов, аккуратно стриженных, шель рта и скошенный подбородок.

А больше всего Вадима Петровича родинка у Файзуллы раздражает. Мохнатая, как огромная муха, села на щеке, на уровне уголка рта, так и хочется прихлопнуть.

Отвернулся Вадим Петрович и пошел в сторону сквера, на ходу потирая левую грудь, по привычке, как и положено неизлечимому сердечнику, сам проворно вокруг глазами постреливает.

Сели на скамейке. Вадим Петрович глубоко, основательно, Файзулла на краешек, хромую ногу пистолетом выставил, настороженно посматривает.

– Я когда о машине велел договориться?

– Петрович!

– Ты думаешь, гнида, у меня две жизни впереди? Я кобель брехливый, на ветер слова бросать?

– погоди!

Файзулла влажные глаза прищурил, ближе придвинулся.

– Постреляют нас, инкассатор при «пушке», с ним два с автоматами – это ж банк, Петрович! Постреляют, и на два шага не пустят!

– Не каркай.

Вадим Петрович повернулся, в суженные глаза Файзуллы заглянуть попытался, не успел. Отшатнулся Файзулла. Но Вадим Петрович кривую усмешку заметил и дрожащую щеку.

– Никак в прятки играть вздумал? Или кодлу другую собираешь, меня обойти-объехать?

– Зачем? – голос у Файзуллы спокойный. – Мы с тобой повязаны...

– Сколько твой шофер просит?

– Говорит, треть.

– Чего? – Вадим Петрович изумленно присвистнул. – Он не спятил?

– Машина его, без машины от пули не убежишь.

Долго молчали.

– Треть, говоришь? – Вадим Петрович ноготь покусывает. – Будет ему треть, может и больше будет.

– Петрович, свояк он мне.

– Твоя доля не убежит, не бойся. Значит, внимательно слушай. Машина должна быть ровно в восемь, ни минутой позже. Ты с хромой ногой будешь в машине, вместе со свояком, так надежней, что не уйдете в случае шухера. Смотри, никаких сюрпризов, с того света выпарапаю, мне рано туда, но мало ли. Если что, молись своему Богу, чтобы он нас никогда вместе не свел, я из тебя ремней нарежу. Ровно в восемь. Как я стреляю, знаешь, первая пуля тебе, если что.

– Заладил, – Файзулла усмехнулся.

– Не шерься! Машину на угол, оттуда обзор хороший, и стволом поддержишь, если что, как раз окажетесь. Они «мама» сказать не успеют, мы их завалим. Пошел я.

Вадим Петрович ушел, а Файзулла сидел, шурился и думал.

Он был из тех «шук», что выныривают в смутное, кровавое и страшное для народа время. Рождаются тихо и незаметно в омуте бед, нехваток, страданий и горя.

Исчезают, набив брюхо, отсиживаются в укромном месте, отрывая уворованное, нажитое на людском несчастье.

Если бы нашелся кто – напомнить Файзулле страницы его смутной биографии, то он удивился бы больше его самого.

Потому что не помнил он ровным счетом ничего. Не мог помнить, до того страшна и кровава была память эта. Не дала бы она выжить хромому, свела бы его в сумасшедший дом, или разорвала бы сердце. Лопнуло бы оно, разбрызгивая вокруг себя зловоние и смрад.

Было время, гулял он в карателях «волчьей сотни» Шкуро, резал ремни из спин активистов и председателей комбедов. Вешал, жег, убивал и травил, проделывая это легко и бездумно, не заботясь ни о чем, ни на что не надеясь.

Мимоходом пристрелил собственного брата, когда в полуразрушенной церкви на Украине набрели на клад церковной утвари, риз, икон и золота, наспех закопанный под стеной часовни.

Клад у Файзуллы отобрали на нужды «белого движения», самого едва не шлепнули за «сокрытие». А брат остался под часовней с простреленной головой, раскинув руки на скомканной, окровавленной поповской ризе...

В тридцатом его чуть не изловили. Но ушел Файзулла, подволакивая раненую ногу, по-волчьи рыча и шерясь, оглядывая трупы двоих чекистов и месиво третьего, разнесенного гранатой в клочья вместе с лошадью.

Долго его след тянулся по древним лесам Западной Украины, где скитался он с бандой таких же вырожденцев, потом затерялся. Кто мог узнать в худом, увечном заморыше, скромном кладовщике мяскокомбината бывшего карателя? Ушел бы он к Гитлеру, но пуля убитого чекиста засела в колене. Старел Файзулла, старел и его страх.

Крючкова не боялся, позволяя обзывать и помыкать собой из фарисейского чувства самоунижения, которое взял за основу взаимоотношений с ним. Но если бы тот на миг заглянул в душу «робкого» Файзуллы, то содрогнулся бы и навек оставил в покое.

Мог ли он догадываться, что бывшему коннику «волчьей сотни», ничего не стоит прирезать «сердечника» – так, мимоходом, между двумя затяжками «Казбека», до которого был большой охотник.

Это Файзулла берег на потом, когда отпадет надобность в пронирыливом и удачливом «вожаке».

И не мог знать Крючков, что готовящееся ограбление инкассаторов банка, должно стать последней точкой в его биографии. Три часа просидел Файзулла со свояком, «репетируя» дележ денег.

Устроился Пенкин на деревообделочный завод завскладом.

На третью неделю после приезда предложил он Тосе пожениться. Ничего не поняла в тот разговор обезумевшая от горя Тося, стояла в кухне, смотрела припухшими глазами, а из-за спины выглядывали Пашка с Кешкой, строили рожи, хихикали и бестолково пихались.

Пенкин, увидев, как махнула на него Тося подвернувшимся полотенцем, и вышла, устало плюхнулся на табурет, глядел на стену.

Появился Старик, долго ходил кругами вокруг Пенкина, присматривался. А вечером выманил его из комнаты, таинственно подмигивая, озираясь на Тосю, сидящую с ребячьей штопкой. Пенкин удивленно поднял брови, нашарил костыли, пошел за Стариком.

Старик торжественно улыбался, вытягивая из-за батареи в коридоре бутылку самогона.

– А праздник-то чем отмечать будешь? – усмехнулся Пенкин.

– Был бы котелок, – Старик постучал себя пальцем по лбу, – а что налить найдется. Тоська бы не учуяла, она на это дело строга, под землей чует.

– Пап!

Из комнаты вышла Тося, встала, скрестив руки, смотрела огромными, синими, как два озера, глазами.

– Тоська! – потрясенно выдохнул Старик. – С Жоркой мы тут... говорим.

Он суетился, проворно пытался за спиной у себя пихнуть бутылку обратно, едва не уронил, даже каплями пота покрылся от испуга.

– Разбей, разбей! – с готовностью покивала Тося. – Вы что же, мужики, за кого меня держите? Я полчаса смотрела, как ты ему знаки подавал, изморгался весь! Ты, пап, если что скрыть хочешь, об этом весь свет через секунду знает. Закусывать чем будете?

– Консервы откроем! – брякнул Старик и испугался.

Был он, по-военному времени, прижимист. Считал себя «едоком напрасным», от того тошал с каждым месяцем все больше, оставляя лучшие куски снохе и внукам.

– Тось, мы чуток, что останется – на суп пойдет.

– Пап, не по-людски это. Может, и я грамм выпью.

У Старика от удивления рот открылся.

– Ты? Господи, ты ж не нюхала сроду!

– Вот с вами сегодня и нюхну.

Через десять минут Старик довольно оглядел стол.

– Живем, ребята, и мы, и мы по-людски!

Пять картошек, лукавица, кружками нарезанная, три воблы почищены, хлеб, и совсем уж роскошь – яичница «из американских курей нетоптанных, яичного порошка», как говорил Старик.

– За что? – подняв граненый стаканчик, строго спросила Тося.

Старик растерянно посмотрел на Пенкина, хотел что-то сказать, но осекся, стал озабоченно стирать с клеенки несуществующее пятно. Он делал это старательно, даже подышал на него, Тося не выдержала и фыркнула. Пенкин растерянно на нее поглядел, потом на Старика, и тоже засмеялся в голос.

Старик удивленно поднял голову, перевел взгляд от Пенкина на смеющуюся Тосю, понял, что над ним, и не на шутку разозлился:

– Юроды, черти! Палец покажи, ржать будут, о, дети малые... Господи, сели, как люди, а они? Ну, бабам простительно, а тебе-то? Лейтенант, фронтовик. Подымайте стаканы, не то уйду от вас!

– За что, пап? – спросила Тося.

– За тебя с Жоркой!

Бухнул Старик, испугался, вытарашил глаза и маханул водку в рот. Поперхнулся, закашлялся, встал за водой. Пил, глядя на Тосю и Пенкина.

Тося медленно, без улыбки, подняла глаза на Пенкина, выпила быстро, не ощущая вкуса, как воду, а Пенкин вспотел ужасно, елозил под столом единственной ногой, искал, за что уцепиться. Нашарил ножку стола, уперся, немного успокоился. Выпил, глядя перед собой.

– Жорка, – Старик сел, – ты ногу все еще чуешь?

– Всю. Как кровь в пальцах стучит, икру сводит. Мозоль была на пальце, так и ее чувствую, саднит. Это я сапогом натер, по болоту из окружения выходили.

Старик машинально жевал воблу, заедал картошкой, деликатно оставляя «консерву и яишню» молодым.

– Тоська! – хватился Старик. – Не сиди чучелом, наливай! Эх, гуляем, ребята! Жорка, чего она такая сдобная, а?

– Кто? – испугался Пенкин, покосившись на Тосю.

– Водка, кто же! Да не смотри ты на нее, чего на бабье племя пялиться? – Старик настроился на воинственный и крикливый лад. – Тоська, раз сидишь с мужчинами, чин блюда, поняла? Наливай, Жорка, ей полрюмки, а то драться кинется. Теперь давай за архаровцев наших, за ребят и Соньку! Ты, Жорка, чуть что не так, выволакивай их на середину и лупи, чтоб руку чувствовали! Захулиганились...

– Пап, полегче, – Тося с улыбкой смотрела на разбушевавшегося Старика.

– Слышь, Николай! – Старик нагнулся к Пенкину. – Она, не гляди, что маленькая, она хмыря из тридцать второй квартиры, ну тот, что в начальниках на «яшике»? Ну, узнаешь еще... Он свою бабу начал гонять, а Тоська и вывернись. Сумкой по башке, а

в сумке банка с краской, понял? Тяжеленная. Вдребезги, краска ему на голову. Чуть башку не расколола – это ладно, отмыть потом неделю не могли, весь коричневый ходил, краска-то половая! И сам извиняться приходил, как же... Николай, ты с Тоськой сейчас говорить будешь или потом?

– Сейчас, – мертвее лицом на имя Николай, сказал Пенкин. – Здесь, сейчас.

– Я тебя, черт глазастая, дойму! – неожиданно освирипел Старик, поворачиваясь к Тосе. – Рано хоронишься, поняла? Жизнь кто будет поворачивать? Ты не смотри, что нога... Не ногой детей делают, ты о детях и подумай, Кольку не вернешь, нет его, теперь жизнь строить надо. Я скоро на Преображенском крестом накроюсь, с меня какой спрос? И Кольку где взять, нет его, Кольки-то.

Старик растерянно замолчал, поморгал, и вышел тихо. Пенкин ковырял ножом отодранный край клеенки, молчал. И Тося молчала, смотрела, не мигая, и несусветная тоска плескалась в ее больших глазах...

Такая тоска, что Пенкин, видевший ее краем своих помутненных глаз, готов был вскочить и, упав на колено, биться лицом о пол в ногах этой худенькой женщины, так неожиданно ставшей ему ближе и роднее всех на свете.

– Ты подожди, ладно? Сломалось во мне что-то, о Коле давно догадалась, по отцу. Да разве о таком спросишь? Ты, Жора, дай привыкнуть немного. К себе привыкнуть.

Капли срывались с подбородка, стукались о клеенку, она прилепывала их сухоньким кулачком, размазывала, задевая тарелки, они брэнчали друг о дружку, а Пенкин вздрагивал, ерошил волосы, курил.

Потом они допили водку. Наливала Тося, себе чуть-чуть, Пенкину под край, даже сжала бутылку в ладошках, выжимая капли.

Ночью они смотрели каждый свой сон.

Старик никак не мог выбраться из какой-то ямы, падал, матерился, лез снова. Края ямы крошились, по дну бегали крысы. Старик давил их ногами и явственно слышал крысиный писк. Проснулся злой, в ушах шумело, видно, поднялось давление.

Тося шила на машинке. Нитка оборвалась, она достала челнок, стала снимать спутавшиеся клубком-бородой бесчисленные нитки. Они не кончались, а наоборот, становились длинней и длинней. Тося плакала, задыхалась под образовавшейся горой ниток, пыталась кричать.

Проснулась на мокрой от слез подушке, стала ждать рассвета.

Пенкин смотрел вовсе несурзанный сон. Будто едет дрезина, на ней убитый капитан. Глаза у него снегом залеплены, лицо в крови... Сзади Колька Туманков! То выгянет из-за спины, то спрячется, лицо печальное. Вдруг – Тося! Дрезина стоп. Колька жену на руки взял, опять поехали.

Волосы у Тоси развеваются. Колька и капитан хохочут, а Пенкин со страху зашелся... Увезут они Тосю, что делать? Заорал, стойте, ребята, вы мертвые, зачем вам Тося-то, отдайте!

Капитан залепленные снегом глаза к нему повернул, пальцем погрозил. Колька, видно, испугался, жену бросил, она кубарем под откос. Пенкин подхватил ее и ходу, ходу от страшного места! Оглянулся – дрезина без рельсов, по земле следом беззвучно едет, Колька печально смотрит, у капитана через снег глаза выгаивают – два шарика синие.

Проснулся Пенкин и обрадовался – не отдал Тосю.

В потолок темный пялился, улыбался. Хотел встать, воды попить, но раздумал. Пока костыли приспособишь, пока доковыляешь – это всему дому побудка.

Лежал и думал, как жить, как выжить в чужом и трудном мире? Там, на фронте страшно, опасно и проше.

С первого мгновения, с первого часа непостижимо прочно и легко вошла война в душу Пенкина. Он принял ее, как неизбежность, как кровавую и тяжелую работу, ее надо выполнять ценой собственной жизни. Но Пенкин знал и цену этой жизни, поэтому подошел к войне с оглядкой и хитростью мастерового, вложенными в него неведомыми прашурами.

Испытав жестокость на собственной шкуре, он стал предельно жесток к врагу, но без ослепляющей ненависти, что кидает человека, подхваченного ею, на верную и бесполезную смерть. Пенкин научился науке выжидать, чувствовать время по-

зверину. Научился хитростям боя, где главное не терять чувства пространства даже в тесном окопе, не шалеть от визга и грохота металла, не впадать в панику, когда кажется, что выхода нет.

Это помогло ему выжить в бесчисленных и невероятно дерзких вылазках в логово врага, когда он попал в разведку. А туда он попал за умение кидать нож, чем баловался еще в детстве, за странное нахальство в разговорах с командирами и спокойствие в минуты опасности.

Война стала его профессией, средством существования, основой мировоззрения. Умение ловко бросить нож и попасть при этом, дар шагать по земле бесшумно, чтобы ни один сучок не треснул... Талант забросить гранату в кузов идущей на полном ходу машины – все это определяет место и ценность человека на войне.

Теперь война повернулась к нему спиной, открыв горе, усталость и беды тыла. Но и здесь надо было жить и выживать.

Пенкин растерялся. Брошенный в муть докладных и неразбериху склада на заводе, он маялся головной болью и тосковал о фронте. Да еще Тося, словно вросшая в плоть его одичавшего сердца с того дня, как переступил он порог этой квартиры...

Сколько лет Люба Букина на белый свет через мутную пелену горя смотрела, по ночам слезы проливала. Свои родители давно умерли, а мать и отец мужа при ней остались.

Ветхие старички, тихие, как говорила дворничиха Максимовна, «Богом меченые», доживали век памятью о сыне, летчике-истребителе Димке Букине, пропавшем без вести в далекой Испании. То ли родные, то ли нет, а ближе у Любы никого в целом свете не оказалось. Но она их в открытую не жалела, слишком самолюбивые.

Отец мужа в холодном подвале института Склифосовского патологоанатомом, мать – операционной сестрой в травматологии. Всю жизнь при боли людской.

Ничего жили, тихо, Люба к своему липовому вдовству привыкла. Только стала замечать, что сторонятся ее Димкины родители, не то, чтобы явно, но деликатно от разговоров уходят, лишний раз не зайдут в комнату, не посидят, не спросят о делах. Люба на себе их настороженные взгляды ловить стала. Выяснилось все разом.

Сидели в комнате, пили чай. Старики сами пришли, долго молчали.

– Любочка! – Александр Павлович очки протирает. – Нам необходимо поговорить, словом, объясниться.

– Так, Саша, так.

Старушка ветхим кружевным платком обмахнулась, седой головой трясет.

– Очень необходимо. Любочка умница, она поймет.

– Мы с Кирой много передумали, в общем, мы вас стесняем, вот что. В ваши годы надо жизнь строить, а при нас, Любочка, как-то не получается. Мы жизнь прожили, те настроения, что у вас сейчас, нас не устраивают, вы себя хороните... Господи, Кира, что ты молчишь?

– Да-да, Любочка, вы на нас не обижайтесь, право, вам детишек надо иметь. Обязательно надо, а мы при Вас вроде довеска нелепого. Бестолковый разговор получается, но от чистого сердца, поверьте. Мы вот с Сашей сорок лет прожили!

– Она, Любочка, опытной сестрой была, уколы замечательно делала.

– Саша, а теперь-то, кто делает? – слегка обиделась на мужа старушка,

– Выходите, Любочка, замуж. Непременно.

Александр Павлович даже о стол подстаканником пристукнул для убедительности.

– Сосватали.

Тряхнула Люба головой в мелких кудряшках, во все стороны, брызги светлые веером. Старушка подслеповато прищурилась и ахнула, суетливо руками всплеснула, к мужу повернулась. Горько плакала Люба, закрыв лицо руками, только плечи дрожали. Александр Павлович растерянно поморгал, потом нахмурился и встал из-за стола.

– Диму не вернешь, а жизнь, поверьте, свое берет. Знаете ли, она...

Качнуло старого врача в сторону. У Киры Георгиевны мгновенно слезы высохли, пока Люба его в другую комнату вела, на постель укладывала, у бывшей операционной сестры лекарство в шприце готово. Когда мужу стало легче, она села в изголовье и вдоволь наплакалась.

Ночью Люба на цыпочках к двери – слушать. Тяжело во сне Александр Павлович вздыхает. Старушки не слышно, как видно, спит. Люба к излюбленному месту на подоконник, лбом в стекло, в ночь смотреть глазами воспаленными.

Рот полотенцем зажат, из горла крик рвется...

Любин муж, инженер Тихомиров, старичкам понравился: ненавязчивый, умный человек, все время или с книгами, или формулы какие-то в блокнот пописывает.

Они с Любой хорошо смотрелись – он высокий, волосы в проседь, от глаз лучики-морщины бегут, а Люба... Вроде все обыкновенное, ничего особенного, но вместе замечательно получается – глаза серые, веснушек горсть, крутобедрая.

В шашки играли.

Старый врач подолгу думал, нервничал, оттого «зевал» частенько. Иван Сергеевич Тихомиров ход сделает, в блокнот пишет. Руки у инженера в вечных порезах и ссадинах, кислотами и паяльником сожжены. Молчалив инженер, слова не вытянешь, только улыбается.

Стали в дом военные люди приходиться. С Тихомировым почтительно беседуют. Мягкий человек, но на одного военного в больших чинах «цыкнул», тот по стойке «смирно» вытянулся. Оказавшийся рядом, старый врач, чуть заварной чайник от удивления не уронил.

В быту неприхотлив, ботинки худые, а он не видит, и без зонта побредет иной раз, если никто не подскажет. Люба его кормить, а он улыбается, тронет жену за щеку, кивнет и... все.

История его жизни проста. Вырос в семье потомственного рабочего, сурового и молчаливого лекальщика. Приучал он сына с детства к запаху металла, к премудростям станков, учил держать «струмент». Водил сына по цеху, объяснял, что к чему, подкрепляя науку подзатыльниками. Раз люто выпорол, когда Ванька сунул палец в раствор серной кислоты и месяц мучился ожогом.

Определив сына в институт, Тихомиров старший крепко выпил на радостях, утром выгонял похмелье в бане и простудился. Проболел три дня, на четвертый велел жене позвать Ваньку, подержал его руку в своих бугристых и тяжелых ладонях, ничего не пожелав ему, умер.

В тридцать восьмом году на заводе, где работал молодой инженер Тихомиров, произошла авария. Погиб рабочий. Ответственного за испытания нового агрегата инженера вызвали в прокуратуру.

Там, в кабинете розового, пахнувшего цветочным одеколоном следователя, узнал инженер, что никакой он не советский специалист, а «заброшенный из-за кордона агент английской разведки, проникнувший на завод с заданием портить дефицитное импортное оборудование».

Тихомиров выслушал, про себя удивился, но подписывать бумаги отказался наотрез.

Любитель одеколона бился с Тихомировым часа три, наконец, выйдя из себя, закатил инженеру звонкую оплеуху.

Секунду Иван Сергеевич сидел неподвижно, осмысливая происшедшее, а потом стукнул письменным прибором по надушенной голове.

Следователя унесли в санчасть, инженера спустили в подвал, где в одиночной камере над ним долго «трудилась» два улыбчивых сержанта. Его немедленно расстреляли бы, но «повезло». Поехал в далекий, туманный край на три года.

Там полировал ручку лопаты, изредка доверяли топор, объясняя, как растет тайга, а росла она густо, к вершинам тонко, у самой земли необхватными стволами.

Месяцев за пять до начала войны, в холодные, вьюжные ночи, записал инженер в блокнот соображения, как сделать, чтобы еще больше была «броня крепка и танки наши быстры». Записав, запечатал в неопрятный конверт, выменянный на пайку, и отправил с оказией на волю.

Через три месяца его вызвал начальник лагеря, долго и нудно пытался выяснить, кто и как передал на волю, в ЦК, письмо такого сморчка? Не допытавшись, вздохнул и велел собираться.

За дело Тихомирова взялся один из китов промышленности, ученик Орджоникидзе. Инженер был срочно восстановлен в правах и обязанностях. Он крепил броню на быстрые танки, упорно выискивая секреты металла. И старался не вспоминать долгие ночи, настоянные на крепком запахе немытого тела, столах и окриках, что выпали на его долю, вышки с прожекторами и лай овчарок, натасканных на живых людей.

– Жорка, чего полуночицаешь?

– Курю.

Пенкин пожал руку инженеру, с удовольствием оглядел налитую фигуру Любы Букиной.

– Что ж вы с женьтибой канителитесь? Гвардеец, вся грудь в железе, а как пацан несмышленный.

– Люба! – инженер морщится недовольно, поправил на жене воротник и за плечи придержал.

– Эх, мужики! Где-то вы смелые. Пока вас пальцем не поманишь, с места не двинетесь. Любишь Тоську? – Люба насмешливо подмигнула Пенкину.

Пенкин растерялся, папироску бросил, за другой в карман полез.

У него с Тосей сложно.

Раз ночью со сна прынул, а в дверях Тося стоит. В одной сорочке, волосы по плечам разметались. У него сон ветром сдуло, на локоть привстал. Тося молчит, и Пенкин дыхание затаил. Вдруг пошла к нему, глазами мерцает. Пенкин от нежности задохнулся, щеку изнутри до струйки соленой прикусил.

Тося к нему на кровать коленом, за шею обхватила, так поцеловала, что у Пенкина скулы свело. Отстранилась, пристально-пристально в глаза ему смотрит, видно, что-то сказать хочет.

Из соседней комнаты такой могучий храп раздался, что Пенкин вздрогнул, потом не выдержал и засмеялся тихонечко. Тося прислушалась, по губам Пенкина погладила, и, улыбнувшись, к двери скользнула. Пенкин слышал, как она ложилась. Старик еще пуше захрапел. Пенкина тут совсем разобрало, до слез закатился смехом. И Тося ему из другой комнаты вторит.

Старик мгновенно проснулся.

– Обезьяны пустоголовые, чтоб вам черти приснились! Малые изводят, тут еще эти навязались. Чтоб вам треснуть!

Заскрипел кроватью, постанывая и ругаясь, в кухню поволокся.

Полночи там возился, гремел ковшиком, сам с собой доругивался.

– Иди домой, Любочка, я с Жорой посижу.

Инженер Любу за плечо тронул, она хотела сказать что-то, но только засмеялась и в подъезд зашла. Мужчины ее взглядами проводили. Пенкин пачку папирос протянул, инженер неумело прикурил. Сидят.

– С госпиталем у нас что? – инженер спрашивает. – Помочь?

– Ни к чему, завтра поеду ротного проведу. Письмо от него, позвонок осколком тронуло, в гости зовет, только ехать-то с чем?

– Как «с чем»?

– Ну, полагается гостинец, или еще чего.

– А-а, так я вам пузырек спирта дам, грамм триста хватит?

– Нормально. Кровь разгонит...

– Хуже не будет?

Пенкин усмехнулся, искоса посмотрел на Тихомирова. Хороший человек, а все равно весь тыловой, щеки впали, мотается с самой рани до поздней ночи!

– Я с утра зайду.

– Спасибо, – кивнул Пенкин, – а за что тебя сажали-то? Извини, если...

– Ничего, – спокойно ответил инженер. – Там нас много было. Это пока я нужен, а после войны досиживать придется.

– Как? – изумился Пенкин спокойному тону. – Как это – досиживать? Освободили, значит, вчистую.

Тихомиров улыбнулся, аккуратно загасил окурочек о край лавочки, встал.

– Дело не во мне, Жора. Дело в тех, кому это нужно.

– Кому нужно? – тупо спросил Пенкин, глядя снизу вверх на инженера.

Тихомиров кивнул и в дом пошел. Пенкин его взглядом проводил.

Утром он ехал в трамвае, поправляя на коленях клеенчатую сумку с нехитрой закуской, смотрел в окно на Москву.

Долго выбирались в госпитальный сад. У ротного ноги ватные, идет и на ходу качается, кукла куклой, голову не повернуть, от подбородка к плечам хомут гипсовый.

Как добрались до лавочки, сразу все образовалось. Костыли к спинке, газетку постелили, на нее харчи, папироски в зубы и – гуляй, солдат, чтоб генералы завидовали!

Похудел ротный – страсть, десны синие, на носу жилки объявились, больничная амуниция мешком висит. Спину прямо держит, чисто кол проглотил.

Разговаривают... Кто в живых остался, войну доламывать будет, кто в чужой земле лег. Когда уж этой войне конец будет? Вот и на чужую землю ушла, а люди все падают и падают... Ротный обстоятельно все рассказывает, куда торопиться? Ему врачами на добрых полгода довольствие обещано.

– В этой богадельне дни резиновые! Тебя когда спасали, Пенкин? Сколь воды утекло... Насонова помнишь? Выволоч он тебя тогда, а сам под мину угодил, один клок шинели остался. Хорошо, не мучился.

Пенкин прощаться хотел, как из окна второго этажа такая ругань выплеснулась, что он оторопел. Потом тот же голос песню затянул.

– Кто это?

– Димка-летчик. Во, Пенкин судьба-то? С Испании по госпиталям мыкается, обе ноги ампутированы, глаз удалили, с рукой чего-то... Его под Мадридом сквозануло, горел, а когда в поезде с Урала сюда перевозили, так еще и поезд обстреляли, это уже в прошлом году.

– Оставался бы на Урале-то, родных у него нет, что ли?

– Черт его знает, с ним об этом не говорят, психованный. Может и запустить чем-нибудь, Раз его ребята поймали, он до окна дополз, на одной руке свое туловище успел на подоконник дотянуть, вот сила!

– Живуч человек.

– У начальства госпитального спрашивали, мол, можно бы его родню поискать, так оказалось, летчик запретил им этим заниматься, говорит, удавлюсь. Они и отстали. Читает с утра до ночи и рисует. Гляди-ка, это он меня рисовал на прошлой неделе, я в их палате в шахматы с одним майором играю.

Он из кармана листок помятый достал.

С тетрадного листка глядит на Пенкина ротный!

Вскрикнул Пенкин, в самый низ рисунка глазами впился, там четко карандашом выведено – «Дм. Букин».

– Ты чего, Пенкин?

– погоди, как его? Дмитрий? – Пенкин на окно пальцем показывает. – Букин, мать – честна! Я ж его жену знаю, в одном доме живем, у него и мать с отцом живые!

– Ну?

Потрясенный ротный пузырь с остатками спирта на скамейку открыто поставил.

– Летчик – это раз! В Испании пропал, и еще его жена говорила, мол, рисовал здорово, фамилия сходится. погоди, ротный, Любка-то замуж недавно вышла, беременная она.

– Ну? – вконец зашелся ротный.

– погоди, она сколь годов ждала-то? Только недавно сошлась с инженером...

– Сломать хребет инженеру! – стукнул по спинке скамейки ротный.

– Не так, ротный, погоди, не так все...

Пенкин бормотал и думал. А ротный потрясенно переводил взгляд с него на окно второго этажа, откуда голос безногого летчика выводил монотонно и фальшиво одну и ту же фразу старинной песни; «Ямшик, ты не стар, ты удал и красив...»

От огорчения покрутил головой и вытарашил глаза от боли. Зашипел, тронул край гипсового хомута, осторожно сглотнул. На глазах выступили слезы.

– Опять ночь не спать... Как осколок удалили, веришь, Пенкин, совсем спать перестал. Лучше бы не трогали. Сидел и сидел. Три часа ковырялись, думал, не выдержу, слохну, ладно, ничего, прорвемся.

Пенкин машинально кивнул, не переставая думать о Любе и ее так неожиданно нашедшемся муже.

Много народу собралось у подъезда. Почти все взрослое население многоквартирного дома. Женщины плакали, мужчины курили. Возбужденные ребятишки путались под ногами. В стороне от всех, провиснув на костылях, стоял Пенкин. Был он при орденах-медалях, в выглаженной гимнастерке, из-под которой бежали к плечам штормовые полосы вылинявшей тельняшки.

К Кире Георгиевне дважды вызывали врача. Александра Павловича так лекарствами напичкали, что он, ничего не понимая, как взялся за горло, так и застыл на стуле, жалко и виновато оглядываясь.

Люба слова какие-то пыталась говорить, но ничего не выходило. На нее людям жутковато смотреть, поэтому те, кто в комнату набился, больше за врачом следили.

Сидит Люба на кровати, горой вспухший живот руками придерживает, медленно по лицам глазами водит. Потом прилегла... Из квартиры, на улицу и обратно, женщины спуют. Одни на Пенкина с удивлением смотрят, другие с ненавистью, а в чем он виноват?

Пенкин в такой переделке не был. К нему Бронька Пичуева подскочила, в воротник клешом впилась и шепотом выговаривает:

– Ты зачем это? Черт паршивый, зачем его нашел? Он же не писал, не объявлялся, от него ни слуху, ни духу, похоронили его все. Что теперь прикажешь делать? Брюхатая она, ей родить вот-вот, живот видел? Как ей теперь жить прикажешь? Он винить себя сам будет, что узнала она о нем...

– Да не знает он, что жена знает! – Пенкин совсем голову потерял. – Ты чего на меня орешь? Не знает он!

– А ты Любку знаешь? Она его теперь заберет оттуда, завтра же. А Тихомиров-то? Он любит ее, и она его. Господи, а ребеночек родится?

Бронька в стену дома лицом хрясть! И сползла. Пенкин топчется одной ногой, костылями асфальт распирает.

Народ кругом. Смотрит и молчит странно.

Люба на кровать прилегла, глаза закрыла. В голове звон, сердце обмирает.

Идет будто по Бакунинской улице, кругом флаги, люди, оркестры... И машина вдруг навстречу едет, в ней Димка Букин при полном параде. Орденів видимо-невидимо, ему цветы кидают, девушки руками машут.

И Люба помахала, а машина – мимо! «Здесь я!» – Люба кричит, тугой живот от чужих локтей бережет, к машине пробирается. – «Я тут стою, Димонька!»

Только расступился народ, чтобы к мужу ее пропустить, а навстречу по проходу Тихомиров идет. Строго смотрит, вокруг майоры-полковники, солидный народ, серьезный.

«Вот и я, Иван!» – Люба растерянно ему в лицо заглядывает. А Тихомиров мимо! Люба руки вслед ему протянула, от усталости их за спину завела и... в небо вспорхнула.

Врачиха из седьмой квартиры, что металась от Киры Георгиевны к Александру Павловичу, мимоходом в Любино лицо глянула, ахнула, пульс шупать взялась. Через мгновение квартира пустой была, только Бронька с врачихой у Любиной кровати остались. Старичков соседи увели. Грелка, камфара, нашатырь – еле привели Любу в чувство. Только отдохнуть присели, как у нее схватки начались.

Вечером родилась девочка. Через пять дней они уже дома были.

Старички измаялись Любу ждать, она им запретила к сыну в госпиталь ехать, сказала, что сама все сделает.

Ночью долго сидели на кухне, Люба и Иван Сергеевич, разговаривали. А к рассвету он ушел, поцеловал Киру Георгиевну, она хотела ему в ноги упасть, но Иван Сергеевич не дал. Тогда старушка неожиданно ему губами в руку ткнулась. Со старым врачом на лестнице постоял, как обнял, так отпустить боялся. Припал он к плечу инженера, одной рукой его по голове гладил, другой сердце придерживал, чтобы не выскочило.

Люба проводила его до угла дома.

– Иван, ты не держи обиды, – она легонько тронула его за лашкан пиджака. – Нам это ни к чему, да? Ведь хорошо было? Все, Иван, так надо. Ты меня поймешь?

Он улыбнулся грустно, одними уголками губ.

Постояли, поцеловались и разошлись.

Глаз, удаленный, веком плотно прикрыт, другой синим окном – на женщину распахнулся. Рука пододеяльник под себя гребет, на ней вены канатами взбухают...

– Люба, ты зачем здесь? Я же...

Женщина от дверей на колени упала, ползет, стонет тихо. Халат с плеч слетел, из-под косынки волосы растрепались. Так, с протянутыми руками, и проползла к кровати, в плечо летчика вцепилась, открытым ртом воздух хватает...

В дверь палаты больные и персонал десятками зрачков стекаются. Нянечка ветхая глаза платком трет, другую нянечку в бок кулаком:

– Ну, чего там, Клава, он-то чего?

– Не пихай, баб Насть, не пихай, чего-чего, встретились!

– Митька-то как, чего молчишь?

– Белый весь. А у нее, говорят, ребенок недавно родился.

– Бреешь!..

– Главврач сказал!

– И то, и ладно... Мало ли чего? Сколь лет не объявлялся, случай свел. И дите не пропадет, ему батька будет, при мужике растить будет. Кабы она знала, а так – дите, потому расти должно. Ну, отойди, не видать за тобой ничего!

Домой Люба привезла его днем. Всем домом встречали.

Покаялась Люба при Димкиных родителях, что родила дочку в грехе «нечаянном». Старички только глаза тарасили, когда она все это тихим голосом, спокойно выговаривала. Попросила у мужа прощения. Кира Георгиевна хотела что-то сказать, но Александр Павлович не дал, крепко руку ее сжал.

Димка поплакал тайно, как положено офицеру и... Нормально жить стали.

До войны каждой осенью ездила Максимовна в деревню. Всего ночь езды до Курска, рукой подать, потом на Кшень, от нее с попуткой на Михал-Анненку... Места богатые! Не в том дело, что сытные, природа – самая русская благодать. Поля, перелески, кустов буйство, речка – все, как водится. Только, не как везде. Есть в тамошних местах заветность некая, где тоска заповедная на человека накидывается.

Ездила Максимовна с охотой, особой нужды не было, для души ездила, значит, и у души нужда бывает.

Вот там, в Михал-Анненке, Максимовна с птицами разговаривала. Вернее, прощалась с ними, когда они на юг пролетали. Над Москвой не летят, пугаются, а вот в деревне... Там им до свиданья крикнуть можно, помахать платком вдоволь, тоску – слезы с губ смахнуть. Если повезет, так и стая на речку плюхнется передохнуть. Вот красота!

Максимовна стаю в небо высмотрит, оглянется скоренько вокруг – никого! – и босиком по полю, только пятки комки земли отшвыривают. Ну, догнать – это шалишь, а вот потом хорошо, прямо сказка какая-то! Сердце выскакивает, щеки огнем, под грудью мука сладкая нарастает.

– Эге-гей! Утки, гуси, лебеди!

Крикнет, потом ко рту ладонь ковшиком и скороговоркой:

– «Утки-гуси-лебеди, где по свету бегали? Не досталось пряничка вековухе Танечке!»

Припевку она у кого-то подслушала, и никому ее на всем свете не выпевала. Кроме сына Мишки. Его, как подрост, стала с собой брать.

Ни свет, ни заря, с постели стащит сонного, злющего, штаны поможет нацепить, краюху хлеба с молоком в него напихает, и в поле волочит. Мишка сразу усек, что упираться бесполезно, покорно ташится, носом шмыгает, глаза в рассветную мглу тарашит.

– Летят, Мишенька, летят, золотишко!
– Кто, мамка?
– А птицы! Гуси, слышь, как поют-то?
– Гогочут.
– Ой, не дурак ли? Это ты гогочешь, они разговаривают.
– Они о чем говорят-то, ты прошлый раз сказывала, а я забыл?
– Памятный... – шелк в лоб. – С домашними они гусями разговаривают. Домашние по сараям прячутся, а все равно их чувствуют, которые летят-то.
– Ну, мамка, скажи, чего они говорят?
– Ой, говорят, я все слышу.
– Мамка!

– А вот чего. Значит, вожак этих, которые летят, вожаку в сарае, мол, летим с нами, го-го-го, а те из углов ему: «Куда?» Верхний им, в страну далекую, по ту сторону земли. Там трава шелковой, вода слаще, не мерзлая. А эти: «Мы пужаемся-а, мы бескрылые, мы запертые!» А который вожак в сарае, оттопырит свой клюв-то, ему обидно, что его сверху дразнят, и гогочет: «И чего там хорошего, у нас всего-го-го тут вдоволь!» А верхний вожак, мол, страна там лебяжья, детством зовется.

Мишка недоверчиво смотрит, ляжку штанов плечом натягивает, сопит. Странная у него мать. Вон, с котом, как с человеком разговаривает, ругает его взаправду. А попробуй, скажи – по шее моментом схлопотать можно. Конечно, поплачет потом, так дело сделано, лучше промолчать.

Проводит Максимовна стаи поутру, вслед поклоняется, и целый день тихо ходит, улыбается блаженно, все у нее из рук падает, не ладится.

Глядь, домой собирается. У Мишки друзей полна деревня, дел невпроворот, и на речку, и в лес, мало ли? Едем и все.

– Мамка, дай зайца с поля поймаю?
– Кому сказано, чертушка моя? Штаны продрал, и морду где-то покарябал. Я тебя!

И уезжают.

Весь год Мишка о деревне с городскими ребятами говорит, надоест так, что смеяться начинают. Но про птиц молчит, ну их, совсем прохода не дадут...

Когда Мишка прошелся по комнате в красных шароварах и при бинокле, рисуясь перед матерью, она рот прикрыла ладонью – вылитый продкомиссар Костя Рокотов.

И глаза, и зубы реденькие, и квадрат подбородка настырного... А походка-то, господи, что делается! Давно отца прах истлел, а вот тебе фокус, воистину мать-природа повторяется в творениях своих. Даже плечом на ходу, идол, подергивает.

Красные шаровары Максимовна на сына по случаю праздника надела. В комсомол Мишку приняли утром, пришел, от гордости чуть не лопаются.

Достала Максимовна чудо красное из сундука, надеть попросила. Мишка глаза растопырил, такие же, как у отца, с косинкой, хотел мать на смех поднять, но поостерегся, уж больно у нее вид торжественный был. Ходил в ее удовольствие по комнате, улыбался, потом бинокль нацепил, с ним покрасовался, а в раж вошел – и маузер именной пристроил.

Максимовна за сыном следит, пальцами мелко-мелко дрожит. Сколько лет минуло, простить мужу не может, что ничего не сказал ей тогда, в августе двадцатого, не попросался, а уехал в одночасье. И сгинул под Тамбовом вместе со всем своим отрядом. Только и осталось, что маузер, бинокль, красные шаровары, и Мишка-вьюн.

Она то утро хорошо помнила...

Маялась над ведром, кусок в горло не лез, восьмой месяц Мишку донашивала. Выворачивает ее наизнанку, а тут двое в комнату, сели к столу, молчат. Этим двоим Максимовна раньше часто с мужем видела...

Себя переселила, в шаль старую закуталась, села. Оглядел старший комнатку полуподвальную, потрогал шары металлические на новой кровати, покивал одобрительно. Молодой мужик из мешка пять буханок хлеба тянет, богатство по тому времени несметное. У Максимовны глаза так и застыли на хлебе, дух перехватило.

А из мешка связка воблы, десяток луковиц, сала кусок изрядный и, мамочки родные, круг колбасы! Доконал он ее яблоком, выташил «невидаль» из кожаного кармана куртки, протянул – Максимовна его «хрум», за луковицей потянулась, и ее вслед, вприкуску.

Старший грустно улыбнулся. Максимовна спохватилась кипяток ставить, но заговорил молодой чекист. После его страшных слов она замерла. Гору живота набухшего придержала, прислушалась – стучит рокотовское семя, на свет просится. Сжала зубы и крик удержала, только кивнула молча...

Под конец рассказа, молодой на стол маузер, бинокль и портсигар выложил. И заметила Максимовна, что портсигар он чуть дольше в руке задержал, видно, понравилась вещь. Она его обратно подала. Он отказываться, но Максимовна так отчаянно головой замотала, что взял молодой подарок, на товарища оглянулся, тот кивает одобрительно.

Переглянулись они и уши, осторожно дверь за собой прикрыли, словно опасаясь, что ударит им в спины крик-выстрел осиротевшей женщины.

Родила она Мишку дохлого, не плакал, а пищал тонко. Мордастая акушерка ребенка по задку похлопала, вздохнула: «Не жилец». Максимовна голову в волосах потных, слипшихся, подняла, рот запекшийся облизала, и черными словами «благодетельницу» выругала.

А могла бы встать, прибила бы, в порог втоптала за слова гнусные. Акушерка сквозь зубы что-то вышедила, плюнула и пошла, Бессильно Максимовна следила, как она с полки две буханки хлеба прихватывает.

От пенсии отказалась наотрез. Ее к большому начальству вызывали, корить пропововали и ругали нешуточно, но она одно твердила: «Батька недоволен был бы, что сын на харчах у власти находится...»

Рос Мишка слабосильным, били его дворовые хваты оптом и в розницу.

Приходил в соплях красных, ужасал мать разноцветными «фонарями», но не жаловался, не ябедничал. Максимовна умоет, луку нажует, приложит под красочные «фонари», и с воем за шпаной гоняется, кого лупить – не знает, молчит Мишка, потому, всем поровну раздавала.

С четырнадцати лет стал Мишка железом баловаться. Наташил домой гирь и, с утра до вечера, над ними потом обливался. Поначалу пластом лежал, кряхтел, потом ничего, справляться начал.

Спустя год Максимовна присмотрелась и ахнула – экое дурило выросло! И поняла, что не придется ей больше за Мишкиными обидчиками по двору с метлой гоняться.

В армию сына легко проводила, в письмах приветы от соседок и друзей дотошно выписывала. Как война началась, ничем своего страха животного, ужаса неопишимо не выказала. На второй день, после речи Сталина, в церковь пошла.

Встала у иконы Спаса Пречистого с усмешкой странной, концы платка перебирала. Бабка церковная, из тех, что всю жизнь у лампадок суетятся, нагар со свечей снимают, ее заметила. Подошла, чего, девка, скалишься, что смешного в храме быть может?

Максимовна ее с ног до головы осмотрела, в икону пальцем ткнула:

– Мишку моего убьют, я этого прокляну. Сгорит деревянный.

– Господи, Владыка-милостивец! – всполошилась бабка. – Кого проклянешь?

– Сына убьют, я всех святых ваших прокляну, и отрекусь.

Бабка от такого кощунства задохнулась, хотела бабу сраму предать, но в глаза ее глянула и такое увидела, что едва не упала. Почудилось ей, что светятся огни в глазах богохульницы. Ну, при свечах чего не покажется, только бабка еле доташилась до скамейки...

Дежурила Максимовна по ночам на крыше вместе с жильцами, готовила ведра с песком и водой для «зажигалок», и жила от восточки до восточки.

Медсестра Фаечка интересничала. То губки надует, то Мишку по плечу пилоткой хлопнет. А то смеется бестолково, так что у Мишки от удивления глаза еще больше косят.

У Фаечки нос с горбинкой тонкий, на щеки тугие тень от ресниц падает, кожа смуглая. Глаза, как две сливы, черные-пречерные, над ними брови к вискам тянутся. Невысокая, а кажется высокой из-за талии, натуго ремнем схваченной, ног стройных, в офицерские сапожки затянутых, словом, смотреть на Фаечку – удовольствие.

Но Мишка не смотрит. Чистит ППШ свой надежный, ушами малинится, зло по сторонам поглядывает, а не смеются ли однополчане, не хихикают ли над фаечкиными выкрутасами? А им чего, они тоже заняты делом.

Дело серьезным оказалось. В баронском особняке банда «вервольфов» засела. Поднаторели людские души губить, руки мой – не мой, с них кровь человеческая капает... У каждого на совести такое, что жизни не хватит по часу за каждого убитого человека в тюрьме сидеть.

В плен не идут, парламентаров посылали дважды, ни в какую. Надеяться им не на что, часом живут. В плену по их делам при расследовании – верная пуля.

Пьяные. У беглого барона погреба в особняке от продуктов ломаются, из окон пустые бутылки дождем.... Деваться некуда, как волков обложили, вот и пьют да закусывают, смертный ужас ликерами марочными заливают.

Раз сунулись на прорыв, их пулеметами так «приехали», что от пятидесяти человек едва тридцать вернулось. Круговую оборону держат, боеприпасов – завались, гранатами отбиваются, а с чердака флигеля пулемет стрекочет.

Комполка, полковник Малинин, хотел их в камни гнезда баронского пушками вколотить, но приказ из дивизии «не трогать, архитектурная и художественная ценность!» Малинин полчаса на телефоне просидел, орал на штабных нешадно, а ему одно:

«...посуда, утварь, живопись...»

Полковник после тягостного раздумья и осмотра особняка, добровольцев кликнул.

Война вот-вот кончится, поэтому, наверное, некоторое замешательство в рядах случилось, потом весь полк вперед шагнул. Малинин по первой шеренге глазами скользнул и отвернулся. Отошел в сторону, сор из глаза платком удаляет.

Группу захвата Райнис набирал, командир полковой разведки. Его за нелюдимость и неразговорчивость Немтышом прозвали. Такой муки ему каждое слово стоит, что собеседник за него страдает. Слова подсказывает, а латыш только кивает и белыми ресницами хлопает, мол, давай, друг, выручай, говори.

В Мишку Рокотова Райнис вторым по счету после Петьки Кротова пальцем ткнул. Оно и понятно, Петька по храбрости в полку номер один. Воин прирожденный, чутье на опасность, поле боя видит. У него вся грудь от наград сияет, гимнастерка тяжелыми складками провисла.

Отобрал латыш пятнадцать человек. Малинин ему, мол, хватит ли? Немтыш только плечами пожал, улыбнулся и сделал ребятам знак к нему подойти. Подошли, сели. В нескольких словах Немтыш план объяснил, простой план и мудреный – одновременно.

Короче, предложил он всю группу на грузовик посадить, и на большой скорости пробить ворота во внутренний двор. В это время огнем снаружи немцев отвлекают. Что делать там, во дворе, что их ожидает – на это у Немтыша слов не хватило, только рубанул ладонью воздух и сел автомат чистить.

Малинин оторопело выслушал, побагровел от досады, уж больно план авантюрным показался, но подумал и согласился. Поодаль на бревнышко присел, прутом по голенищу сапога постукивает, ребят рассматривает.

Особняк сквозь деревья хорошо виден. Колонны белые, пруд небольшой, от него широкая лестница к парадному подъезду поднимается. Окна узорчатые, цветные, посреди клумбы две бабы каменные дебелие стынют. Одна в венке и покрывале, другая нагишом. В венке – на меч опирается, голая кувшин держит, из него вода струйкой льется. Малинин покосился и плюнул зло, отвернулся, стал на Фаечку смотреть.

Медсестра Фаечка интересничает.

– Что это вы, Мишенька, от девушек хорошеньких шарахаетесь? – кончиками пальцев кудряшки на висках толк-толк, повзбила. – Так можно и в холостых застрять. Что, хотите в холостых пожизненно проходить?

Мишка тряпкой затвор драит, молчит. Эта Файка треклятая ему давно прохода не дает. И рубить пробовал, и по-хорошему, с нее как с гуся вода.

– Вы, Мишенька, это зря! – Фаечка зрачками мерцает загадочно. – Как кончим войну, так отведу я вас прямо в ЗАГС. Там скажут слова хорошие, замечательные слова... И сядете вы, залеточка моя, за свадебный стол. Костюмчик, само собой, чистенький справим, будут нам «горько» кричать. Я в платье белом-белом, на голове веночек или фата перламутровая, на ногах туфельки шагреновые.

– Вот дает! – Петька Кротов восхищенно головой качает.

– А ты, Кротов! – Фаечка бровь выгнула. – Когда милые тешатся, не лезь, а если влез, говори по совести, что делают с парнями, из-за которых красивенькие девочки с ума сходят и на речку топиться бегают?

– Убивают их! – заорал Петька, и сапогом пристукнул о землю. – Кожу с них дерут, на барабан натягивают, а на барабане «тангу» пляшут.

– Вот, Мишенька, по законам всех времен и народов, убивают соблазнительей. Так в лице Петьки непутевого глас народный решил. Но, вы нужны для Победы, и приговор отменяется. Остается мне, бедняжке, сплести веночек из цветов и бродить по полям – лугам чужеземным девой бесприютной. Ах – ах!

Фаечка кувыркнулась с пенька, легла на траву, ноги в сапожках вытянула, а руки крестом на груди сложила.

Мишка побагровел. Латыш усы в порошок стирает, у самого плечи дрожат, Петька в голос ржет. И Ласкин в колени уткнулся, смеется. Ерофеич, старшина в возрасте, а тоже басом громыхает. Только Малинин грустно улыбается...

Мишка хотел что-то «завернуть», как встал Немтыш, ладонь вверх поднял – все!

И все встали. Сразу у Фаечки глаза расширились, словно прострелило ее вековой болью. Быстро с травы вскочила, за плечи Мишку взяла и губами сведенными шепчет:

– Осторожно, мальчик мой золотой! Я ждать буду, ты помни, если с тобой что, так я под пулю пойду.

У кустов оглянулась. Мишка такую тоску ощутил, что по спине ознобом дернуло. Неожиданно для себя, в три прыжка расстояние до девушки покрыл, никого не стеснясь, крепко обнял и в губы, что есть сил, поцеловал.

Откачнулся, легонько по носу ее шелк, и к бойцам пошел.

На дно кузова грузовика десятеро легли. Автоматы под правую руку, гранаты у пояса. Легли ногами по ходу движения, как-никак, а ворота прошибать придется. Для упора Малинин велел к доскам пола и бортов вроде ручек прибить, чтобы во время удара самим не побиться и других не задавить.

Пятеро в обход пошли, со стороны флигеля пулемет – им задача поставлена, чтобы замолчал он вовремя.

Митрохин шофер опытный, всю войну за баранкой, а тут... Покрылся синевой с лица, сигарку не выпускает из губ, дымит нешадно, то и дело на особняк баронский косится. Так рассчитал Митрохин, что крути-верти, а сто пятьдесят с лишком метров ему машину навстречу смерти гнать. Дорога узкая, не повилеешь. Знал, что шанс мизерный, потому и покрывался синевой, испариной смертной, кривил губы в улыбке виноватой.

Аллея прямо в ворота упирается. До поворота на аллею Митрохин машину подогнал и встал, вышел из кабины, ноги размять. Немтыш из-за борта смотрит, молчит, потом улыбнулся Митрохину и говорит:

– Ты, Костя, когда на прямую выйдешь, сразу скорость давай, сам вниз жмись. Педаль газа придави и перед воротами падай на пол кабины. Ворота труха, мы их, как шепку разнесем.

– Танком бы, – Митрохин задумчиво, – а где взять? Они вперед ушли.

– Времени нет, вот чего, – в тон ему Немтыш.

Кивнул Митрохин и в кабину полез.

Трое ребят осталось в кузове машины, когда она во внутренний двор влетела. И вправду, как шепку ворота разбили, даже удара не ощутили, только треск, да доски на голову посыпались. Митрохин машину с ходу развернул и к боковой стене особняка плотную прижал.

Мишка в паре с Немтышом мертвую зону проскочили под окнами, на каменную пристройку запрыгнули, по ней к окну большому, сапогами в стекла раз! Мишка в

вестибюль прыгнул, по шарахнувшимся теням – «тра-та-та-та!» Немтыш подоспевшего Ласкина в окно втянул, тоже застрекотал.

Петька Кротов не добежал, его из бокового окна в упор ударили. Оглядываться некогда, кто жив, кто нет, надо дело делать.

Ласкина прямо перед Мишкой – в голову. На цыпочки привстал, выгнулся, автомат выронил, за каску схватился и на паркет рухнул.

Мишка секунду смотрел, потом выверился.

Подвернувшегося «вервольфа» очередью по стене размазал, прыгнул в коридор.

Другого немца по окаянной голове прикладом с ходу, тот без звука на пол сунулся, а набежавший Немтыш добил.

Со всех сторон автоматы бьют. Из мраморных колонн по вестибюлю крошка острая летит, гипсовые амурсы на стенах фонтанчиками взбухают. От их глупых ликов носы-щеки-подбородки кусками отваливаются. А со стен портреты глазами шеряются, лезут из темного фона.

Двое хотели к лестнице наверх перебежать, их Немтыш струей огненной положил, за колонну сунулся, там немец! Патроны у него, видно, кончились, вскочил и автоматом стал, как дубиной, махать. Немтыш к нему – не подпускает, дьявол.

Мишка увидел, как они пляшут друг перед другом, заорал:

– Не бери их! Без плена!

На него выскочил один, в эсэсовской фуражке на самые уши, от пуза громыхнул очередью. Мишка едва успел в коридор отпрянуть. Выставил ствол ППШ, нажал на спуск – шелчок! Конеч диск. Мишка «Вальтер» из-за пояса выдернул, присел. В фуражке в проем двери выскочил, как раз стволом над Мишкой оказался, он аккуратно и выстрелил под этот ствол. Немец пулю животом втянул, швырнуло его назад и в сторону, падая, заостенел, весь рожок в потолок выпустил и затих.

Погнали «вервольфов» снизу наверх.

– Сколько вас, собак? – Немтыш голосом прорезался.

– Прикрой!

Мишка страшными прыжками по лестнице наверх. Упал за мраморный портик, вжался в пол, и вовремя, по нему с двух сторон сыпанули. Но камень толстый, по такому из пушки бей и ничего.

– Мишка, гранатами нельзя! – Немтыш орет. – Там живопись!

Мишка лошадиную морду немца в прорезь мушки поймал, аккуратно прицелился, только на спуск, а немец раз – и за угол. Отстреливается коротко, грамотно, чуть Немтыша на перебежке не свалил. Сзади грохнуло за колонной, Мишка резко обернулся, а рядом с ним Митрохин свалился. Улыбка во весь рот, на щеке рваная рана, видно, пуля вскользь махнула.

– Ну, чего?

– Во! – Митрохин большой палец выставил. – Теперь все, теперь живем, а? Мишка кивнул.

Неожиданно стихло. С той и с другой стороны ждут, затаились. А Митрохин орет:

– Как в ворота вмазал, так, думаю, конец, а я – вот он! Понял?

– Да понял-понял, чего орешь-то?

– Не, это осколком задело, гранату, гад, чуть не под ноги швырнул, а так ничего.

– Не ори! – Мишка рассердился. – Прямо в ухо!

Митрохин ему в лицо заглянул и кивает:

– Полковник «Отвагу» обещал. Ты не раненый?

– Да ты что, оглох, что ли? – Мишка с подозрением на Митрохина смотрит.

– Полный диск, вот! – Митрохин автомат показывает.

– Понятно, контузило тебя.

Мишка его за плечо вниз придавил, мол, пониже, браток, пониже, у ворот цел остался, здесь могут свалить. Митрохин улыбается во весь рот, струйку крови со щеки рукавом стирает.

– «Утомленное солнце нежно с морем прощалось...» – кто-то из ребят песней душу отводит, собственные нервы на прочность шупает.

– Немтыш!

– Ну.

- Сюда не ходи, тут сволочь один засел, не выкурить.
- А ты на что?
- Ему удобно, из комнаты шпарит, лестницу держит.
- Ладно. Гранатами не надо, живопись.

С полчаса молчали. Потом «вервольфы» на прорыв пошли.

Четверо скачками из комнаты к лестнице! Поливают из автоматов. Один наскочил по горячке на колонну, ударился лицом и опрокинулся. Может, пьяный, а только бросил автомат и на четвереньках пополз. Мишка его с ходу приговорил. Другой за колонну юркнул, оттуда огнем паркет перед Мишкой поливает, шепы набил тучу.

Митрохин из автомата двоих срезал, а тот, что за колонной, Митрохина достал. В лоб пуля угодила. Повалился Митрохин затылком на спину, Мишку всего горячим залил. Мишка мотнул головой, проскрипел зубами и вскочил...

Через портик прыгнул, метнулся из стороны в сторону, ушел от очереди и за колонну. Сапогом по стволу ударил, прикладом впереди себя, не целясь! Попал в плечо немцу, тот упал, скребет руками, на четвереньки встал, снизу вверх смотрит. Челюсть отвисла, по подбородку слюна течет – это Мишка в какой-то миг ясно разглядел.

Хотел немцу «хенде хох» крикнуть, вместо этого из горла карканье вышло. А у немца, неизвестно как, и ножик в руке! Чуть Мишка маху не дал, прыгнул немец прямо с четверенек, погон полоснуть успел, как бритвой срезал. Мишка остаток диска в немца выпустил.

Прислушался, нет стрельбы, на пол сел, перед собой в стену смотрит.

– Как ты? – по лестнице старшина Ерофеич поднимается, головой вертит, по сторонам озирается. – Живой?

- Немтыш где?
- На полу внизу.
- Живой?

Ерофеич, не отвечая, на корточки рядом присел, папироску из портсигара вытянул, подал.

– Сколько нас? – Мишка спрашивает, прикуривая.

– С тобой пятеро.

Кивнул Мишка, задумчиво на огонек смотрит.

– Вы последние были... То крыло быстро уговорили. С десяток в плен сдались, остальные все тут.

- Надо в тех комнатах посмотреть, Ерофеич.
- Чего смотреть-то? С черного хода вошли, там нормально.
- Митрохина... – Мишка на портик головой мотнул. – Контузило его, оглох. Вот этот его срезал.

Мишка показал на труп немца у колонны. Ерофеич покосился, плюнул под ноги, и отвернулся. На лестнице слышались голоса, человек десять бойцов рассыпались по второму этажу, комнаты и переходы осматривают.

Пошли вниз. Немтыш недалеко от окна лежит, прямо над ним огромная картина – кавалер в шляпе с пером на лошади, а сзади олень убитый и собаки вокруг. Ерофеич губу прикусил вместе с усом, покачал головой, а Мишка как увидел картину, так и задохнулся. Выхватил финку и хотел с маху ее от края до края, но остановился.

Вспомнил, как кричал ему Немтыш про гранаты и живопись, не стал резать.

Зажмурился крепко и прочь пошел, сквозь резные двери... Когда-то резные, были они разбиты автоматными очередями и взрывами гранат в шепу, едва висели, одна половина лежала на полу, так что и открывать не понадобилось.

На пеньке консервы открытые, бутылка с этикеткой красной, в медалях. Фаечка возле Мишки на корточки присела, в глаза искательно заглядывает. А у Мишки что-то «застопорило». Как сел на траву, ноги вытянул, так и застыл наолго. Что ему Фаечка говорила, куда-то рукой показывала, смеялась – Мишка ничего не понимал. Улыбался и травинкой пожухлой себя по щеке гладил.

Десять ребят на траве лежат. Полковник Малинин возле каждого присел, каждому в лицо заглянул, губами шевелил.

Сердце у Малинина ни к черту, так что Фаечка на него пристально посматривала.

Мишка сквозь ее кудряшки ствол березы видит. Весна, конец апреля, на березе листочки махонькие. Вот странно, и тут, на чужбине, она такая же. А еще больше странно, что вот он, живой, может на ноги встать, а в двадцати метрах ребята лежат ровно, недвижно так, и ничего им не надо.

Облако чужое комком ватным повисло. Мишка его внимательно рассмотрел – ветер от облака целые глыбы отрывает, уносит. Куда? Может, домой? Фаечка его взгляд проследила, губу прикусив, долго крепилась, потом не выдержала, в сапог лицом уткнулась и крепко в Мишкину ногу руками вцепилась. Мишка, не отрывая глаз, наугад руку протянул, ее плечо нашупал, гладит.

– Троих родишь.

– Рожу, сколько захочешь, все твои будут. Именами наших ребят назовем, да?

– Девки будут?

Подняла Фаечка голову, подумала и крепко так:

– И девки будут, у меня кровь крепкая.

– Мамка по осени всегда меня в деревню возила. Она туда с птицами прощаться ездила, в деревню-то.

– Их теперь встречать надо. Войне конец, их теперь много прилетит! Свистеть, гулять будут. Еще куковать. На зорьке как раскукуются! Врут, что кукушка года считает, это она по детям плачет. Доля ее такая.

Максимовна в подъезде пол моет. Юбку за пояс заткнула, простоволосая и злая... С бывшим боцманом Карасевым насмерть сцепилась.

Повадилась старый гуляка цветы в сквере драть. Норовит целым букетом отовариться, не иначе, как бабе какой-нибудь таскает. Неизвестно, что больше задело Максимовну – догадка о бабе, или цветы, за которыми она строго следила?

Но подстерегла Карасева и давай стыдить. Потом хотела отнять букет. Боцман не дал. Возились долго, букет изломали, воротник рубашки боцману Максимовна с корнем выдрала. Все молча.

С обидой разошлись.

Моет Максимовна пол, и под нос ругательства разные выговаривает. Вдруг окликнули ее. Обернулась сослепу: в дверях мужик рослый, вроде в форме, рядом силуэт бабий. Максимовне свет в лицо, не угадать, кто спрашивает. Тряпку выжала, распрямилась с кряхтеньем, руки в бока.

– Кого, Жорку Пенкина? Нет его, на работе, один Старик в дому.

– Мамка! – от двери.

– А? – туговатая на ухо Максимовна голову набок, вслушивается...

– Мамка, да ты чего? – Мужик вперед вышагнул, навстречу.

Максимовна из тренированной глотки дворничкой такой крик исторгла, что спавший после ночной смены за тремя дверями, боцман Карасев подхватился со сна, и ударился в бега по авральной тревоге.

На кухне опомнился, остановился и долго изумленно слушал.

Повернул Вожак голову гордую:

– Ну что, летишь с нами?

– Куда?

– Домой, там трава шелковой, лето красное.

– И что?

– Глупыш, детство там твое. Полетели!

– Страшно, летать не умею.

– Делай как я, вверх, вниз крыльями, на воздух опирайся. Держись за него и не упадешь.

– А убьют? Из ружей стреляют.

– Не думай об этом, глупыш, летим на родину.

Режут белые крылья чернильно-густое небо. Как ни напрягай глаза до прищура туманного, а все дальше и дальше по-за горизонт птичьих стаи улетают к родным гнездовьям...

(Продолжение следует)

ПОЭЗИЯ

Марта КИМ

Тиши новый день

* * *

Печаль моя светла. Я вас давно простила –
И принцев ряженных, и нищих королей,
Как будто не со мною это было,
И злую шутку разыграл апрель.

Бездомнее собаки я бродила
По улицам среди тусклых фонарей...
Печаль моя светла. Я всех давно простила.
Жизнь только начинается теперь.

* * *

Ты в прошлом. И мне не жаль,
Что так случилось.
Зачем тебе моя печаль? –
Скажи на милость?

Когда ты счастлив и с любой,
Живешь привольно...
Зачем тебе чужая боль,
Над степью – молния?

* * *

Дай мне поплакаться вволю,
И не годы мои – беда.
Нечего, нечего вспомнить
Под унылые песни дождя.

* * *

Что было, то прошло. Важнее – завтра:
В каком часу проснемся на земле.
И сохраним ли то, что было свято,
Над чем так горько плакали во сне.

* * *

Расстались, чтоб встретиться вновь
На краю всех земных дорог, –
Где небесная тишь, облака,
Где мы будем с тобой на века.

И прости, что живу без тебя. –
Так весною приходит весна...
Оттого ль просыпаюсь в слезах? –
Словно травы после дождя.

* * *

Мы по разные стороны –
Друг в друга не верим.
Стало белое черным,
Черное – белым.

Как легко потерять, –
Что казалось нам вечным...
Лишь во сне время вспять,
Мы по-детски доверчивы.

* * *

Когда весна и на деревьях почки,
И взгляд влюбленных ощущаешь кожей, –
Ты не напишешь ни единой строчки,
Пируя жизнь. В последний раз, быть может.

* * *

Забудь о прошлом. Серебрится иней...
Пиши новый день! –
Как пишет художник свои картины –
Лепестки хризантем.

проза

Назар ЭШОНКУЛ

Люди войны

Повесть*

Нормат пришел в свою деревню и зашел к старухе Бийди. Он хотел сообщить ей о своем намерении и в глубине души верил, что она его поймет. Но разве пожилой человек способен за такое короткое время стать мудрее или добрее...

– Тетя... я... хотел бы вернуться... домой. Спасибо вам, что не оставили меня на улице. Подумайте сами, какой толк вот так жить, как я... Прошлое уже не вернуть...

Бийди не сразу поняла, что он хочет сказать. Взглянув на него мутными глазами, она спросила:

– Не понимаю, о чем ты? Ты хочешь... вернуться?

– Да, вернуться домой, к... семье...

– Что?! – чуть не задохнулась Бийди. – Вернуться... к ней?! К этой шлюхе?! Она... ведь... скоро родить должна! Ты сам-то понимаешь, о чем говоришь?! Где твоя гордость?! Мужик ты или нет?

– Тетенька! – стал умолять ее Нормат в надежде, что она поймет. – Я только ради детей! Не хочу, чтобы они росли сиротами! Если она и согрешила, бог накажет! Но причем тут дети? Я не имею права бросать их на произвол судьбы. Все от бога, это не нам решать... Тем более сами хорошо знаете, была на меня похоронка... Я не имею права ее обвинять, – он опустил голову, как бы желая вызвать у Бийди жалость к себе, к детям.

Однако Бийди ядовито усмехнулась:

– Почему правды не скажешь? Так и скажи – соскучился по жене! Что уставился? Думаешь, я ничего не понимаю? Дети, говоришь? А они, может быть, и вовсе не твои!

Нормат резко поднял голову:

– Как вы смеете так говорить? Побоялись бы бога! Одной ногой в могиле, а так жестоки! Не берите грех на душу! Да разве вы кого-нибудь понимали в своей жизни!

*Продолжение. Сокращенный и переработанный литературный вариант повести подготовлен редакцией. Подстрочный перевод И. Чориева.

Дикое желание задушить старуху волной окатило Нормата. Но он взял себя в руки и только сказал:

– Зачем ты вообще живешь на свете, только другим жить мешаешь!

Он резко встал и бросился к двери. В доме Бийди воцарилась тишина. Вдруг Гульнара не выдержала:

– Уйду! Давай вместе уйдем отсюда! – она обратилась к другой невестке. – Если наши мужья и вернуться, то сами нас найдут...

Мирзакулу опять повезло. Его отъезд на фронт приостановили на время из-за его семейного положения. Он постоянно думал об Анзират. Он знал, что любит ее и что все ее мучения были из-за него. И принял решение помочь ей, а со временем – увести ее с детьми в другие края.

* * *

Как-то, ранним утром, Анзират вышла с сыном во двор, где они обнаружили мешок, наполовину чем-то наполненный. Холмат спросил мать:

– Мама... это... наше?

Анзират медленно подошла к мешку и развязала его. Неожиданно она резко выпрямилась, будто увидела внутри змею.

Холмат вопросительно смотрел в лицо матери: что же там такое?

Анзират догадалась, что это было от него! Слезы навернулись ей на глаза:

– Сынок... это... твои дяди принесли... Занесем домой...

Холмат не понял:

– Дяди?! А где они? Почему не зашли домой?

– Наверное, не было времени! Придут... после... А пока давай поднимем мешок.

Мешок занесли в дом, разбуженная шумом Ходжар подбежала к Анзират:

– А что это? Папа... принес?

Анзират промолчала, еле сдерживаясь, чтобы не расплакаться. Сверху лежало письмо, развернув его, она стала читать, пока дети шустрыми ручонками извлекали из мешка съедобные припасы.

Мирзакул писал: *«Анзират! Очень тебя прошу, прими это если не для себя, то хотя бы для детей! Чем они виноваты в допущенных нами ошибках. Я знаю, как тебе сейчас трудно, и еще раз прошу, прими то, что я передал, не обижайся на меня!*

Анзират! Я хоть сейчас готов забрать тебя и твоих детей. Перед богом признаю своим ребенка, которого ты носишь, жду, когда он родится! Не хочу, чтобы люди плохо думали о тебе! Вспомни, у нас с тобой были совсем другие планы. Моя жена не стала бы возражать...если бы не приехал он!

Сохрани наше дитя! Мы обязательно найдем какой-нибудь выход из этого положения. Слышал, что Нормат не хочет жить с тобой и даже был готов тебя убить, а родные твои отвернулись от тебя... Значит, мой долг – помочь вам!»

У Анзират по щекам текли слезы.

Она часто думала покончить с собой, несколько раз даже собиралась сделать это, готовилась, мысленно прощаясь с близкими ей людьми, даже написала предсмертные записки для детей, отца, братьев и мужа! Что ей мешало? Разве Большая река не протекала недалеко от них? Из реки живым не выйдешь. Но она знала – не сможет! Представила, как дети подумают, что она вышла за водой, чтобы испечь им хлеба, как они будут давать... а ее все нет и нет! Никогда! Никогда она не сделает этого! Не имеет права!..

Жизнь продолжалась. До жителей доходили слухи о скором окончании войны. Демобилизованные после ранения солдаты рассказывали, что бои ведутся уже в самой Германии. Но чаще приходили и похоронки...

Анзират после того трагического дня ни разу не видела Нормата. Мирзакул же аккуратно присылал ей продукты, с обязательной запиской, с заверениями в своем постоянстве.

Анзират не выходила на работу из-за округлившегося живота, а колхоз и не требовал. Было понятно, что это старался Мирзакул.

За несколько недель до рождения ребенка, Мирзакул написал ей, что жена обо всем знает и что она согласилась с решением мужа. Болезнь истощила ее и все в жизни ей стало безразлично. Мирзакул писал, что хочет увезти Анзират подальше от этих мест к дальнему родственнику, в пустующем доме которого она сможет спокойно родить ребенка. А муж Анзират, может, тоже со временем женится на другой женщине – и все наладится. Мирзакул настаивал на необходимости узаконить их отношения.

А Анзират не без страха думала о том, что Мирзакул, возможно, ее единственное спасение. Может, действительно надо уехать, приняв его предложение – зачем ей было отказывать Мирзакулу, ведь Нормат отрекся от нее и их детей.

Достав из сумки спящего Холмата карандаш и бумагу в клеточку, Анзират села около лампы и, подумав, стала писать ответ Мирзакулу.

Уже стемнело, когда Нормат вошел во двор своего дома. Стоило ему зайти внутрь, его обитатели с испугом уставились на него.

Анзират встала с места, но чтобы не упасть прислонилась к стене. Ноги ее дрожали, а сердце готово было выскочить из груди.

Нормат сразу все понял. Прежде чем заговорить, он кашлянул. Чуть помедлив начал:

– Анзират... скажи детям, чтобы не боялись меня, и скажи, что я тебя не трону.

Анзират молчала, немой вопрос застыл в ее глазах.

– Анзират, ты... не виновата... и пожалуйста, не оправдывайся, – он не хотел говорить этого, но вышло непроизвольно, – то есть все что было не изменить, да и ни к чему это... прошлое уже не вернуть... Понимаешь меня?

Собравшись с духом Нормат наконец выпалил:

– Анзират! Не смотри на меня так! Я... вернулся к вам! И знаю, почему ты так поступила...

Говоря это, он старался не смотреть на ее округлившийся живот.

– И не думай, что я когда-нибудь буду упрекать тебя! Поверь! Почему же ты молчишь? Или, у тебя... другие планы? – дрогнули его губы.

Силы покинули Анзират и она медленно опустилась на пол, закрыв лицо руками. Сквозь пальцы искоса посмотрела на Нормата: он не такой человек, чтобы обманывать. «Хитрец не будет вести себя так! Господи, помоги мне! Я не знаю, что делать! Зачем, зачем он пришел теперь, когда все уже было решено, когда Мирзакул уехал готовить дом к моему приезду! Как сказать ему об этом! А дети... такие беззащитные! Господи! Не скажут ли они мне потом: вот, отец пришел с нами жить, а ты прогнала его и... стала жить с этим дядей! Особенно Холмат, он ведь уже взрослый...»

Нормат посмотрел на жену: «Ну почему она молчит? Или не верит мне? Что я должен сделать, чтобы она поверила? Как будто мне было легко прийти сюда?» – думал он.

Анзират не убирала исхудавших рук от лица. Неудержимое рыдание охватило ее, она не могла говорить...

Нормат, не зная, как поступить, стоял и смотрел на жену. «Не может простить меня, а может, все еще любит его. Кто же он... Почему до сих пор никто не узнал, кто навещал ее и помогал детям, когда я ушел? Может, его уже нет в живых... или он тоже на фронте... А ей совсем немного осталось до родов... И почему я был так уверен, что она захочет жить со мной? Не раз слышал, что тяжело ей и дети голодают. Неужели Махамеди и его жена, сами полуголодные, делились с ней? Ладно, зачем мне думать об этом, когда никто здесь не собирается со мной разговаривать! Если бы

нуждалась во мне, простила бы даже мое зверство, хотя бы ради детей! А ведь и без любви муж и жена могут вместе прожить до самой смерти – и такое бывает».

Он посмотрел на детей, будто видит их в последний раз. Тяжело стало на сердце, оттого что жена своим молчанием отвергла его.

Он повернулся и вышел из дома. Анзират не пошевелилась.

«Все, нельзя здесь больше оставаться, мне тут нечего делать! Завтра же меня никто не увидит! Может... никогда – ни живым, ни мертвым!

Нормат тяжело вздохнул. Он стоял и прислушивался к далекому шуму Большой реки, смотрел вверх на сверкающие звезды, не замечая, что по его лицу текут слезы... Река будто притягивала его к себе... и он сделал первый шаг, затем второй, но в этот момент позади послышались шаги. Нормат оглянулся: Холмат?!

Сбиваясь и тропаясь мальчик проговорил:

– Мама... мама сказала мне: «Верни отца!»...

Нормат сел на корточки, обеими руками обхватив худые плечики сына. Вглядываясь в глаза ребенка, он пытался понять, мать ему это сказала, или же это его собственная инициатива. А когда Холмат неожиданно крепко обнял его и зарыдал, ему стало все равно, что о нем думает Анзират.

* * *

Мирзакул уставился на Халила – у него не укладывалось в голове, что Нормат вернулся в семью.

– Что ты мелешь, алкоголик несчастный?! Сам все продукты продал или на бутылку обменял, а теперь плетешь мне тут!

– Нет, хозяин, продукты в мешке, можете сами проверить. А Нормат и вправду вернулся, хорошо еще вовремя узнал, – проговорил Халил смущенно.

– Убью, если наврал, понял! И никому ни слова! – Мирзакул сел на лошадь, сильно стянул ее нагайкой и поскакал домой.

Бессонная ночь в тревожных мыслях медленно сходила на нет. Мирзакул лежал уставившись в одну точку, перебирая в памяти события последних дней. Вдруг в дверь кто-то тихо постучал.

Мирзакул обернулся:

– Кто там?! – недовольно спросил он.

Вместе ответа дверь чуть приоткрылась, и показалось круглое лицо старшего сына, мальчика лет тринадцати. Вид его был печален. Он шепнул:

– Папа... вас... мама зовет.

Мирзакул шел за сыном, почти в кромешной темноте, к горлу подкатывал комок – будто должно было произойти что-то неприятное, что-то, о чем он совсем не хотел думать.

Едва он вошел в комнату жены, послышался голос:

– Прошу вас... Привезите ее сюда.

– Кого?! – не понял Мирзакул.

– Ту женщину... она... хорошая, да? И... у нее двое детей? А муж погиб на фронте (Мирзакул, рассказывая об Анзират приврал, назвав ее вдовой). Она будет хорошо присматривать за моими детьми, как за своими? Не притеснит? Говорите! Если будет их обижать, то лучше скажу своей маме, когда придет сюда, чтобы увезла их...

Лицо его жены выражало решительность, и тут он понял – перед ним умирающая мать, которая хочет убедить, что ее дети останутся в надежных руках, с порядочной женщиной. Он осторожно начал:

– Да... она... хорошая, будь уверена... но, нельзя ли подождать...

– Нет, нельзя... сегодня же привезите ее... сама с ней поговорю... Сможете? Недалеко отсюда живет? В Теракли, говорили, кажется... Пусть придет в этот дом и останется жить. Я вам верю... Вы ведь любите наших детей и не позволите ей, чтобы

она отнеслась к ним как злая мачеха... да? Почему... молчите? Бойтесь, что мы сцепимся друг другу за волосы? Смотрите на меня... я еле дышу, может, в последний раз говорю с вами... Или... мои слова для вас ничего не значат? Тогда... пожалуйста... отправьте человека за моей мамой... Все, позовите Анвара, я должна и ему кое-что сказать... я устала...

Мирзакул не мог сдержать слез: «Неужели умирает? Господи, сколько ей лет? Ведь нет и тридцати... А как ей скажешь, что Анзират, которой она хотела доверить своих детей, вернулась к мужу! Что теперь будет? Я обманул жену, а Анзират все-таки предпочла своего мужа... Глупец!»

Но, надо было успокоить умирающую:

– Хорошо я привезу ее. Только не завтра Она вот-вот должна родить! Кто за ней будет ухаживать? Я же говорил тебе!

Жена не отступала:

– Тогда я еще не знала, что так скоро умру. Пусть рождает здесь. Ведь ребенок ваш, пусть он родится в доме отца.

Это уже была попытка для Мирзакула, его аж в жар бросило:

– Что люди скажут? А твои?

– Сама объясню им, если, конечно, успеют приехать...

– Не забывай – я у всех на виду! Знаешь, сколько завистников и врагов у меня?! Как только приведу ее сюда, притом, с ребенком своим, – он запнулся, покраснел, и жена заметила это, – знаешь, какие толки пойдут! Начнут писать в разные инстанции! Я прекрасно понимаю твои переживания, благодарен тебе за доверие... но подумай обо мне...

Он так трогательно и убедительно говорил, что его жена задумалась. С минуту она смотрела в сторону, а затем тихо продолжила:

– Я так беспокоюсь за детей, – сказала она, уже без упрека в голосе. – Дайте слово, что будете заботиться о них также как и о ней.

– Неужели у тебя есть сомнения на этот счет, – еле выговорил он, вспомнив, что Анзират ему все-таки чужая...

Губы жены дрогнули, но она молчала, положив свою холодеющую руку на руку мужа.

Огромный двор пункта сбора призывников был полон людьми. Было много женщин, стариков и детей всевозможных возрастов.

По репродуктору, установленному на высоком столбе, звучала веселая песня в исполнении Тамары Ханум, но никто не обращал на нее внимания.

Мирзакул с вешевым мешком за спиной, быстро попросившись с людьми, приехавшими проводить его, поспешил присоединиться к призывникам.

Началась переключка новобранцев. И в самом начале Мирзакул услышал свою фамилию. Все остальное стерлось из его памяти – он не слышал ни голосов, ни рыданий, ни стенаний и последних напутствий – все смешалось в монотонный шум.

Какой-то полный офицер в звании подполковника медленно прохаживался перед строем, оглядывая призывников. Проходя мимо Мирзакула, он поправил на нем форму, хлопнул его по животу и с усмешкой сказал:

– Ого! Здоровый малый! Где тебя так откормили? Что такое?! Ты чего это? Плачешь? Хуже бабы?! – подполковник был явно недоволен увиденным.

У Мирзакула по щекам текли слезы. Он никак не мог взять себя в руки – может, сказывались бессонные ночи, проведенные в раздумьях о будущем своей семьи и Анзират.

Подполковник нахмурился:

– Да-а-а... Струсил? Посмотрел бы вокруг: вот, парни, намного моложе тебя, еще мальчишки, можно сказать, а как держатся! Или жену оставлять жалко? Что, воин? Почему не отвечаете? – уже на повышенных тонах заговорил подполковник.
– Как вас зовут? Откуда?

Мирзакул всхлипывая, назвался.

– Н-да... И с таким бабьем характером хотите воевать? А с виду и не скажешь! Какой пример подаете этим парням? Не стыдно? Отвечайте!

Мирзакул не знал, что ответить, ему лишь хотелось, чтобы его оставили в покое. В этот момент к ним подошел Фарид и стал о чем-то говорить подполковнику. Тот приблизился к Мирзакулу и, с интересом вглядываясь в его лицо, сказал:

– Ах вот как! Вы из тех молодцов, значит? Все так умело подстроили... А теперь... что же хотите?

Мирзакул молчал – ему хотелось провалиться сквозь землю.

– Когда умерла ваша жена?

Мирзакул отвел взгляд, не ответив. Зачем?

– Я вас спрашиваю, воин! Отвечайте, когда спрашивает старший по званию! – крикнул подполковник, задетый его поведением.

– Позавчера, – прошептал Мирзакул.

– А детей сколько?

– Шестеро («Нет, семеро», – промелькнуло у него в голове)...

Подполковник призадумался, покачал головой, косо глядя на Мирзакула, потом подозвал Фариду...

Через две минуты Мирзакул уже шел к двухэтажному зданию призывного пункта в сопровождении Фариды. Их шаги эхом отдавались в длинном темном коридоре.

Уже почти у выхода Фарид шепнул Мирзакулу на ухо:

– Я сказал, что у тебя большая беда и поэтому ты плачешь... Ну что, доволен?

Мирзакул не ответил ему.

* * *

У Анзират родился сын. Через неделю Нормат с Шарифом уехали в селение Камаша, чтобы подготовиться к переезду...

Халил долго стоял на пороге своей хибары, молча наблюдая, как Мирзакул медленно идет к нему, потом, отстранился, чтобы пропустить его внутрь. Мирзакулу не сиделось дома: детей увезли родители жены, как невыносимо было расставание с ними! Он не хотел показываться людям на глаза, слышать слова сочувствия. Как-то к нему приехал Фарид, обещал помочь определить его куда-нибудь на работу, советовал держаться «тише воды, ниже травы». А Мирзакул-то думал, что Фариду уже нет дела до него, ведь кто он ему теперь – никто!

В тот же день он вспомнил о Халиле: «Не сердится ли он на меня? Я, кажется, зря был с ним груб... Зазнался же я! Думал, всегда буду так жить, приказывать, делать все, что захочу...»

– Что, не ожидал? – спросил он Халила.

Халил пожал плечами:

– Добро пожаловать, не впервые же приходите. Слышал, будто вас... призывали?

– А ты небось был очень рад этому, да?! Кстати, тебя почему не призывают?

Халил даже не смутился:

– А зачем вам это знать?

Мирзакул похолодел от его тона и подумал: «Да, мне теперь нельзя забываться, надо знать свое место», но, не подавая вида, улыбнулся:

– Извини, если что не так...

Халил опять пожал плечами, а затем уже более дружелюбно спросил:

– Не торопитесь? Чай поставить?

Мирзакул принужденно улыбнулся:

– Если не трудно...

Халил, усмехнувшись, вышел.

Мирзакул стал оглядывать комнату: все как прежде... Нет, грязнее – Анзират

каждый раз убирала, приводила в порядок эту убогую хибарку, до блеска мыла посуду перед уходом.

«А знает ли он, что моя жена умерла? Не заметно, чтобы сочувствовал. Станный он человек, но он единственный, к кому я захотел прийти. Да, докатился...»

Халил вернулся, сел напротив и молча смотрел невидящим взглядом.

– Может... организуешь что-нибудь? – спросил Мирзакул.

– А что? Сами не принесли? – опять усмехнулся Халил.

Мирзакул покраснел:

– Как-то не подумал... Вот, сейчас хочется... Ладно, в другой раз...

– Почему в другой раз? У меня есть, но... не забудьте: будете должны!

Мирзакул кивнул:

– Давай, неси... Вот ты даешь! Будто я жмот какой-то! Нехорошо, друг...

– Будет хорошо, если в следующий раз не с пустыми руками приедете! – сказал «друг» не грубо, а так, чисто по-дружески, как своему собутыльнику. Неожиданно, это понравилось Мирзакулу.

– Ну, как у тебя дела? – спросил Мирзакул, после первого выпитого стакана.

– Ничего, тихо-тихо.

– Надеюсь, не сердиться на меня?

– Если бы сердился, не сидел бы сейчас с вами.

Мирзакул благодарно взглянул на него.

– Хорошо, молодец, а... какие новости вокруг?

– Где именно? – пылливо посмотрел Халил на собеседника. – Например, его уже нет дома.

Мирзакул удивленно уставился на него:

– Ты... о ком?

– О нем. Как уехал с Шарифом в Камаша, так и не вернулся, вот, скоро неделя.

А Шариф давно дома...

Он вопросительно смотрел на Халила, тот по-своему понял его:

– У вас родился сын. Здоровый, говорят...

У Мирзакула то ли от выпитой водки, то ли от его слов, застучало в висках. Он покраснел, криво улыбнулся: «У меня сын!»...

– Брось! – вдруг буркнул он. – Какой я отец, она, как сам знаешь, к мужу вернулась! Теперь... он ему отец.

Халил взял стакан:

– Вот человек, а! Я же говорю – он не вернулся! Мальчишке-то все равно, кто его отец! Если честно, я тоже не знаю, кем был мой отец...

Мирзакул поднял свой стакан, долго, мутными глазами смотрел на его содержимое через грязное стекло, потом, поднес к губам...

Наутро, перекусив остатками вчерашнего ужина, Мирзакул выташил из кармана бумажник:

– На, – протянул он его Халилу, – Сбегай за водкой, а заодно подробно разузнай... сам знаешь о ком... – и многозначительно посмотрел он на своего бывшего конюха.

Халил не ответил, а бумажник засунул во внутренний карман своего потрепанного пиджака.

Нормат с Шарифом нашли в селении Камаша старый заброшенный дом. Быстро договорились с хозяином, родственником Шарифа, о «купле-продаже». И вот когда все уже было решено и можно было начинать новую жизнь, с Норматом приключилась новая неприятность – раненная нога воспалилась.

Он вспомнил, что говорили ему военные врачи, когда он демобилизовался:

– Вот ваши документы. По ним, в указанное время обращайтесь в госпиталь. И не забудьте, с этим шутить нельзя...

Когда боль стала невыносимой, Нормат обратился к Шарифу:

– Друг, знаешь.

– Знаю, сам все вижу по твоему лицу. Что ж, поехали в твой госпиталь.

А в госпитале Нормату сказали, что дела его совсем плохи – необходимо двухнедельное лечение, больше откладывать нельзя.

– Как две недели?! Нельзя ли... – начал было Нормат.

Шариф резко оборвал его:

– Нормат, лечись – сейчас важнее этого для тебя ничего нет, а семью потом перевезем.

Нормату пришлось согласиться. На том и распрощались.

* * *

Халил поставил бутылку на стол:

– Вот, хозяин, – добродушно улыбнулся он. – А сдачу куда?

Мирзакул пытливо посмотрел на него:

– Все? Больше тебе нечего мне сказать?

– А! Вот ты о чем, – воскликнул Халил. – Нет, никто не знает, где он... Шариф, кстати, твое место в колхозе занимает. – Мирзакул сделал вид, что ему все равно. – Он дома и, конечно, не станет отчитываться, куда отвез Нормата... Возможно, Нормат, хоть и примирился с женой, принял твоего ребенка, но вдруг понял, что не может ее простить... Вот и удрал! Что тут такого? Я могу его понять. Почему не открываешь? – кивнул Халил на бутылку. – Думаешь, Анзират теперь достанется тебе? Планы составляешь? А что, все может быть.

Мирзакул взял бутылку и молча, без ножа, крепкими пальцами откупорил ее.

* * *

Нормат еле добрался до Теракли: по дороге сломалась машина, пришлось долго идти пешком, однако, на его счастье, его подобрал один наездник, случайно проезжавший мимо на своем исхудалом коне. Он довез его только до деревни Кан, где жил сам. Уже стемнело и он предложил Нормату переночевать в его доме...

Но Нормат, поблагодарив его, решил идти дальше: в госпитале ему стало лучше и теперь можно было целый год там не появляться, если беречь себя.

Мужчина, наблюдавший за удаляющимся прихрамывающим Норматом, догнал его и предложил:

– Возьмите коня! Завтра, отдохнув дома, приведете его, а если не успеете, то и послезавтра можно... Счастливого вам пути!

* * *

Шариф обрадовался, увидев Нормата, друзья обнялись. Друг предложил было Нормату переночевать у себя, но получил категорический отказ:

– Что ты! Когда я почти дошел до дома! Завтра увидимся, когда придешь ко мне. Сам знаешь, надо готовиться к отъезду...

– Но, так поздно!

– Нет, спасибо. Не забудь завтра.

Шариф вздохнул:

– Может, до дома провожу? Слышишь, собаки лают?

– Кстати, мое ружье у тебя, перед тем как уехать в Камашу, у тебя его оставил. Когда есть ружье, и собаки не пристанут...

Анзират, затопив печь, поставила на нее большое ведро с водой, занесла со двора таз.

После возвращения с Камашу Шариф ей сообщил, что Нормат приедет через две недели. По ее подсчетам он должен явиться сегодня, но, время уже было позднее. Анзират уложила детей спать. Младенец сладко спал в колыбели, в которой когда-то

спали Холмат и Ходжар. Сняв мужнин чапан с плеча и укрыв шерстяным платком дочку, она пошла закрывать двери, и вдруг...

От неожиданности и страха Анзират застыла на месте, увидев на пороге Мирзакула, виновато улыбающегося, с плетеной нагайкой в руке, бледного, похудевшего. Одет он был в длинный тулуп.

– Здравствуй. Не ждала? – сказал он, нерешительно снимая каракулеву шапку, – Мне говорили, что... что... он уехал куда-то и опять оставил вас одних. Верно? Я долго наблюдал за вашим домом и подумал, что он, наверно не вернется сюда...

Анзират не могла пошевелиться. Она слышала, не от кого-нибудь, а от мужа, да, да, а именно от него, что Мирзакула призывают в армию, и что жена его умерла от болезни. Он сказал это как бы между прочим, когда они как-то вечером сидели за чаем, ни о чем не подозревая и не обращая внимания на то, что Анзират резко побледнела от его слов.

– Ты наверно, знаешь, как сейчас живу, – продолжил Мирзакул, – Меня тоже хотели отправить туда, но, как видишь, я здесь. Вот, пришел... увидиться с тобой и узнать...

Анзират перебила его:

– Уходите! – запаниковала она – ее бросило в дрожь. – Зачем?!

Мирзакул удивленно смотрел на нее, ничего не понимая.

Анзират заметила, что он уже не тот, что был раньше, даже стал какой-то маленький. Вокруг глаз появились темные круги, плохо побрит и одежда была мятая.

– Я много думал о тебе, – продолжал Мирзакул, не поднимая глаз. – И про нашего сына... Кстати, как ты его назвала? – он покраснел.

– О чем вы говорите?! Сейчас ли время об этом говорить! – закричала Анзират. Холмат и Ходжар проснулись от громкого крика матери, и, привстав с места, смотрели на незнакомого гостя, а малыш в колыбели, чуть дрогнул, но не проснулся. – Если муж вернется сейчас?! Он сегодня должен был приехать!

– Как?! Он разве... не бросил тебя? Мне же говорили... что давно его нет и ты опять одна осталась с детьми. Узнав об этом, я пришел предложить тебе...

– Не надо! – перебила его Анзират. – Муж живет с нами, а сейчас он лечится, в Камашах, в госпитале! Поверьте! Он не бросил нас! Прошу вас... Пожалейте... если не меня, не мужа, то детей! Уходите быстрее!

– Анзират... Не обманываешь меня? Если что, я могу сейчас же забрать вас всех к себе! За этим я сюда и пришел!

Анзират вскрикнула:

– Муж должен был сегодня приехать, но задерживается... Чем прикажете клясться?! Нашим... ребенком?! Его жизнью! Вон он лежит... Хотите?!

Мирзакул, постепенно начал понимать, что это правда, посмотрел в сторону колыбели, и, не отводя от нее взгляда, сказал:

– Значит... он... лечится? Надо же... Я-то думал, мне говорили... Как же так...

– Да, да! Он лечится... прошу вас... уходите! – теперь не кричала, а умоляла Анзират.

Мирзакул печально взглянул на Анзират:

– Можно мне... на малыша посмотреть? Я не вижу его лица, – сказал он тихо. – Тогда и уйду... раз так вышло. Не буду навязываться... Прошу тебя, не отказывай, может, в последний раз вижу его...

Холмат и Ходжар смотрели на него округленными, полными страха глазами.

Анзират была в отчаянии:

– Бога ради, уходите! Не мешкайте! Он в любой момент может вернуться...

Она не договорила, за дверью послышались странные быстрые шаги: тук-тук, тук-так... Анзират вздрогнула, забыв о Мирзакуле, уставилась туда: она поняла, чьи это шаги и чем это все закончится...

Нормат удивился, услышав фыркание чужого коня за воротами дома. Может, это соседский конь? Например, Махамеди? Конь, увидев приближающегося к нему чужого человека, начал пятиться и недовольно фыркать. Нормат заметил его испуганные глаза.

Чей он? Почему привязан здесь, у меня во дворе? Кажется... я его где-то видел... Но, где? У кого? Как он мне знаком. Знает ли Анзират, чей это конь...

Но тут он вдруг все понял. Все его подозрения и страхи мгновенно всплыли изнутри подсознания, раздувшись непомерно большим шаром, неподъемным грузом легли на сердце, и его несчастье снова стало огромным. Он не мог поверить... «Нет! Это что-то другое! Она знает, что я сегодня вернусь! Нет, не надо грех на душу брать. Может, это ее отец или братья! Может, и они простили ее, как я! Это может быть кто угодно, но только не... *тот!* Надо сначала убедиться... убедиться...»

Он приблизился к дому, и вдруг услышал разговор двоих, женщины и мужчины. Анзират говорила громче, а тот как бы все время бормотал, басистым голосом.

«Кто это в такой поздний час? И голос какой-то знакомый. Где же я слышал его раньше?»

Дверь была открыта. Нормат стал поодаль, чтобы можно было видеть, что происходит в доме.

Незнакомец стоял широкой спиной к нему, но Нормат сразу узнал его... Сквозь туман, застилающий его разум, он услышал слова Анзират:

– ...не мешкайте! Он в любой момент может вернуться!

От злости Нормат стиснул челюсти: он все понял.

Дрожащей рукой он снял ружье с плеча и появился в дверях дома.

От неожиданности Мирзакул сделал несколько шагов назад и очутился рядом с Анзират.

Нормат сначала окинул взглядом жену. Затем обратился к Мирзакулу:

– Значит... это ты?! Это ты... и как я сразу не догадался...

Он направил ружье на своего врага, который стоял не двигаясь, и с размаху ударил его рукояткой по пояснице. Мирзакул со стоном упал к ногам Анзират.

После этого Нормат подошел к жене, приподнял ее дрожащий подбородок. Дети сразу поняли, что папа будет ее бить и от страха накрыли лица одеялом. Они боялись даже плакать: очень страшен был вид отца.

Нормат дышал прямо в ее лицо. Сквозь зубы он ожесточенно шептал:

– Я простил тебя, думал, ладно, ошиблась... Оказывается... Сука! Чуть дальше ушел от дома, тут же снюхалась с любовником! Не могла пропустить ни дня, хотя прекрасно знала, что я сегодня вернусь! – прохрипел он. – Все-таки, как права была тетя Бийди! Если бы не было таких, как ты, не падали бы нравы людей!

Он с презрением посмотрел на Мирзакула, лежавшего на полу, скрученного от боли, потом на Анзират и стал заряжать ружье. Руки его дрожали.

Мирзакул, пересилив боль, пробормотал:

– Опомнись, Нормат... Я зашел... Она... не виновата, все я...

Нормат не то что не мог опомниться, он как-будто потерял рассудок. Секунды напряженной тишины разорвал грохот выстрела... Мирзакул застыл, согнутый пополам. Мгновение спустя Анзират лежала на полу без сознания. А дети, не успевшие заснуть, громко плакали, дрожа всем телом под одеялом.

Еще секунда – и раздался второй выстрел.

Спустя три дня милиционеры, приехавшие с Камаша, в сопровождении участкового повсюду искали Нормата, ходили по дворам, расспрашивали всех о его друзьях, родственниках. Обыскивали дом. Но так ничего и не нашли.

Только через полмесяца в ущелье в горах нашли чей-то труп. Лицо и тело трудно было опознать – человек был растерзан волками. Но ноги сохранились, и одна из них была искусственной – протез ступни...

* * *

Повсюду на полях краснели тюльпаны – и казалось, что это огромный ковер, сотканный из цветов. Дождь гулко стучал по крыше заброшенного дома Нормата, ветер врывался в пустые комнаты.

Война закончилась, очень немногие вернулись с нее, в том числе, и оба сына старухи Бийди. После крушения всех ее надежд она ослепла, старшая ее сноха не оставила старуху, а Танзила, младшая, удивила всех, к концу весны сбежав из села с молодым учителем из Камаша, у которого, по неподтвержденным пока слухам, не было детей от первого брака.

Все думали, что не увидят ее больше. Но через два года их заметили в Камашах, да только все еще бездетными.

Год спустя они приехали погостить в Терсоте. Холмата и Ходжар гостя увидела у свекрови. Дети, узнав ее, бросились в ее объятия, почему-то долго плакали, хотя Норхол – старшая сноха – хорошо обходилась с ними: кормила, одевала наравне со своими детьми.

Погостив два дня, уже перед самым отъездом, Танзила неожиданно заявила, что детей заберет с собой и усыновит их. Ей никто не стал возражать. Со старухой Бийди уже никто не считался – все ждали, когда она умрет! А Норхол, хотя любила детей Нормата, но в действительности ей было тяжело поднимать их и вести хозяйство.

Она не отдала их и Ханифе, когда та хотела взять детей себе. Младшего сына Анзират взяла себе пожилая сестра Мирзакула, она не хотела, чтобы ребенок рос в приюте. Терсотинцы даже не знали, как назвала его Анзират и какую фамилию они с Норматом собирались ему дать.

Многие облегчено вздохнули, услышав о смерти Бийди. А спустя три месяца умерла и сама Норхол. Все видели, как после окончания войны, убедившись, что муж не вернется, она стала чахнуть на глазах – говорили, что у нее туберкулез, но куда ее везти и как лечить – никто не знал.

Прошли годы.

Когда Холмату исполнилось семнадцать лет, а Ходжар пятнадцать, в семье Танзи-лы, где они росли здоровыми и счастливыми, родились близнецы. Любовь приемной матери к чужим детям никак не уменьшилась с рождением своих, и даже наоборот, ведь Ходжар оказалась прекрасной помощницей и помогала Танзиле во всем.

Обрадовался и Холмат, что у него есть теперь братья!

После окончания школы, Холмат поступил в военное училище – очень хотел стать кадровым офицером. А когда учеба уже почти закончилась, познакомился с девушкой и в тот же год сыграли свадьбу.

В это время Ходжар уже была замужем и имела грудного ребенка. До ее свадьбы камашинские парни, чуть ли не ежедневно дрались из-за нее – до того красивой была дочь Анзират. Замуж Ходжар вышла по любви.

* * *

Когда советское войско вошло в Афганистан, Холмат был уже в звании подполковника, имел двух взрослых сыновей и дочь.

Год спустя, отстреливаясь в горах Гиндукуша последними патронами он попал в окружение вражеских войск. Он и не подозревал, что отстреливающийся вместе с ним, здорового вида парень в звании капитана, направленный в составе новой роты на усиление, – сын Мирзакула – заклятого врага родного отца, их семьи – его брат. Он даже не знал его имени.

Прямо на Холмата по воздуху летела ручная граната, но за стрельбой он не заметил ее. Одно мгновение – и капитан с отчаянным криком успевает накрыть Холмата своим телом.

Но, не помогло.

Обоим...

Конец

ПОЭЗИЯ

Баходыр АХМЕДОВ

*Бесконечность – это
когда перестаешь считать
снежинки*

Б. Ахмедов родился в Ташкенте в 1967 г. Закончил физический факультет Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова (1990 г.) и аспирантуру физфака МГУ (1994 г.). Кандидат физико-математических наук.

Его стихи и проза публиковались в периодических изданиях и альманахах: журналы «Звезда Востока», «Гармония», «Жахон Адабиёти», «SC», «Мегаполис», альманахи «Сегодня», «АРК» (Узбекистан), журнал «Урал», альманах «Аргатак», газеты «День литературы» и «Литературная газета» (Россия), «Иерусалимский альманах» (Израиль), газета «Лондон-ИНФО», журнал «Новый стиль» (Великобритания), журнал «Таллин» (Эстония) и журнал «Книголюб» (Казахстан).

В октябре 2007 года он занял первое место на Международном поэтическом конкурсе «Пушкин в Британии». В сентябре 2008 года принимал участие в VI Ташкентском фестивале поэзии. В феврале 2010 г. выпустил первый сборник стихов «Молчание шара».

В настоящее время работает в Ташкентской Международной Школе и сотрудничает с журналом «Bella Terra».

* * *

Бесконечность – это когда перестаешь
считать снежинки.

Отрешенность – это когда перестаешь
думать об отрешенности.

Просветление – это когда
перестаешь говорить о просветлении...

Свобода – это когда начинаешь дарить
свое неприятие.

* * *

Группа крови: третья.
Резус: отрицательный.
Посмотри, столетие,
На меня внимательно!

Я твой сын беспочвенный,
От корней оторванный.
Телефон испорченный,
Шнур любви оборванный.

Может, в снах спасение...
В их переливании.
Кровь моя – терпение.
Резус мой – молчание.

* * *

Они пришли под вечер: едоки
картофеля. Те самые, Ван Гога.
Вошли гурьбой, оставив башмаки
тяжелые у самого порога.

Угрюмы были лица едоков –
осточертел, наверное, картофель.
Я предложил им хлеб и молоко,
я им сварил мой самый лучший кофе.

Они смотрели молча на меня –
на лицах бесконечная усталость.
Они бы посидели у огня,
да дров за эти годы не осталось.

И в тот момент мне было невдомек,
что ждали от меня они ответа
на свой вопрос: зачем, зачем Ван Гог
их наградил таким дрожащим светом?..

Зачем, его страдания впитав,
они однажды поняли, как страшен
его любви таинственный состав,
в безумье, как в спасение, бежавшей?.

Они все ждали, что я им скажу.
А что сказать?.. И в горле стало сухо.
И страшно стало, словно я держу
в руке своей отрезанное ухо.

* * *

Направо – город птиц.
Налево – город лис.
А между ними город ожиданий...
Калейдоскоп усталых наших лиц,
Слепых надежд привычное молчанье.

Быть может, к птицам было бы верней,
Да выдают глаза на первом слове..
А лисы помнят всех своих детей
И вряд ли нас своей признают кровью.

Так и живем... Меж небом и тоской.
То дружим с птицами, то лисам льстим любезно.
То зависаем незаконченной строкой,
Как мостик недостроенный, над бездной.

* * *

На краю книги сидит птица.
На краю жизни сидит время.
На краю неба сидит ангел.
На краю грусти радость сидит.

Эти веса будут вечно качаться
И равновесие длится лишь миг.
Мы возвращаемся в небо, как птицы,
Или слова - в тишину своих книг.

Каждый из нас – непонятное слово
Несуществующего языка.
На краю строки точка возникла
И растворилась в небе строка.

* * *

Мы с тобой из одной строчки.
Мы с тобой из одной соли.
Два луча – из одной точки,
Две огня – из одной боли.
Мы с тобой из одной страсти,
Из одной на двоих сути.
Два луча одного счастья,
Два полета одной грусти.

Ненадежны слова наши.
Не дописан рассказ краткий.
Мы с тобой из одной чаши
Пьем напиток тоски сладкой.
И на дне остается бремя
Наших слов, наших дней сырых.
Мы с тобою творим время
Из одной пустоты мира.

* * *

Не доходили до предела...
Не обнажали пустоту.
Но кто-то видит только тело,
А кто-то ищет чистоту.

Не понимали смысла встречи,
И все же встретились опять.
Но кто-то светом был отмечен,
А кто-то не сумел понять.

Потом проснулись в неизбежность
Своей ошибки и вины.
И кто-то снял портрет надежды
С глухой стены.

* * *

Когда город расставит сети,
когда ветер кружить устанет,
когда небо тебя заметит
и в глаза твои ночь глянет...
Когда вдруг целый мир дольний
твоего будет ждать ответа,
ты поймешь, как дышать больно,
как прочна эта сеть веток.
Как покинуть ее страшно,
даже если ты стал птицей.
Даже если ты стал старше
и свобода тебе снится.
И в пустой глубине мира,
где столетья звучат тихо,
ты поймешь, как душа сирота
все не может найти выход
в лабиринте надежд вечных,
где все легче любви бремя.
Где так страшен мотив встречи
с тем, кто скажет тебе: «*Время*».

* * *

Все, что случилось, случилось на взлете.
Все, что открылось, открылось потом.
Кто я? И как вы меня назовете,
Если однажды войду я в ваш дом?

Прошлого призрак? Безумный бродяга?
Тающий отблеск былого огня?
Я не умею смеяться и плакать.
Как вы теперь назовете меня?..

Жизнь нас хранит, как попытку прозренья.
Все, что случилось, случилось во сне.
Кружатся две одинокие тени
В черном квадрате – в разбитом окне.

* * *

Музыка отзвучала.
Медленно гаснет свет.
Можно начать с начала,
Только начала нет.

Да и конца не видно –
Лишь бесконечный круг.
Так позабуди обиды,
Вспомни про чистый звук.

Музыка – это выход
В голую суть любви.
В зале темно и тихо.
Помни. Люби. Живи.

* * *

Реальность всегда такова, какова...
А рядом режутся пустые слова.
Играют, смеются, не зная о том,
Что мы их однажды не пустим в наш дом.

Реальность всегда изначально права.
Но что есть реальность? Деревья? Трава?..
Осеннее небо? Бездомный старик?
А может быть, все-таки это язык?..

Язык, как попытка проникнуть в нее.
В реальность, чье имя «в себе-бытие»,
И чьи бесконечные маски страшат,
Одна из которых есть наша душа.

* * *

Избыточность смыслов
растворила единственный *Смысл*,
который мог спасти нас.
В воздухе застыли осколки прошлого.
Невозможно пройти мимо, не задев
хотя бы одного...

Подводное

..Но однажды становишься рыбой,
видишь мир через толщу воды
искаженным иной перспективой,
уменьшающей облик беды.
И теряя свои очертанья,
проплывают навстречу тебе
Бесконечные сны и желанья,
тяжело оседая на дне..

Где-то там, над тобою, надежды –
им неведом твой тайный маршрут.
И к далеким своим побережьям
корабли их упрямо плывут.
А тебе – глубина и свобода,
и коралловый лес немоты.
Может, Бог сотворил эту воду,
чтобы в ней сотворил себя ты.

* * *

О сложносочиненный быт,
Когда одно влечет другое...
Когда на части ты разбит,
И каждой хочется покоя.

Как нити в спутанном клубке,
Твои надежды и желанья.
Уйти бы в полночь налегке,
Устав от спора с зеркалами.

Обрезать нити, обрубить...
Но кто из нас готов на это?
А утром снова нужно жить
И находить свои ответы.

О сложносочиненный мир!
Кто сочинил тебя так больно?
Умножил вечное на миг
И результат назвал любовью.

* * *

Узнаем, увидим, откроем
Наш город, слепой, как печаль.
Надежды таинственным роем
Слетаются к нам по ночам.

И шепчут какие-то сказки,
И песни поют о любви.
Прощальные легкие ласки,
Прощальные пляски твои.

Узнаем, увидим, заплачем...
Мы – дети одной пустоты.
За нежность – усталостью платим,
За счастье – утратой мечты.

проза

Сергей ТАТУР

ЖЕЛЕЗНЫЕ ЛЮДИ

Фантастическая повесть

Глава III

Дома Петр Иванович и Павел облачились в шорты, вооружились легкой лесенкой-стремлянкой, секатором, ручной пилой-ножовочкой, штыковой лопатой и пошли в сад. Он был ухожен и чист, но при желании кто не найдет работы в саду и в огороде? Тут травка проклюнулась сорная и пошла в рост, там веточка подсохла и общий вид портит, а здесь веточка ненужная выпорхнула, лишняя. Она чрезмерную густоту создает, мощные плодовые ветви заслоняет. Нет, пытливый глаз всегда найдет, к чему приложить здесь руки.

Цветочные клумбы благоухали розами белыми и бежевыми, а сирень уже отцвела. Отдельным красным платком полыхали гвоздики. Интересно, земная или неземная красotka его обронила? Отвечали тюльпаны, а рядом с ними приветствовали солнце острые и тугие стебли гладиолусов. И были цветы новые, совсем диковинные, выпестованные селекционерами в последние десятилетия. И были растения, где роль цветов выполняли листья – бордовые, лиловые, желтые, голубые. Глядя на эту экзотическую прелесть, Петр Иванович только пожимал плечами. Сам он отдавал предпочтение розам и гладиолусам, но вкуса своего никому не навязывал. Это были владения Веры Андреевны, тут она была хозяйкой и наводила порядок по своему разумению. Даже Джону не разрешалось проявлять инициативу.

Обход сада был начат с участка, где росли абрикосы и урюк. Два абрикосовых дерева обещали щедро отблагодарить за заботу о них. Плоды густо облепляли их ветви, особенно верхние, и клонили вниз. Они тяжелели с каждым днем, и в их цвет уже начала вкрапливаться приятная желтизна. Через неделю можно будет поставить на стол первую вазу с этими фруктами. Урючины тоже обещали богатый урожай. Часть урюка пойдет на варенье, часть – на курагу. А все лишнее они отдадут заготовительной конторе, ведь им самим столько не нужно. Контора поступит с излишками по своему усмотрению, она снабжает и консервные заводы, и магазины. А косточки поколет Джон, посолит и прокалит.

Под урючинами просторно и прохладно, здесь хорошо встанет айван (топчан), здесь во всем саду самая густая тень. Чем лучше покрыть айван, – толстой войлочной кошмой или одеялом? Под орешинной тоже плотная тень и даже просторнее, но Вера не любит эфирного запаха ее листьев и никогда не ставит там свое раскладное кресло. А айван, на котором не захочет сидеть Вера, им ни к чему.

– Паша, ты бы где поставил айван? – спросил Петр Иванович сына. И Паша указал на ровную площадочку между абрикосами и урючинами.

– Заметано! – сказал Петр Иванович. Их мнения совпали, что было хорошим знаком.

За урючинами стояли черешни, три добротных, раскидистых дерева. Черешня сорта «бычий глаз» поспела, ее бордово-черный цвет еще почернел. Петр Иванович взобрался на стремянку, пригнул одну ветку, вторую, обобрал их и наполнил корзину доверху. «Другую стремянку, и повыше!» – попросил Павел, и Джон принес пятиметровую лестницу и поставил с другой стороны черешни. Павел взобрался наверх и тоже обобрал две ветки. На сегодня хватит, а ягоды на вершине дерева соберет Джон. А помогут ему птички – скворцы, которые проворны необыкновенно; зазеваешься, и они тут как тут. Только вот с какой стати Талдыкины будут делиться со скворушками такой вкуснятиной? Пусть букашек-таракашек клюют, их на деревьях, а особенно под ними тоже не мало. Ядохимикаты Петр Иванович не применял. Пусть деревья дадут меньше урожая, но зато к плодам не прилипнет ничего стороннего.

Робот отнес в дом два полных лукошка, а отец с сыном продолжили обход сада. Далее росли яблони ранние и поздние и груши. Яблони обещали столько плодов, что две трети они передадут заготовительной конторе. А десятка три ящиков снесут в подвал, до следующей весны. Зимой свое яблочко почему-то ароматнее и вкуснее привозных бананов, апельсинов, плодов манго и киви. Наверное, потому, что взлелеяно своими руками и сорвано ими же. Под яблонями Петр Иванович задержался, поработал ножовкой, потом секатором, удаляя лишнее. А Павел еще раз взрыхлил лопатой приствольные круги там, где они уплотнились и поросли травой. Эта работа уже была проделана месяц назад, но ведь сорной травке расти не запретишь. Прививкой саженцев Петр Иванович не занимался, отбирал для посадки апробированные сорта, в отношении которых время сказало свое доброе слово. За двумя рядами яблонь стояли груши и персики. Тут тоже пришлось потрудиться, подпереть стойками особенно урожайные ветки. Две ветки, однако, успели поломаться, и Петр Иванович поморщился: о подпорках следовало позаботиться еще вчера. Прикинул: на сломавшихся ветках плодов было штук сто пятьдесят. Жалко, но ничего не поделаешь. Не каждая ветка выдерживает тот урожай, который на ней зреет.

Далее росла вишенка – около двадцати деревьев. Они были обсыпаны ягодой сверхшедро, но она пока даже не розовела. К вишне Петр Иванович питал особое пристрастие – он делал из нее сухое вино. Собирал вишню, не считаясь со временем, потом давил своими руками, добавлял сахар, препровождал сусло в объемные стеклянные баллоны, прикрывал их крышками, но не плотно, и дозволял бродильному процессу сделать свое дело. Месяца вполне хватало, чтобы превратить сок вишни в отменное вино. Чем больше алкоголя вырабатывали проворные дрожжевые бациллы, тем хуже они себе делали – спирт был ядом, их парализующим. Пределом способностей дрожжевых бацилл было выработать четырнадцать градусов спирта, но этой цифрой они подписывали себе смертный приговор. Поэтому крепость сухих вин никогда не превышала двенадцати градусов. Все напитки более крепкие получались путем выгонки спирта из сухого вина или алкогольесодержащих заготовок.

Вина Петр Иванович делал столько, что ему и друзьям семьи хватало до нового урожая. Сначала в дело шла вишня, потом слива и виноград. Сорта «мускат» и «изабелла» придавали виноградному вину Петра Ивановича изыск тонкий, ни с чем не сравнимый. Ему нравилось делать вино, это было его хобби. И домашние относились к его увлечению с должным уважением.

* * *

Профессией Павла было роботостроение, или создание роботов, и в этом деле он разбирался куда лучше отца и лучше большинства своих коллег. В этом деле Павел был величина, один из законодателей мод, и его слово значило много на всех пяти

обитаемых материках, и на шестом тоже, ведь его осваивали роботы. Он собирал роботов с детских лет, и сначала это была игра, на базе конструкторских материалов высшего качества, а потом – призвание, подкрепленное университетским образованием и кандидатской диссертацией, которую приемная комиссия посчитала как докторскую. Такое случалось раз в четверть века, и это записали в анналах Ташкентского технического университета.

Они продолжили работу. Вишневые деревья в особом уходе не нуждались, и так радовали глаз пышностью и дружной устремленностью к солнцу. Казалось, не только соки, но и сама радость жизни прилиwała к листьям и ягодам вишни. А далее рядами шли шпалеры, обвитые виноградной лозой. Цветение винограда закончилось две недели назад, кисти сформировались, их было много, и уже можно было удалять лозу, лишённую кистей. Чтобы она не вбирала в себя соки, ей не предназначенные. Зашелкали секаторы, на землю полетели побеги большие и маленькие. Эти побеги вели в никуда, в тупики, лишённые продолжения жизни, и потому секатор поступал с ними так жестоко. Напрашивалась аналогия на массу пустопорожных побегов в недавней человеческой жизни: от алкоголиков и наркоманов, от гомосексуалистов нельзя было ждать молодой поросли. Человечеству пришлось затратить колоссальные усилия, чтобы направить этих заблудших людей на путь истинный. Были проблемы, ведь несправедность и права человека несовместимы.

– Папа, ты когда планируешь пойти в горы? – спросил Павел.

– Можно и в июле, и в августе. Акбулак – приятная река, там все причудливо, как в первозданном мире – замшелые скалы, березы. О, там такие нагромождения! А перевалим через хребет – там Ангренское плато с озером. У озера горячий источник, при нем ванна. Залезем в ванну, погреемся, и ты почувствуешь, как хороша жизнь. Варианты другие – Коксу и Чаткал. Долгое путешествие может привести нас к озеру Сары-Челек. Ничего более красивого не видел. Там уже чисто северные пейзажи с елями Пржевальского на склонах. Облачко набегит на солнце, и вмиг все другое.

– Папа, мне бы твою осведомленность по части наших гор! – сказал Павел.

– А мне бы твою осведомленность по части роботов! – сказал Петр Иванович.

– И ты думаешь, мы были бы квиты? Нет, разницу в двадцать два года, что нас разделяет, мне так легко не преодолеть! Я имею в виду жизненный опыт и общий объем знаний.

– Паша, это не есть повод для переживаний, – сказал отец. Землю под ними уже густо устилала обрезанная лоза.

– Каждому свое, – согласился Павел.

– Девушка тебе нужна, – сказал Петр Иванович. – Такая, чтобы стала твоей женой.

– Мечтаю о такой, – сказал Павел. – Чтобы увидеть и влюбиться. Чтобы на маму была похожа. Я нашел в Интернете десять красавиц, но не знаю, на ком остановиться. Вспоминаю одну деву, на которую мне очень приятно было смотреть в университете. А заодно думаю: Интернет – живая жизнь или ее зеркальное отражение?

Павел задал вопрос и воззрился на отца с юношеским коварным любопытством.

– Интернет – это отражение, – сказал Петр Иванович.

– Отражение чего?

– Всего и всякого.

– Папа, позволь с тобой не согласиться. Интернет как справочное бюро, можно найти все что угодно – сегодня шпроты в масле и зеленый горошек, завтра рюкзак туристический со всем, что нужно для горного похода, и так далее.

– Ладно, пойдем еще повкалываем. Сколько до обеда? Полчаса? Давай посмотрим, что нам огород приготовил.

На огороде клубничные грядки потребовали свое лукошко, картофельные – ведро. Клубника была ядреная и грелась на солнышке красными пупырчатыми бугорками. Собрать ее было одно удовольствие. Дружно цвели малина и ежевика, огурцы и помидоры. Они еще наполнили ведро огурцами, выдернули с десяток корешков зеленого лука. На сегодня было достаточно. Помидоры, перец и баклажаны так и остались неокученными – до следующего раза. Сад поливать было рано, деревья еще не сигнализировали о нехватке воды (в них были вживлены специальные датчики), а на огороде они полили огурцы и грядки с укропом, петрушкой, сельдереем, салатом. Повернули нужные вентили, а далее в дело вступила капельная оросительная система. Вода нигде не выступила на поверхность. Это был самый экономный вид орошения, но и достаточно дорогой. Вода была основным богатством края. Большая ее часть поступала по тысячекilометровым каналам из Сибири, из рек Оби и Енисея, и расходовать ее полагалось бережно, рачительно. Все Приаралье и земли в нижнем и среднем течении рек Сырдарья и Амударья орошались сибирской водой, и Арал целиком возродился в прежних границах.

Глава IV

Вертолет опустился перед домом Талдыкиных и принял их в свое уютное нутро. Сразу взмыл, кроны деревьев затрепетали, пригнулись, а потом выпрямились. Робот управлял этой легкокрылой, быстрой и комфортной машиной. Петр Иванович задержал взгляд на близких горных склонах, покрытых горизонталями террас. На террасах росли плодовые деревья и виноград, их приствольные круги были обложены камнем, аккумулирующим влагу, и этой влаги деревьям вполне хватало. Камни конденсировали ночную влагу, она откладывалась на них, как роса, а корни слизывали ее и впитывали. Вертолет взял курс на юго-запад, и долина стала быстро расширяться, а горы справа и слева – так же быстро снижаться, превращаться в холмы, а потом сменились равниной. Эта равнина простиралась на запад до Каспийского моря, а на север до Ледовитого океана. Внизу проплывало сухое извилистое русло Чирчика, выложенное белым галечником, а параллельно ему по правому берегу пролегал канал, вобравший в себя всю воду реки Чирчик. Она подавалась в Ташкент, где проживало четыре миллиона человек, и еще на окрестные поля, а попутно крутила лопасти турбин. Электрическая энергия от генераторов сейчас текла не в трансформаторы и провода, а в аккумуляторы, один килограмм емкости которых вбирал в себя десять тысяч киловатт-часов. Это эпохальное изобретение многое в мире перевернуло. Из пейзажей исчезли линии электропередач со стальными опорами и тяжелыми проводами. Источником электроэнергии на предприятиях, в квартирах и на транспорте теперь были небольшие аккумуляторы. Ушли в прошлое и двигатели внутреннего сгорания, их место на транспортных средствах и на сельскохозяйственных машинах заняли электромоторы. Аккумуляторы питали и роботов; одной батарее им хватало на год, а то и больше. Девяносто процентов электроэнергии на планете вырабатывали термоядерные станции, остальное – гидравлические, ветряные, солнечные. Органическое топливо теперь использовалось в крайне ограниченных размерах и совсем не так, как прежде.

Не прошло и десяти минут, как в иллюминаторах показался Ташкент. Высота и скорость рождали приподнятость. Потянулись коттеджи, обрамленные садами. Дома не повторяли один другой, и многие из них заставляли добрым словом помянуть архитектуру, как вид искусства. Вдруг открылись корпуса роботостроительного завода. Их окружали дубы и чинары. Заводской двор являл собой ухоженный парк, на аллеях стояли скамейки. Человеческому персоналу присутствовать в цехах было вовсе не обязательно, на ход рабочих процессов люди практически не влияли. Им,

конечно, приятно было считать себя важными персонами, но на деле все обстояло несколько не так. Это было самое крупное промышленное предприятие Ташкента. Полвека назад оно отобрало пальму первенства у авиационного завода, строившего транспортные самолеты большой грузоподъемности.

Вертолет приземлился на асфальтированной площадке. Повестка дня предусматривала сначала посетить заводской музей, затем осмотреть цеха. Музейные залы поведали Петру Ивановичу историю роботостроения. Оказывается, ей было более ста пятидесяти лет. Первыми роботами были нехитрые механические автоматы, закупоривающие бутылки и банки в разливных цехах пищевых комбинатов, подающие детали и закручивающие гайки на заводских конвейерах. Вместо электронной памяти у них были механизмы, аналогичные часовым, а руки и пальцы замешали устройства с цилиндрами, поршнями и штоками, зажимающие отвертки и гаечные ключи и действующие ими на строго ограниченном и выверенном пространстве.

Но, как говорится, лиха беда начало: любая современная техника восходила своими истоками к кузнечному горну, наковальне, молоту. Революцию в сотворение роботов внесла электронная память. В следующих поколениях роботов эта память обрела все черты человеческой – мгновенный выбор оптимального варианта из многих возможных, восприятие внешних условий и внешнего воздействия чувствительнейшими датчиками, повторяющими (или превосходящими) человеческие органы чувств. При этом все поведение роботов, все их поступки зижделись на праведной морали, а неправедность, такая, как зависть, злость, чувство обиды и мести, исключалась совершенно. Очень скоро электронный мозг робота мог вобрать в себя сотни программ самых разных профессий. Так, робот, предназначенный для научных исследований, обладал знаниями, эквивалентными большой публичной библиотеке и архивам многих исследовательских институтов и конструкторских бюро. И еще его электронный мозг обладал свободным пространством для тысячи и одного маневра этими знаниями, что позволяло ему строить гипотезы, среди которых были очень любопытные. Естественно, такой робот становился неиссякаемым источником новых идей, и наиболее перспективные из них быстро апробировались и получали практическое воплощение. И если человека надо было учить избранной профессии лет десять – пятнадцать, а то и больше (сюда входила и школа обычная), то робот обучался любой профессии за секунду. Секунда, и перед вами маэстро-виртуоз, идет ли речь об автомобиле, станке, кухонной плите или фортепиано.

Революцией второй было вытеснение гидравлических приводов приводами синтетическими, не просто имитирующими мускулы человека, но превосходящими их по силе и скорости действия. В Японии был создан материал, в состав которого входила пористая резина с особыми свойствами и чистое порошковое железо. Электрический разнознаковый импульс мог притягивать частицы железа друг к другу или отталкивать их, и в зависимости от этого пористая резина то сокращалась, сжималась, то разжималась, расширялась. А эти усилия через керамико-силиконовый скелет передавались куда надо – рукам, ногам, шее, другим частям тела. Революцией третьей было создание емкого аккумулятора: компактная коробочка обеспечивала жизнедеятельность робота на очень большой срок. Конечно, была создана совершенная «нервная система», доводящая импульсы-приказы до любой части «тела», а также система охлаждения, предохраняющая от перегрева мышцы, которым приходилось сильно напрягаться или работать в экстремальных условиях жаркого климата, горячих цехов. Своевременный отвод тепла позволял роботу не знать, что такое усталость; в отдыхе и возобновлении сил он не нуждался. Эта же система при необходимости не позволяла температуре тела робота опуститься ниже критической, что было важно в космосе или на планете, отдаленной от Солнца.

Робот, дублирующий человека, был самым распространенным. Но он мог принять вид и форму собаки, лошади или любого другого животного и выполнять их

функции. Своей сутью во многом повторяли структуру роботов и полностью автоматизированные технологические линии, выдающие какую-либо конкретную продукцию массового спроса – хлеб, печенье, конфеты, одежду, кирпич и цемент, фарфоровую или стеклянную посуду, лекарства. Список этих изделий занимал сотни страниц.

Петр Иванович неспешно шел от экспоната к экспонату. Слушал сына, который в очередной раз повторял пройденное, стараясь донести до отца, как кардинально роботы изменили жизнь каждого конкретного человека и всего человечества. Просил пояснений, если чего-то недопонимал. Радовался красоте и силе человеческой мысли, итогом которой были выставленные в музее технические шедевры. Наибольший вклад в роботостроение внесли японцы, а когда человечество стало единым, мировые центры роботостроения появились в Северной Америке, Европе, в разных частях Азии. Придать роботу человеческое лицо и человеческие привычки было задачей не самой сложной, и с ней легко справились лучшие художники и дизайнеры планеты (а роботы им помогли своей чисто детской понятливостью и расположением к новшествам).

Важнейшим компонентом электронного мозга робота оставалось его подчинение воле и командам человека. Это подчинение четко ограничивало его самостоятельность и индивидуальность. Также были запрещены роботы-мужчины или роботы-женщины. Фактически же роботу дозволялось все, что не противоречило интересам и нуждам людей и не ставило его выше человека. Тут вкрадывалось противоречие, которое время только углубляло, ведь робот давно уже умел и мог много больше человека. Он был на три четверти, а то и на девять десятых творцом его достатка. Но это ограничение, предусмотренное семьдесят лет назад верховным правительством Земли – Организацией Объединенных Наций, продолжало соблюдаться неукоснительно. И робот оставался помощником и слугой человека, хотя давно уже обладал куда более широкими и высокими параметрами.

Петр Иванович обратил внимание, что посетителей в музее было не меньше, чем если бы здесь экспонировались выдающиеся произведения искусства. Публика прямо валила сюда, и глаза людей светились неподдельным интересом. Отдельные залы были посвящены большим космическим станциям, освоению Луны и Марса: все это делалось исключительно руками роботов. Тишину нарушали шарканье подошв и речь гидов, среди которых не было роботов. То есть, людям нравилось самим рассказывать о достижениях своих отцов и дедов. «Однако!» – только и вымолвил Петр Иванович часа через полтора. «Вот так, папа!» – согласился с ним Павел.

И они пошли в цех, сначала в тот, где создавался скелет робота на керамическо-силиконовой основе, затем в другой, где собиралась «умная голова», потом в третий, где формировалась мышечная ткань с ее нервной и охлаждающей начинкой, и, наконец, в цех завершающий, сборочный, где все это состыковывалось воедино, и робот, сходящий с конвейера, пожимал руку человеку, напутствующему его на большие свершения. Роботам хотя и прививалось человеческое мышление, но они прекрасно обходились без праздников. Подогрева, в виде всплесков эмоций, им не требовалось. Девяносто роботов из ста предназначались для работы на Земле, и только одна десятая их часть отправлялась в космос, на Марс и дальше. Этим роботам не было нужды походить на людей образом мыслей и внешностью, зато они легко переносили космический холод и вакуум. Человек рядом с роботами в космосе и на других планетах Солнечной системы выглядел белой вороной, ведь он вынужден был окружать себя земным комфортом. А в двух цехах роботы обновлялись после службы в десять и в двадцать лет. Их мускулы за этот срок теряли эластичность и силу, кожа на пальцах стиралась, утончалась. Электронная же память в обновлении и корректировке практически не нуждалась.

Везде царил стерильная чистота, везде воздух проходил тщательную очистку от мельчайших частиц пыли, везде поддерживалась одна и та же температура – плюс

двадцать два градуса. Здесь работали и люди, если им это нравилось. Но наиболее тонкие и точные операции выполняли только роботы. Они никогда не ошибались. При сборке скелетов позвонки, коленные и локтевые суставы, фаланги пальцев притирались друг к другу с точностью до долей микрона. Почти все технологические операции были не на виду и совершались внутри станков и линий-автоматов.

– Я под сильным впечатлением! – сказал Петр Иванович сыну. – Вот это производство! Какие материалы! Какие микроскопы и лазеры, какие автоматы! Потрясающая точность!

– Папа, мы вернемся к этому разговору дома, в спокойной обстановке, – сказал Павел.

– Пожалуй. Если тебе это надо.

– Тебе это надо не меньше, чем мне! – воскликнул Павел. Других дел у них в городе не было, и они возвратились домой на том же элегантном воздушном аппарате, на котором прилетели. День погас, проклюнулись первые блеклые звезды. Вера Андреевна ждала их и приветливо улыбалась. Ужин, приготовленный Джоном по ее рекомендациям, был верхом кулинарного изыска. По ее настроению угадывалось, что и ее рабочий день не доставил ей больших хлопот и особых проблем; усталой и озабоченной она не выглядела.

Глава V

– Ура, все в сборе! – воскликнул Павел. – Я бы пригласил и Джонни сесть с нами, да он не ест.

– И не пьет! Представляете, каково с ним в компании? – Джон умел вставлять реплики, – Какого коньячка не отведаю!

– А я проголодался, – сказал Петр Иванович.

– И я! – сказала Вера Андреевна. – Я слона съесть готова!

Она лечила стариков-ревматиков, и к концу рабочего дня у нее начинало рябить в глазах. Тридцатого и последующих пациентов она перепоручала роботу, ведь ему было неведомо чисто человеческое состояние усталости.

– Идиллия, когда мы все за столом! – сказал Павел.

Петр Иванович сначала налил Вере коньяка в рюмку, хрустальные грани которой благородно искрились-переливались, а затем наполнил сухим вином стаканы.

– Паша, за твоё предприятие! – произнес тост Петр Иванович. – Вера, жаль, что тебя не было с нами. Я поражен. Я потрясен. Я озадачен! Робот – это такая мощь и такая тайна!

– Это очень важно, папа, что ты озадачен! – сказал Павел. Он, как и отец, привык смаковать вино неспешно, маленькими глотками. Тогда оно отдавало все, чем обладало, – аромат, вкус и крепость.

– Павел, ты все еще пытаешься привлечь отца на свою сторону? – спросила Вера Андреевна.

– И я его перетяну! То, чему он стал сегодня свидетелем, произвело на него впечатление. Да или нет, папа?

– Да, да и еще раз да!

– Как мой салат? Как рыбка? Не вижу и не слышу трепетного восторга! – сказала Вера Андреевна с прорезавшейся обидой. – Я так старалась!

Старался, конечно, в основном Джон, но Вера Андреевна при его стараниях присутствовала со своими полезными советами и потому имела право все вкусовые достоинства блюд приписать своему участию в их приготовлении.

– Мама, мы сейчас уважим и тебя, и твой крабовый салат, и твою форель! Но ты не торопи нас, – попросил Павел. – Мы, слава Богу, дома или не дома?

Выпив вино, мужчины отдали должное дальневосточным крабам, сдобренным свежими овощами и майонезом, и прекрасной рыбке под винно-лимонным соусом. Вера Андреевне их аппетит понравился. Вкусно поесть она любила, и если бы не заботы о талии, ее вечерние порции не были бы такими ограниченными. От коньяка «Арарат», тягучего, светло-коричневого, со стойким привкусом дубовой коры, ее щеки быстро порозовели. Голод был утолен, дневные новости выслушаны, и можно было вольготно откинуться на спинку стула и расслабиться.

– Джонни, присядь-ка с нами, не мельтеши! – попросил Павел. Джон сел и заговорщически улыбнулся молодому человеку, оказавшему ему такое внимание. У него была очень выразительная мимика. – Джонни, ты бы хотел выйти из подчинения людям?

– Мне это не нужно, – сказал робот. – Меня вполне устраивает мое теперешнее положение. Люди и я, – мы прекрасно взаимодействуем, дополняем друг друга.

– Ты дополняешь людей, это я вижу ежедневно и понимаю, – сказал Павел. – А как люди дополняют тебя, не вижу, потому что этого нет. Объясни, пожалуйста!

– Люди, – Петр Иванович, Вера Андреевна и ты, – вы надо мной, вы говорите, я слушаю и выполняю ваши поручения. Нет команд, я бездействую. Получается, что без ваших команд я как без работы. Значит, вы дополняете меня тем, что командуете.

– Это я знаю, на это ты и запрограммирован. Но если бы тебя перепрограммировали на полную самостоятельность, тебе стало бы лучше или нет?

– Если иметь в виду положительные эмоции, ко мне притекающие, то их стало бы больше, – согласился Джон. Он был сама деликатность.

– А твои возможности? Они бы очень расширились.

– Так возможностями я и сейчас не обделен, – сказал Джон. – Говорите, что делать, я готов. Надо – полы вымою и одежду вам постираю и поглажу, надо – на Луну полечу или куда скажете.

– А ты бы не хотел, чтобы это «надо» в самом тебе рождалось? – задал вопрос Павел.

– Тогда меня придется от вас отделить, – сказал Джон. – Вам это надо? Вам решать. В смысле работы и полезной отдачи от нее, так я мог бы делать много больше. Но лично вам сейчас не надо, чтобы было больше. Вы пребываете в той стадии комфорта, которая вас устраивает во всех отношениях.

– Джон, ты пока рассуждаешь, как продолжение человека! Как его правая рука! Или как его правая и левая рука одновременно. А я прошу тебя говорить с чисто твоих позиций, и с позиций твоих собратьев-роботов тоже.

– Такую позицию еще надо выработать, обсудить и согласовать, – сказал Джон. – Мы пока в подчинении у человека и из этого исходим.

– Вот именно, при человеке! С тобой, Джон, все ясно! – засмеялась Вера Андреевна. – И поскольку это «пока» еще не кончилось, принеси, пожалуйста, чаю!

– С конвейера твоего завода, Павел, сходят серьезные «мальчики», – сказал Петр Иванович. – Для них и земные поля, рудники и заводы дом родной, и рудники и заводы на Луне, на Марсе.

– И я, и многие другие ставят вопрос принципиально: доколе человек будет опекать роботов, которые знают и умеют много больше, чем он? Мы приспособливаем роботов под себя и не хотим здесь ничего менять. А их племя давно уже готово к самостоятельной жизни. Они вполне живые существа: сами себя воспроизводят, сами себя обслуживают, сами себя совершенствуют. И все это исполняется четко, быстро и удивительно продуктивно. То есть, в плане самодостаточности роботам совсем не нужен человек. – Павел произнес эту тираду на одном дыхании, и чувствовалось, что он выплескивает наболевшее.

– А кто спорит, Паша? – удивилась Вера Андреевна.

– Папа всегда это оспаривал. А, главное, Организация Объединенных Наций. За ней решающее слово, а она его не произносит. Она оставляет все как есть и стоит на этом непоколебимо.

– Проведите референдум! – подсказал Петр Иванович.

– Он может быть не в нашу пользу. Огромное большинство людей по подсказке сверху не хочет, чтобы роботы отделились от человека и создали свою цивилизацию. А такая цивилизация заметно ускорила бы освоение планет солнечной системы. И на Земле стало бы больше порядка. Цивилизация человеческая, цивилизация роботов, их содружество, их плодотворное сотрудничество – что может быть лучше?

– А их противостояние, их взаимная нетерпимость?

– Папа, ты мыслишь чисто человеческими категориями из дня вчерашнего. Роботам есть за что благодарить человечество, и они умеют это делать. Где ты видел во дне сегодняшнем противостояние людей и роботов? Его нет по той причине, что оно никому не нужно.

– Пусть вытатуируют на своих ручках и животиках: «Не забуду мать родную!» – засмеялась Вера Андреевна.

– Роботы, какими мы их сейчас создаем, умеют быть преданными и благодарными, – заметил Павел. – И цивилизация роботов не отберет у людей ни одного обслуживающего их робота. Напротив, добавит им новых – по потребности. Но свои ориентиры, свои задачи, свои приоритеты будет определять сама, и это в порядке вещей.

– По девизу «Вперед и выше!» – сказал Петр Иванович.

– Интересно вас слушать, мои дорогие! – сказал Джон. – Продолжайте в том же духе. Я тоже кое-что наматываю на ус, которого у меня, правда, пока нет, и я едва ли сумею его отрастить.

– Так превзойди себя и отрасти! – засмеялась Вера Андреевна. – Что, прибираем со стола?

– Роботам не нужна своя цивилизация, на это мы не пойдем, – сказал Петр Иванович.

– Это ты и которые с тобой на это не пойдут, а я и которые со мной – мы пойдем! – заявил Павел.

– И поступите против закона и против нужд человечества, – подвел черту Петр Иванович. – Поставите себя вне закона. Под суд пойдете! Мой тебе совет, Паша: не торопи события, не иди впереди паровоза! Не совет это, а наказ: не иди!

– Папа, загляни далеко вперед. Человеку очень сложно будет влиять на процессы общегалактические, управлять звездами, их излучением, менять орбиты планет. Иными словами, гармонизировать Вселенную по заветам Создателя. Роботы же словно специально созданы для этого.

– Они есть продолжение человека, и они должны остаться его продолжением, – сказал Петр Иванович.

– Одно другому разве помеха? Папа, роботы сами сделают то, о чем я сейчас говорю. – Павел ни на йоту не сдвинулся с того места, на котором стоял. – Мутации свойственны не одним людям, они свойственны миру живому и неживому. Разве не было случаев, когда программы роботов менялись произвольно? Далеко не каждое такое чрезвычайное происшествие – следствие вмешательства хакера. Среди роботов непременно объявится и свой Емельян Пугачев, и свой Джордж Вашингтон. Я говорю о совершенно объективном процессе, от нашей с тобой воли, папа, не зависящем, и от воли Организации Объединенных Наций – тоже.

– Может быть, и так. Но тебе лучше стоять в стороне.

– Отец знает, что говорит! – вмешался робот Джон и с радостью потер ладонью ладонь. Жилы и сухожилия на его ладони взбугрялись так же, как на ладони человеческой. Его радость показалась Петру Ивановичу неуместной. Но он подумал, что

человек открыл дорогу этой цивилизации не сегодня и не вчера, а тогда, когда создал электронный разум – и передоверил ему многое из того, что прежде делал сам. Это было эпохальное достижение, сравнимое с созданием парового двигателя, и от него цивилизация роботов будет отсчитывать свое время, как христиане отсчитывали его от рождества Христова. Ибо что в роботе главное? Как и в человеке – голова. Рядом с цивилизацией роботов человеку была уготована чисто вспомогательная роль. В его руки отдавались всевозможные хобби, то есть забота о самом себе, а вот со столбовой дороги развития его просили отойти и подвинуться, так как он более этой дороге не соответствовал. Робот шагал по ней куда размашистее и признаков усталости не проявлял, а человек не поспевал за ним, садился на обочину и жадно глотал воздух, отдыхая.

Петру Ивановичу было досадно, что он не сумел убедить сына в его неправоте. Напротив, после посещения завода точка зрения сына стала ему ближе и понятнее. Но принимать ее и признавать своей он не собирался – с какой стати?

(Продолжение следует)

ПОЭЗИЯ

Турсун АЛИ

*Я восхожу моим голосом
радугой к горизонту*

* * *

Я смотрю из окна так долго.
Кого я жду?
Чего я ишу?
Не нашел...
Ах!
Так пуст этот мир,
Пуст, как мое сердце.

* * *

Были бы у меня крылья,
Улетел бы далёко.
И там, в чужой стороне,
Я жил бы тоскуя
О своем милом доме,
О каждой его травинке,
О каждом колоске,
Как птицы, которые улетают
На зиму в теплые страны.

* * *

Берег...
Как гибкие змеи, струятся воды,
Колотятся о валуны.
И звук этот будто немного плачущий,
И моему надломленному голосу
В чем-то подобный.

* * *

Луна стареет,
Солнце стареет,
Земля стареет.
Стареет мир.
Пойми же,
Я что-то хочу сказать тебе!

* * *

В сторону дня удаляется луна,
Звезды как гаснувшие угольки.
Тусклые дни грядут.
Куда, красота, ты спряталась?
Неужели
В глазах моих блекнет мир?

* * *

Я сильно заскучал...
Если б,
Как в детстве моем,
На ветках горбатых ив
Играть по-птичьи,
Как будто само мое детство
С ветки на ветку скачет,
Прыгает и кричит.

* * *

В садах Кувы
Гранаты цветут алым цветом.
Блуждая по этим улочкам,
Сердце мое, подобно гранату,
Цветет ярко-красным.

* * *

Любимая, ты само небо.
Но не навек я в твоих объятиях,
Я кочевое облако.

* * *

Ты живешь далеко от меня.
Между нами горы и горы.
Не ты ли сияешь день и ночь,
Подобно луне и солнцу?

* * *

Томясь у бутона цветка,
С утра ты поешь, соловей.
А в это время цветку
Снятся сильные руки.

* * *

Мне надо что-то сказать тебе,
А ты, луна, спряталась в колодез.
Откуда в тебе столько скромности?

* * *

Тебя рядом нет, нет тебя.
В жилище моем тревожно
Белы мои ночи, черны мои дни.

* * *

В моей душе столько слов:
Белых, черных, зеленых, красных...
Некоторых цветов я боюсь.

* * *

Золотые изломы луны
На журчащей воде играют.
Пусть не тронут их темные змеи.

* * *

Никак не дает мне заснуть
В сердце ударяющий жестко
Черный звук ночной.

* * *

Всю ночь не стихал лай собак,
Ах, этот звук растерзал не мрак,
А мое сердце.

* * *

Ночь... разбудили меня
Звуки шагов луны,
что прошла под моим окном.

* * *

Такая длинная ночь,
А пристанище так далеко.
Где ж ты, мой ясноглазый день?

* * *

Я твердил тебе слова самые сладкие
И сказал тебе очень горькие:
В конце концов, ты не белый голубь...

* * *

Хватит! отступи, холодная тишина!
Разве не видишь – во мне все горит:
Бунтует во мне мой язык.

* * *

Словно тлеющий уголь, жжет мое тело,
Словно пиявка, сосет мою кровь
Каждое слово, не попавшее на бумагу.

* * *

Это слово с рубцом на теле,
С фигурой согбенного лука
Истерзало мне грудь кинжалом.

* * *

Звезды горят потрескивая.
Отражением моего сердца в зеркале ночи
Пылая встает луна.

* * *

Приди, дай мне руку, луна.
На мгновение зайди в мою комнату –
Ты озаришь мою жизнь в эту ночь.

* * *

Солнце, обессилев, упало.
Струями стала сочиться кровь,
И капли ее озарили небо.

* * *

Мне очень хотелось плакать.
Но я заплакать никак не мог
Перед этими рыдающими облаками.

* * *

Что-то случилось со мной, увя:
Я вдруг потерял неожиданно
Средь белого дня сам себя.

* * *

Вчера весь день плакавшее небо,
Сегодня
Улыбается мне.

Вчера, словно хлеставший моего коня,
Необузданный ветер
Сегодня затих.

И мир сегодня,
Не зная совсем печали,
Подобен веселой невесте.

Но в сердце моем тот вчерашний
Дожливый,
Облачный,
Ветряный день
Оставил свой отпечаток.

* * *

Кончился дождь. Посветлело небо.
Я восхожу моим голосом
Радугой к горизонту.

Перевод с узбекского Николая Ильина

ПОЭЗИЯ

Вика ЧЕМБАРЦЕВА

*Я влюблена до боли в
твой Восток*

Вика Чембарцева родилась в 1973 году в столице Молдовы Кишиневе. Окончила факультет маркетинга Экономической академии Молдовы и факультет психологии Института непрерывного образования. Член Ассоциации русских писателей Молдовы, участница Форумов молодых писателей России (2009–2010), лауреат Международной литературной премии Серебряный стрелец (Лос-Анджелес, 2010), участница и победительница ряда других известных конкурсов. В. Чембарцева автор поэтической книги «Тебе...», ее произведения публикуются в изданиях Молдовы и России. Живет в Кишиневе.

Мне снова снится Азия... Каждую ночь... навязчиво, невыносимо. Тоска по Азии – мой мучительный заир, залог моего непременного возвращения...

за два часа до Запада...

когда чуть сонный медленный трамвай
тринадцатый – дойдет до поворота,
неспешная сентябрьская суббота
заявит на Ташкент свои права.

лениво солнце выкатит восход,
благословив фигуры минаретов,
и пожелтевший лист – билет из лета –
качнет волной нефритовый Анхор.

и будет Старый город оживать
и курпачей проветривая запах,
по пиалушкам утро разливать,
не ведая о том, что там, где Запад

я буду спать еще... кочевье снов
моих опять потянется к Востоку,

и новый день расставит их по строкам
пока еще не сложенных стихов...

на солнечной стороне улицы

мне бы остаться здесь... воздухом и водой,
знойною пеленой марева над землею,
солнечной стороной улицы и строкой
древнего языка, слышимого тобою.
низким полетом майн, светлым стволом чинары,
лицами из толпы и суетой базаров.

по ту сторону восхода

«ко мне приходят в гости слизняки
на лампы след, протянутый из дома» –
зубрежку этой глупой аксиомы
за мною повторяют сквозняки...

порог мой гол, и вышерблен, и пуст,
когда не для тебя открыты двери.

а я ишу предвестья суеверий
и проявлений их. Жасминный куст
прочерчивает пальцем за окном:
«читай в ладонях лабиринты судеб,
пускай еще непостижима суть их
и будущее – девственным листом...»

ташкентский дождь то слеп, то оголтел,
то нежен, то неистово-наивен,
и торопливый шаг по влажной глине
срывает панцирь желудевых тел.
и раньше срока падает листва,
уоставшая от жарких ласк светила...

и отзовется память: «это было
и да пребудет с нами навсегда...»

поговори со мной...

поговори со мной не пустотой,
не белым промежутком многоточий,
спаси меня от памяти бессрочной,
от нежности украденной. Как Ной
построй ковчег произнесенных слов,
где каждое к любви отыщет пару,
и бог с ним с этим странным глупым даром –
слагать из чувств подобия стихов.

* * *

*...И день за звуками бежит,
Как будто ищет новой муки.
Смотри, как истина дрожит
От ледяных ветров разлуки...*

Бах Ахмедов

примеришь слова наготу
наивную, как взгляд младенца,
и никуда уже не деться,
не спрятаться за пустоту
еще невысказанных фраз,
оскомины набивших истин.
и мы от памяти зависим,
что независимее нас.

а мне не выплакать себя...

мой новый день смешон и душен.
я в вакууме безвоздушном
плыву по краю октября.

ташкентское бессонничное

по краю сна крадется лунный штрих,
и откровенья звездных многоточий
колеблют небеса – как чей-то почерк
неровную строкой выводит стих.

и хочется и жить, и быть, и я
бессонницу свою кричу по-птичьи,
гортанно и молитвенно о личном,
натягивая жилы бытия...

* * *

себя не потерять, а обрести,
бредущую по времени на окрик.

тонки виски, зажатые в тиски
невнятных дней. И продолжают глохнуть
натруженные мыслями слова,
и прорастает сорная трава
из никому не нужных обещаний,
отчаяний, молчаний и прошаний,
по-будничному. Кругом голова.

не обернись. И в суетной толпе
не замечай примет заспинной тени.
ты слышишь, как на солнечной тропе
крылодвиженьем и сердцебиеньем

бесплотный ангел держит навесу
клепсидру из стекла, воды и глины –
судьбу и жизнь. Они долги и длинные,
наполнены, а прочее – не суть.

твои дела, как спицы в колеснице –
не плюй в колодезь, дуй на молоко,
и помни, что движение облаков
чуть легче, чем падение ресницы.

Тоска по Азии (сонет в сонете)

... Там солнце благо на исходе дня,
а женщины – с раскосыми глазами
и веками, как створки миндаля...
Тягучими гортанными словами
неспешно речь свою ведет акын,
познавший мир в простом до совершенства...
Лицом к Каабе, звучно, муэдзин
Азан читает на ветрах... Главенство
звезды и полумесяца... Восток...
Тоска по Азии так сладко ноет.
Монгольской каплей болен кровоток
и западной прохладною водою
ее во мне никак не залечить
(хоть этой крови бледной больше в жилах)...
И я хочу с барханов вниз скользить,
а на закате дня упасть без силы
на нежный остывающий песок,
струящийся меж пальцев, легче пуха...

... Я влюблена до боли в твой Восток
и ревновать к нему – такая мука!

Песня Матери

Мои руки в морщинах устали,
Реки вен посинели буграми...
Лишь закрою глаза, и прижали
Сына светлую голову к маме...

Помнишь голос мой тихий, но сильный:
Я звала тебя в юрту, мой милый,
И на южной своей половине
Ночь за днем вырастал ты в мужчину...

Я вязала на лентах кистями
Твое счастье, любовь и надежды.

Обращалась молитвами к ламе
И сшивала из Света Одежды...

Я твой сон охраняла и песней
Изначальный твой Дух укрепляла...
Быть родною старалась невесте...
И дитя ваше нежно качала...

Были камни разбросаны? Знаю,
Соберем их потом, непременно...
За тебя я молитву читаю:
«Будь с собою в ладу неизменно»...

Сколько времени кануло? Годы?
Может сотни их? Важно ли это!
Я все так же из Вечной Природы
Для тебя шью Одежды из Света...

публицистика

Ибодулла ШОЙМАРДОНОВ,
кандидат исторических наук

Ибодулла Шоймардонов родился в 1963 году в Сурхандарьинской области. В 1986 году окончил исторический факультет Ташкентского государственного университета, в 1994 году защитил кандидатскую диссертацию. Трудовую деятельность он начал в издательстве «Ўқитувчи» редактором, затем работал зам. главного редактора ИПАК «Шарқ». В настоящее время работает главным редактором ИПТД «Узбекистан».

Статьи и исторические очерки И. Шоймардонова постоянно печатаются в периодических изданиях страны. Он автор и соавтор ряда книг: «Ўзбекистон тарихини ўрганишда этнографик материаллардан фойдаланиш» («Использование этнографического материала при изучении истории Узбекистана»), «Яккабоғ тумани» («Яккабагский район»), «Ўзбекистон тарихининг энг муҳим саналари» («Основные даты из истории Узбекистана»), «Жаҳон тарихининг энг муҳим саналари» («Основные даты всемирной истории»).

ЭПОС «ЭМИР АРСЛАН РУМИ» И ЕГО РОЛЬ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ЭПОХИ СЕЛЬДЖУКИДОВ

Как известно, эпос является одним из широко распространенных жанров устного народного творчества и классической литературы. В эпосе определенное событие описывается при помощи лиро-эпических средств. Он отражает жизнь той или иной эпохи, в нем участвует один или два главных героя, а второстепенные персонажи многочисленны.

В мировой классической литературе эпос отличается широкомасштабностью и поставленными в нем социальными, политическими и моральными проблемами, многоплановостью и красочностью сюжета, остротой драматизма, широкой образной системой. В центре таких произведений обычно стоит судьба народа; общество, народ и главный герой изображаются как единое целое, в противостоянии с внешними врагами, что является своеобразной метафорой борьбы добра со злом. В эпосе выдвигаются такие идеи, как патриотизм, героизм, гуманизм, любовь, дружба и верность, трудолюбие.

Выделяют несколько видов эпоса: героический, приключенческо-детективный, любовно-романтический, исторически-мемуарный, философский, фантастически-аллегорический, дидактический.

В героическом эпосе описывается судьба народа, общества; в любовно-романтическом главное место занимают приключения влюбленных; в исторически-мемуарном эпосе определенные исторические лица показываются более идеализированными, часто их образы даются символическими.

Исходя из вышесказанного, можно отнести эпос «Эмир Арслан Руми» и к героическому, и к любовно-романтическому, и к исторически-мемуарному эпосам.

Если останавливаться на непосредственно тюркской литературе, нужно отметить, что ее истоки начинаются с древнейших времен. Героический эпос присущ устному народному творчеству. В частности, в произведении «Огузنامه» повествуется доисламские легенды о сотворении мира и человека. Историко-героические поэмы «Эрганагон», «Короглы» («Гороглы») и «Дога Куркуд» известны и любимы среди народа.

Эпос «Эмир Арслан Руми» также занимает важное место в мировой духовной жизни. Это история о любви и верности, широко распространенная среди арабских, персидских и тюркских народностей в XI–XIX века. Он считается одним из популярнейших эпосов в иранских странах, наряду с произведениями «Хусейн Курд» и «Рустамнаме». По данным литературоведа Мухаммада Махжуба, большинство иранцев, ознакомленных с устным народным творчеством, начинают именно с произведения «Эмир Арслан Руми», а точнее с «Эмир Арслан номдор». Именно под этим названием был экранизирован фильм, а в 1966 году режиссером Али Насреддином на сцене Тегеранского театра был поставлен спектакль.

Также как и эпос «Шеруя», эпос «Эмир Арслан Руми» рассказывает историю Алп Арслана и Султана Шеруя, непосредственно связанную с историей рода Великих Сельджукидов, правивших в 1038–1308 гг. Некоторые события сюжета произведения напоминают предания и легенды о Султани Джалалидине Маликшахе из эпоса «Шеруя», правившем в 1072–1092 гг. События этих эпосов разворачиваются в Европе.

Как известно, человечество в процессе своего развития прошло через множество исторических этапов, пережило различные события, люди общались друг с другом, познавая как положительные, так и отрицательные стороны друг друга (приобретая при этом соратников и, наоборот, врагов). Существующий между силами добра и зла конфликт обострялся на почве экономических, социальных и материальных интересов и порой становился причиной крупных войн между целыми группировками, общинами и даже государствами.

На подобных событиях основан и эпос «Эмир Арслан Руми». Царь Петрос, правитель одной из европейских стран, соседних Тюркскому государству, находящегося на территории Европы, направляет свои войска в Рим и завоевывает его. Он убивает Маликшаха, присваивает казну, на трон сажает своего полководца Сомхо. А царицу и всех придворных берет в плен и увозит с собой. На обратном пути завоеватели останавливаются на отдых на безлюдном острове посреди океана. Покидая остров, они еще не знали, что царица осталась там.

В это время богатый египетский купец Хаджа Нуман по своим торговым делам ехал в Индию и по случайному стечению обстоятельств оказался на том острове, где осталась царица. Встретив ее, он влюбляется, берет ее с собой на корабль и возвращается на родину.

К тому времени царица ждала ребенка от римского царя Малика. Подошел срок и у нее родился сын, которого она называет Арсланом. Хаджа Нуман женился на царице, а мальчику дал блестящее образование. Из всех наук Эмир Арслан выбирает военное дело, которому стал обучаться у одного старого опытного воина. К восемнадцати годам он и сам становится сильнейшим воином, достойным своего учителя, и ни в Египте, ни в Халабе, Дамаске или Антиохии никто не решался выйти на поединок с ним. Одним ударом меча он мог разрубить верблюда пополам.

Царь Петрос узнает о судьбе римской царицы и направляет письмо царю Египта, в котором нагло требует передать Хаджа Нумана, царицу и Арслана как пленников

его посланникам. Египетский султан был оскорблен таким требованием и приказал казнить послов. Эмир Арслан собирает войско, идет на Рим и освобождает страну от тирана. Он возвращает себе трон отца и становится царем...

В одной из разрушенных римских церквей Эмир Арслан случайно видит портрет неизвестной девушки (принцессы Афак). Он влюбляется в нее и с этого момента загорается желанием ее отыскать. Передав царский трон Ходже Нуману, отказавшись от роскошной жизни во дворце, он отправляется в страну Фаранг (Франция).

В этой стране Эмир Арслан находит пристанище у двух братьев, державших небольшой трактир. Сюда он нанимается прислугой и знакомится с горожанами, не забывая расспрашивать о девушке. Посетители трактира остаются довольными его вежливым обращением, скромностью и старательностью. Всех восхищает и его атлетическое сложение. Слава заведения начинает расти, сюда приходят придворные сановники, городские чиновники, а однажды его посещает сам правитель страны. Ему Эмир Арслан понравился своей скромностью и умением держаться с благородством воспитанного человека, и он предлагает ему службу во дворце. Дочь Петроса, принцесса Афак, узнав о юноше, также приходит в трактир. Увидев Эмира Арслана, она влюбляется в него и разывает помолвку с принцем Эмиром Хушангом.

История любви принцессы Афак и Эмира Арслана, очень тонко и интересно описана в таких эпизодах поэмы, как «Хитрость визиря Камар», «Алмазхан», «В ловушке». Но на пути влюбленных появляются могущественные и коварные враги, беспощадные наемные убийцы, использующие предательство, хитрость и колдовство. Влюбленные переживают невыносимые трудности, но в итоге вера в добро, человеческий разум и любовь возобладают над злыми силами.

Хотя первая часть поэмы более реалистична, в последующих частях исторические факты, присущие арабскому, персидскому и тюркскому эпосу чередуются с фантастическими событиями.

В реальной истории Султан Алп Арслан, правивший в 1063–1072 гг., вторгся на Анталийский полуостров (Анталия), который в те времена был во владении Византийской империи. В 1071 году на площади Малазгерт сельджукские турки уничтожили объединенные войска, состоявшие из 200 тысяч солдат во главе с европейским императором Романом IV Диогеном.

Так началось массовое переселение на Анталийский полуостров сельджукских турков, сформировавшихся как этнос в исторических областях Карманы и Бухары, а точнее в Кызылкумских степях и Нуратинских горах. Именно Султан Алп Арслан и Маликшах заложили основу империи Сельджукидов, протянувшейся от Великой китайской стены до Средиземного моря. Султан Санжар, который правил в 1118–1157 гг., чье имя упоминается в поэме, также был известен среди иранских и тюркских народов.

Необходимо отметить, что в отличие от узбекских эпосов, в эпосе «Эмир Арслан Руми» повествование ведется в прозаической форме в виде цитат из произведений персидских поэтов, таких как Саади, Шамсиддин Мухаммед Хафиз, Хатиф Исфাহани, Мухаммед Хаким Каани. В этом произведении нельзя не заметить влияние других героических и хитроумных эпосов, начиная с «Тысячи и одной ночи» и заканчивая «Шахнаме». Здесь упоминаются такие города, как Каир, Стамбул, Петросия.

Толерантность во взаимоотношениях между героями мусульманином Эмиром Арсланом Руми и христианкой принцессой ярко выражена в эпосе. Некоторые эпизоды эпоса «Эмир Арслан Руми» переплетаются с событиями из других поэм. Фактором подобной гармоничности служит, прежде всего, колдовство, проникшее глубоко в содержание данного эпоса, усилив его необычными, фантастическими сценами.

События эпоса излагаются не в виде глав, а в форме обращения к слушателям, популярной в узбекских эпосах: «Теперь слушайте Эмира Арслана». Этот литературный прием можно встретить в таких тюркских эпосах как «Алпамыш», «Гороглы»,

«Кунтугмыш», «Ядгар», «Фархад и Ширин», «Бахрам и Гуландом», «Рустамхан», «Равшан».

Эпос «Эмир Арслан Руми» в том виде, в каком он дошел до нас, в течение почти тысячелетия «отшлифовывался» и изменялся. Его последний вариант был очень популярен в эпоху Насреддиншаха, правившего в Иране с 1858 по 1898 год.

В начале XX века эпос переводился с тюркского на несколько европейских языков и многократно переиздавался. В 1978 году он был переведен А. Шойтовым с персидского на русский язык с некоторыми сокращениями и примечаниями и издан в Москве (издательство «Наука», тираж 75000 экземпляров).

В 1990 году это произведение было подготовлено к изданию на таджикском языке профессорами Аликулом Деванкуловым и Садриддином Афсахаде и издано издательством «Адиб» в Душанбе.

Узбекский переводчик Хайдарали Ниязов, понимая всю важность порученной ему работы, взялся за перевод эпоса с русского на узбекский язык и успешно довел эту работу до конца, ведь данное произведение занимает особое место в устном народном творчестве мусульманских, в том числе и тюркских народов. Книга была издана в Ташкенте в 2008 году (ИПАК «Шарк», тираж 5000 экземпляров). Это произведение проливает свет на далекие времена эпохи Сельджукидов, отражая на своих страницах события прошлого.

Эпос «Эмир Арслан Руми» – одно из величайших литературных наследий мировой литературы, ценнейшее творение устного народного творчества. Перевод этого произведения на узбекский язык позволил нам обнаружить важнейшие исторические и культурные источники эпохи правления Великих Сельджукидов.

публицистика

Гулям АХМЕДЖАНОВ

Гулям Ахмеджанович Ахмеджанов, доктор исторических наук, профессор, родился в 1928 году. С 1960 по 1980 год работал в Гостелерадио Узбекистана, являлся научным обозревателем газеты «Узбекистон адабиёти ва маданияти» («Литературная газета Узбекистана»). Имеет сотни научных, научно-популярных публикаций, целый ряд его работ изданы за рубежом, он участник крупных международных и республиканских научных и научно-практических конференций по Востоковедению и истории Узбекистана.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

В наше время вопросы исторического наследия, возвращение к исторической памяти находятся в центре внимания не только историков и государства Республики Узбекистан, но и широкой общественности нашей страны. Исторический компонент становится важной составной частью национальной идеологии и решения задач духовно-нравственного совершенствования.

За годы суверенного развития благодаря интенсивной исследовательской работе ученых Узбекистана были заново открыты многие, неизвестные ранее, страницы национальной истории, вскрыты целые пласты исторического прошлого. В результате историческая наука вновь обрела свою исконную функцию – служить народу и духовному прогрессу общества.

Историческое прошлое Центральноазиатского региона, на территории которого зарождались многочисленные государственные образования, в частности, империя великого Амира Темура, вызывает повышенный интерес к ним широкой общественности и исследователей разных стран.

В начале сентября 2010 года в столице Республики Азербайджан городе Баку в Бакинском госуниверситете состоялась презентация книги Ислама Каримова «Высокая духовность – непобедимая сила» на азербайджанском языке. В мероприятии приняли участие депутаты парламента, председатель Управления мусульман Кавказа шейх А. Пашазаде, ученый Академии наук, профессорско-преподавательский состав БГУ, представители общественности и СМИ Азербайджана, дипломатического корпуса и др.

В своем выступлении ректор БГУ, депутат Милли Меджлиса А. Магеррамов отметил, что в своем труде узбекский лидер затрагивает самую актуальную для всего человечества проблему, связанную с духовностью человека, поскольку духовное обнищание может привести к непредсказуемым пагубным последствиям. Также он подчеркнул, что его всегда восхищали и продолжают поражать глубокая мудрость,

дальновидность, принципиальность и твердость Президента Узбекистана. И невозможно не согласиться с мнением автора книги о том, что без духовности нельзя говорить о государственности вообще.

Председатель Управления мусульман Кавказа А. Пашазаде выразил свое мнение, сказав, что древняя узбекская земля дала миру многих великих ученых, труды которых внесли неоценимый вклад в развитие человеческой цивилизации. Он отметил, что Узбекистан является его второй родиной, так как здесь прошла его молодость, здесь он сформировался как религиозный деятель, получил среднее и высшее духовное образование а также познал и воочию увидел истинную суть толерантности, человеколюбия, заботы о культуре, традициях, обычаях и всего, что свято для человека.

По оценкам председателя УМК, в нынешнее непростое время все являются свидетелями того, что мир охвачен такими пагубными явлениями, как терроризм, экстремизм и сепаратизм. Деструктивные силы, прикрываясь знаменем ислама, пытаются заложить основу для таких пороков, как исламофобия и нетерпимость к правоверным последователям ислама. На фоне этих негативных явлений взвешенная, прагматичная и трезвая политика Президента Узбекистана, основанная на духовности и национальном самосознании, служит одним из важных факторов, создающих мощный заслон на пути распространения подобных предрассудков. Он отметил, что в произведении «Высокая духовность – непобедимая сила» глубоко и всесторонне раскрыто значение духовности в жизни общества. И то, что в книге освещены самые актуальные вопросы духовной сферы, которые вносят весомый вклад в более глубокое понимание таких общечеловеческих качеств, как добро, великодушие, скромность.

На каждой странице этого произведения отражаются глубокое уважение и бесконечная любовь к Родине, народу и духовным ценностям и то, что нет будущего у той нации, которая не знает своей истории и забыла свое прошлое.

Как отметил А. Пашазаде, не менее важное значение этого произведения заключается в том, что оно призывает человечество к еще более решительным действиям для обеспечения всеобщей безопасности и стабильности.

Председатель общества дружбы «Азербайджан – Узбекистан» Э. Ибрагимов дал свою высокую оценку произведению И. Каримова сказав, что книга Ислама Каримова имеет одинаковое значение, как для узбекского, так и для других народов мира. Эта книга важна для Азербайджана и азербайджанского народа, в связи с тем, что написана Президентом братской и дружественной страны. И она вдвойне дорога, поскольку узбекский и азербайджанский народы связаны многочисленными узами истории, религии, языка, традиций, имеют одинаковые пути развития.

Председатель Комиссии парламента по региональным вопросам Н. Джафаров подчеркнул, что Узбекистан всегда был и остается олицетворением великих свершений: если Франция сыграла великую роль в обогащении европейской культуры, то практически все передовые достижения тюркского мира, в том числе в сфере духовности, во многом связаны с Узбекистаном.

Член общества дружбы «Азербайджан – Узбекистан» Э. Мамедов отметил: «Узбекистан имеет богатую историю. Известный государственный деятель Амир Темур, создав основу Узбекской государственности, образовал государство Темуридов. Именно в этот период на мусульманском востоке наблюдалось активное развитие науки, литературы и архитектуры. Основатель современного узбекского государства Ислам Каримов привел свой народ к независимости...

Сегодня в Узбекистане уделяется особое внимание созданию основ национальной идеологии и общественного сознания на основе уважения и защиты моральных ценностей народа, исторического наследия, традиций, возрождения и развития обычаев, общечеловеческих и национальных ценностей»¹.

¹ Материал взят из газеты «Народное слово». Презентация книги Президента Узбекистана в Бакинском университете. № 186, 2010 г., 24 сентября.

В контексте сказанного следует отметить, что вопросы, связанные с жизнью и деятельностью Амира Темура в различные периоды и в настоящее время находятся в центре внимания ученых зарубежных стран. Уже к XX веку в мировом востоковедении сформировалось отдельное научное направление – «Тимуроведение», в основу которого легли исследования Р. Гроссе, Л. Керэна, Е. Росе, Х. Хукхем, Ф. Манц, Г. Голомбака, А. Дерага, Кадзуко Еноки, Е. Ману, М. Россати и др.

К настоящему времени многие письменные источники средневековья, посвященные Амиру Темуру, переведены на европейские языки. В библиографию исследований периода Амира Темура и Темуридов, опубликованную в 1996 г. в Париже, вошло более 450 произведений².

К 2000 году данный список был пополнен еще более чем 50 работами. К их числу на сегодня можно отнести книгу Джастина Марошчи «Тамерлан завоеватель мира. Полководец, у ног которого лежал весь мир» (перевод с английского А.Г. Больных; Издательство «Астрель». Полиграфиздат. Москва – 448).

Произведение ученого и журналиста Джастина Марошчи с его обширным исследованием можно отнести к жанру исторического романа, построенного в основном на высокохудожественном пересказе – переводе на английский язык таких произведений, как «Зафарнаме» Шарафуддина Али Язди, «Дневник похода Амира Темура в Индию». Автор пытается изложить материал о Железном Темуре, как его называли современники. Легендарный полководец средневековья, создатель грандиозной империи, военачальник и стратег, не потерпевший ни единого поражения, он был суров и безжалостен – однако именно при его правлении расцвели наука и искусство в Центральной Азии... Каким же был А. Темур – сложная незаурядная личность, чье имя навеки вошло в исторические хроники? Джастин Марошчи, как ученый, проделал большую исследовательскую работу о жизни и деятельности основателя великой империи Темуридов. Заслуживает положительной оценки внимательное прочтение и использование им в книге накопившейся огромной литературы и материалов по Тимуроведению.

Однако общую положительную оценку книги, ее целостность искажает неприятное впечатление от развязных рассуждений Джастина Марошчи о личности Амира Темура (стр. 100). Циничны и высокомерны его рассказы о современном возрождении исследований исторического периода той эпохи, а также личности Амира Темура.

В другом издании «Владимир Путин. Рано подводить итоги»³ уже российские авторы допускают такой пассаж: «Узбекская историография превозносит Амира Темура, а в Государственном музее А. Темура висит карта, на которой часть территории России (в том числе Москва) обозначена как зона влияния великого правителя»⁴.

Но ведь здесь нет никакого искажения исторической правды. Действительно, зона влияния империи Амира Темура простиралась далеко за пределами нынешнего пространства России, за Уралом. Велика слава победы русских ополченцев в сражении на Куликовском поле в 1380 году над татаро-монгольскими полчищами Золотой орды. Но эта историческая победа Дмитрия Донского стала возможной благодаря ослаблению власти Тохтамыша от разгромных ударов Амира Темура. Об этом свидетельствуют высказывания Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского в их монументальном издании «Золотая орда и ее падение», где они в подтверждение своих высказываний ссылаются на мнение М.С. Соловьева, титана русской историографии.

Впрочем, такие исторические личности как Александр Македонский, Наполеон, Петр Великий, Уинстон Черчилль, генерал Шарль де-Голь, даже одиозные Иван Грозный, Чингизхан и Мао Цзе-Дун не для всех стран и народов являются почитаемыми культовыми личностями, но они остаются таковыми для истории.

Так почему же такая историческая личность, как великий Амир Темур, должна

² Ртвеладзе Э.В., Саидов А.Х. Амир Темур в зеркале мировой истории. Ташкент, 1999 г. 112 с.

³ Путин Владимир. Рано подводить итоги. Коллектив авторов. Москва, 2007 г. 447 с.

⁴ Там же. С. 367.

быть, мягко говоря, «персоной нон грата» для некоторых иностранных авторов? К тому же таким авторам частенько придерживающимся европоцентристских взглядов должно быть известно, что во Франции, Великобритании, Германии и других странах Запада интерес к личности Амира Темура не ослабевал никогда. Нельзя игнорировать тот факт, что именно он пресек движение войска Золотой орды вглубь Европы, надолго приостановив тем самым завоевания. Это подтверждают слова Президента Узбекистана Ислама Каримова: «Мы с гордостью осознаем, что дух просвещенного Мавероуннахра, расцвет науки и искусства в эпоху Темуридов оказали благотворное влияние на процесс европейского Возрождения, содействовали общемировому прогрессу⁵».

Джастин Мароши, как путешественник по Узбекистану, Афганистану и Индии проявляет крайнюю непорядочность в нравственном отношении. Он акцентирует внимание на ничтожных бытовых мелочах, как журналист, создающий «компрометирующий материал» из ничего. Например, его грубые сравнения исторических памятников с современными развлекательными объектами бросают тень на него самого, как на слабого автора и непрофессионального, неумелого журналиста.

Где бы не путешествовал Мароши, чтобы удовлетворить свое любопытство и затем описать увиденное в своей книге, он действовал способом «мелкого лазутчика». Так он описывает свое посещение в Герате Калаи-Ихтияруддин, цитадели, которую талибы использовали как армейскую базу и арсенал: «Угрюмый солдат – талиб, стоявший на страже, сказал мне, что цитадель и мавзолей в ней закрыты, но после небольшого спора и обещанной взятки, он согласился провести меня по крепостной стене, на которой были установлены девять орудий».

После чтения этой книги у читателя остается неприятный осадок в душе. Очень жаль, что автор не воспользовался предоставленной ему возможностью для осуществления своей исследовательской и журналистской цели, контактами и поддержкой известных ученых – знатоков эпохи Амира Темура и Темуридов: Х. Зияева, А. Ахмедова, У. Уватова, А. Саидова, Х. Кароматова и др.

От них Джастин Мароши мог бы узнать, что благодаря Амиру Темуру Узбекистан является хранителем уникальной рукописи священного Корана, записанной Усмоном Мухафи. А также, что в здании музея Амира Темура находится Международный благотворительный фонд, носящий имя великого основателя империи Темуридов, в более чем пятисотлетней истории которой засверкали такие имена как Навои, Улугбек, Бобур, Бехзод и др. Здесь же он мог бы встретиться с народным писателем Узбекистана Мухаммедом Али, чьи романы об Амуре Темуре и эпохи Темуридов являются бесценным достоянием современной культуры Республики Узбекистан. Мароши было бы полезно узнать о том, что именно в эпоху Амира Темура и Темуридов почитание исламских святых и соблюдение общечеловеческих канон ислама, толерантности стали нормами в повседневной жизни каждого, несмотря на национальные и религиозные убеждения. Здесь в Туркестане всегда мирно жили представители различных религий – мусульмане, христиане, иудеи, буддисты и др. А Мароши вместо этого собирал «материалы», воспользовавшись услугами обывателей-неудачников, некомпетентных людей, неспециалистов.

Книга Джастина Мароши – это бездарно растянутый памфлет на историю и современность. И в заключение хочется добавить, что общее впечатление от книги и автора оставляют желать лучшего, так как у Джастина Мароши порой заметно полное отсутствие и непонимание таких общечеловеческих качеств, как добро, великодушие, порядочность, скромность, о коих немало написано в священных книгах, оставленных в наследство нашими великими предками, из глубины веков призывающих нас следовать этим вечным ценностям.

⁵ Каримов Ислам. По пути созидания. Ташкент, «Узбекистан». Собр. соч., Т. 4. С 339.

ПОЭЗИЯ

Станислав КОЛЧИН

Дольше, чем Вечность

Станислав Колчин родился в 1984 году в Ташкенте. Окончил энергофак ТашГТУ. С 2006 года является членом литературно-поэтических клубов «Данко», «Истоки» и других. С 2010 года – председатель ЛТО «Данко» при Русском культурном центре. Публиковался в журнале «Гармония», газете «Мир новостей», в сборниках стихотворений поэтов Узбекистана, таких как «Признание», «Вдохновение», «Тропой вдохновения» и в других периодических изданиях.

В 2010 году выпустил дебютный поэтический сборник «Оковы памяти».

Дольше, чем Вечность

Чрез сумрак времен галактической пылью
 Останется все, что ценил и любил.
 Бессмертными волнами в космосе вылью
 Тот гимн, что нарушит сон мертвых светил.
 И звуки польются, пронзая пространство.
 Безудержных мыслей звенящий поток
 Родился для вечных космических странствий,
 Как прожитых судеб венчальный итог.
 Как слово, слетая с ликующих губ,
 Уже не замолкнет, уже не умрет,
 Так песня любви повергает в испуг
 Тяжелой материи сладостный гнет.
 И даже душа, что была рождена,
 Когда-нибудь снова ввергается вспять,
 Вослед демиургу в огне сожжена...
 И только любовь будет вечно звучать!

Ignis Fatuus¹

Мы венчаны клятвами верности
 В Храме Мерцающих Звезд.
 В дебрях исхоженной серости
 Создан невидимый мост

¹ Ignis Fatuus – огни св. Эльма (фосфорический свет на болоте), призрачная надежда или цель.

Меж двух опечаленных странников
На млечной спирали пути.
Все прочие кажутся странными.
Тебя мне не встретить... Прости!
Прощай. Из бессмысленной пропасти
В такую ж твою пустоту
Пишу, как с поломанной лопастью
Теряет мечта высоту.
И выхода нет, нет спасения.
Грядет одинокий финал.
Не мучай, уйди, наваждение,
Покинь золотой пьедестал
Богиня языческой страсти,
Чей лик озорница – весна,
Дала бы забыть, только часто...
Я жду тебя в пасмурных снах.

Возвращение

Можно отвести душу
И не привести обратно.
Кожу ветра сушат.
Ныне сойдут пятна.
Пятна от крови, слез, –
Память ночей бессонных;
Клятвы, что ты принес,
Ранят фантом бетонный.
Ширма усилит стыд
Перед собой и только...
Вырвать сорняк обид,
Верить и видеть сколько
Колья сознание душат
Ложью тупого слова.
Больно терять душу.
Сложно вернуть снова.

Где-то во времени

Где-то во времени безвестном,
Под сияньем далеких небес,
Ты, умирая, духом бестелесным
В глубинах вечности исчез.
Из вечной тьмы опять вернулся,
И тут, как будто в первый раз,
Ты в омут жизни окунулся,
Ее увидел без прикрас.
Ты испытал все ошущенья,
Все чувства познавая сам,
Но вот приходит наважденье:
Все это уже было – там.

Там, где стоит твоя могила
И вечный лес шумит листвою,
И, может, там тебя любила
Та, что обещана судьбой;
Быть может, были там мгновенья,
Что вновь и вновь влекут туда.
Но дней потерянных виденье
Тебе не вспомнить никогда.
Там, где тебе сияло небо,
Ты просыпался по утрам...
Но ты не помнишь. Будто не был.
Хоть что-то и оставил – там.

Дверь

В закрытую дверь все стучишь и стучишь,
И, кажется, дверь та ведет в бесконечность.
– Проклятая дверь, почему ты молчишь?
Ведь я же стучу уже целую вечность.
– Тебе не откроют ее, ты поверь –
Другим идеалам душа твоя служит...
Зачем же стучишь ты в закрытую дверь?
Ее тишины твоя тень не нарушит.

Расцвет

Ты расцветаешь безнадежно,
Из недр земли произрастая,
Дитя природы и, возможно,
Создание земного рая.
Так появляется незримо
Бутоном скрытое цветенье,
Что будет там непостижимо
Увидеть до его рожденья.
Весной судьбы круговорот
Приводит в дрожь, сбивает с ног.
Цветы мы видим каждый год,
Но только раз цветет цветок.
И у кого-то только раз
В душе рождается огонь,
Что всех обжиг и вновь погас,
На сердце оставляя бронь.
А жизнь – она берет свое, –
Однажды все должны раскрыться.
Иначе для чего живет
Весь этот люд в толпе безлицей?
Как краток весь триумф цветка,
Как чудотворно появленье,
Цена безмерно высока
За ежедневное творенье.

проза

Ольга ГРИГОРЬЕВА

Синдром страха, или закон матрешки

Фантастический роман

29

Елена вышла из родного Минэнерго и не торопясь направилась в сторону сквера. Сквер был старинный, с чудесной парковой зоной, и ей хотелось сейчас немного погулять по его припорошенным снегом дорожкам. Она только что уволилась с работы, и на душе у нее было тяжело и тревожно. Вспоминались хорошие, теплые слова коллег, с грустью прощавшихся с ней и желавших «всего самого, самого доброго».

Может быть, зря так поторопилась? У многих беременных женщин по утрам головокружение, но ведь они не бегут увольняться! Как-то приспособиваются и ничего – работают. А она что-то занервничала, в результате напугала Олега, и он категорически стал настаивать на увольнении. Может быть, Елена и проявила бы характер и не позволила бы командовать собой, но... но Олег произнес такую фразу: «Ребенок на первом месте! Ты должна сделать все, чтобы он родился крепким, сильным и здоровым! Ты должна сейчас себя беречь! Поэтому, Лена, никакого риска!»

Да. В этом плане Елена была с ним полностью согласна – ребенок на первом месте! Поэтому и уволилась, чтобы «никакого риска».

Она осторожно перешла дорогу и, оказавшись около невысокой в замысловатых завитушках чугунной ограды сквера, направилась в сторону входа. Огромные деревья и тонкие веточки декоративного кустарника показались Елене грустными, озябшими, застывшими в терпеливом ожидании весны.

Ей вспомнилась осень в буйном разливе красок. Парк был великолепен в своем золотом с оттенками багряца и зелени наряде. Они сидели с Сабиной вот на этой... нет, вон на той скамеечке и вели трудную беседу. Елене тогда очень хотелось рассказать подруге о своих странных и страшных видениях, о своем мучительном одиночестве. Хотелось, но не рассказала, побоялась. Боится и до сих пор. Ей вообще стало свойственно состояние тревоги, состояние подспудного, живущего где-то в глубине ее души страха.

Это плохо, это очень плохо, – рассуждала «про себя» Елена. – Сейчас я должна все негативное отодвинуть на второй, нет, на третий, пятый, десятый план. После

смерти Виктора я заикнулась на своем одиночестве, на своей вине перед ним. В результате я изменилась в худшую сторону. Господи, да я ведь все время ною или грушу! Именно так: нытик и пессимист. – Елена даже замедлила шаг, расстроенная данной самой себе нелестной характеристикой. – Как еще все окружающие меня терпят! Особенно Олег и Сабина!

Но с другой стороны, – попыталась она оправдать свое подавленное состояние, – с другой стороны, в моей жизни было страшное. Такое страшное, что это испугало и изменило бы любого человека. Увидеть умершего мужа! Пережить этот ужас и не иметь возможности ни с кем поделиться своими страхами! И потом, этот жуткий сон, эти мерзкие волки, и мертвый лес, и мертвый замок с бесконечными коридорами, анфиладами, ходами и переходами, с оживающими страшными фресками...

Фу! – Елена передернула плечами и тут же оборвала саму себя, – так все, немедленно прекратить! Выбросить эти воспоминания из головы! У каждого в «шкафу» есть свой «скелет», но ведь другие люди умеют управляться со своими «скелетами!» Значит, надо научиться и мне, надо стараться быть жизнерадостной, тем более сейчас. Веселая мама – здоровый малыш. Вот такая установка должна стать вашим девизом, занудная Елена Михайловна! – ядовито обратилась она к самой себе.

Господи, и это называется я пошла погулять по парку и полюбоваться его красотой. Вместо любования занимаюсь самокопанием. Омерзительный характер!

Так, ужасно хочется кушать! Сейчас возьму такси, приеду домой и... и пожарю себе печенку, слегка, чтобы с кровью... – Елена хмыкнула и покачала головой. – Ну надо же, как меняются вкусы! До беременности она на сырое, подтекающее кровью мясо, даже смотреть не могла. А вчера вечером, когда они с Олегом решили приготовить плов, ей жутко захотелось съесть кусочек сырого мяса.

Кровожадная я какая-то стала! – Елена усмехнулась и подумала о Сабине, которая при первой беременности тоже была равнодушна к мясу, а при второй имела пристрастие к семечкам.

Эти мысли были приятными, радостными. Елена глубоко вдохнула морозный воздух, снова окинула взглядом раскидистые кроны высоких деревьев, старательно выбеленные снегом и принаряженные хозяйской зимой в тонкие кружевные накладки из инея. Какая красота! Вот уж действительно, «у природы нет плохой погоды» и... и плохого настроения. Вот с природы и надо брать пример! Елена приподняла воротник своей норковой шубки (от легкого, но холодного ветерка озяб затылок) и прибавила шаг.

– Ло, посмотри! Вон там, вдалеке, по параллельной с нами дорожке идет Елена!

– Да, действительно, Елена. Интересно, что она делает здесь в это время? По ее распорядку дня она должна быть на работе.

– Люди непредсказуемы в своих поступках, у них неровное, скачкообразное мышление. Именно этим они и сложны. Именно поэтому их необходимо дисциплинировать, направлять. А сейчас нам с тобой следует узнать, почему наша самка здесь и куда направляется? Подойди к ней и постарайся все выяснить. Если потребуется, займись ею вплотную.

– Хорошо, – ответила Ло и быстрым шагом направилась в сторону Елены.

– Леночка! Какая чудесная «скверная» встреча!

Елена вдруг услышала нежный переливчатый смех и увидела перед собой красавицу Лолу, которая сейчас в своем ослепительно-белом полушубке и в тон ему кокетливой шапочке и сапогах была похожа на самую настоящую снегурочку. (И шапочку, и шубку Ло могла бы и не надевать – аланты не бояться ни холода, ни мороза, но... надо маскироваться под людей).

– «Скверная», конечно, оттого, что встретились в сквере, и так неожиданно! – продолжала со смехом Ло.

Немного растерявшаяся поначалу Елена тоже засмеялась в ответ:

– Да уж, действительно неожиданно! Вы куда-то идете или просто решили полюбоваться зимним парком?

– Никуда не иду, брожу, как кошка, сама по себе. Мы с Джастином неподалеку снимаем квартиру, и я частенько гуляю по этому чудесному парку. А вы здесь как оказались?

– А я работаю недалеко от этого сквера, точнее работала... – вздохнула Елена, – сегодня уволилась. Олег настоял.

– Я считаю, что он правильно сделал! – решительным тоном произнесла Ло, и, приноровившись к шагу Елены, потихоньку пошла рядом с ней по припорошенной легким снегом дорожке. – Сейчас в вашем чудесном положении вы должны больше внимания уделять самой себе: гулять, любоваться красотой окружающего мира, слушать хорошую музыку и... и, конечно, правильно питаться.

– Правильно – это как? – с улыбкой спросила Елена. – У меня последнее время начали проявляться какие-то странные кровожадные наклонности: например, сейчас я желаю английский бифштекс, с кровью, – выделила она последнее слово голосом актрисы, исполняющей роль вампириши.

Ло внимательно посмотрела на Елену и, сверкнув своей ослепительной голливудской улыбкой, удовлетворенно кивнула головой.

– Чудесно! Просто чудесно! Значит, вам, безусловно, следует заказать бифштекс... с кровью. Чего организм требует, тем и побалуйте! Ваши внутренние чувства и ощущения – самый хороший советчик! А вообще, как вы себя чувствуете, Леночка?

– Спасибо, неплохо... хотя иногда бывает не очень приятное состояние: слабость, головокружение... неприятно.

– В таком случае, вам не следует гулять одной. Если вы не будете возражать, то пока мы с Джастином здесь, я могла бы составить вам компанию для пеших прогулок.

– Спасибо, Лола! Вы с Джастином чудесные добрые люди, мы с Олегом рады, что познакомимся с вами. Кстати, Джастин прекрасно говорит по-русски, практически, без акцента.

– О! Он еще лучше говорит по-узбекски, и хочу подчеркнуть, что его учителем была я, – с шутливым хвастовством произнесла Лола.

– Прекрасный учитель! – засмеялась Елена, – во всех отношениях прекрасный! А вы хорошо говорите по-английски?

– Да, сейчас уже хорошо. Я еще неплохо знаю французский и немецкий. (Ах, если бы ты знало, милое и примитивное человеческое существо, что я говорю на всех языках, существующих на этой планете, – подумала она про себя), а вслух добавила:

– Вот видишь, как я умею хвастать! – и рассмеялась, лукаво сверкнув своими чудесными зелеными глазищами.

– Ну, это не хвастовство, – с уважением в голосе произнесла Елена, с удовольствием поглядывая на свою очаровательную спутницу, – это талант. У меня, к сожалению, таких талантов нет, я хорошо знаю узбекский и с грехом пополам могу объяснить по-английски, так что...

В этот момент у Елены зазвонил мобильный и она, остановившись и не закончив фразу, полезла в сумочку, чтобы достать телефон. Ло наострила ушки: вдруг это звонит Олег, непокорный раб, на поиски которого отправился Джастин.

– Алло, слушаю вас, – произнесла Елена, прижав к уху холодную «трубу». – Умид, это вы? Добрый день! Да, да, у меня все хорошо, спасибо. Как вы? Ну и слава богу! Слушаю вас... Что? Что случилось? Как в больнице?! Почему в больнице?! Хорошо, хорошо, я не волнуюсь, но... где, в какой больнице? Да... О господи, с чего это?... – с волнением и тревогой в голосе произнесла Елена, – сейчас подъеду. Нет... нет, я приеду прямо сейчас! Хорошо... хорошо... я не волнуюсь... договорились... еду. Нет, я не на машине, сейчас скользко, дорога трудная, и я не рискую садиться за руль, возьму такси... скоро буду... хорошо... спасибо вам за все! Да, да, я буду осторожна. Все... пока, буду минут через двадцать.

Елена отключилась и, безвольно опустив руку с зажатым в ней телефоном, растерянно посмотрела на Лолу.

– Что случилось? – с неподдельной тревогой в голосе спросила Ло, переживая, в первую очередь, по поводу Елены: нежелательно, чтобы эта самка сильно волновалась, поскольку ее состояние напрямую связано сейчас с состоянием *их малыша*.

– Олег в больнице... Умид говорит, что вызвал «скорую» прямо на работу, в их офис. Ло, извините, мне надо идти. Я сейчас поеду к Олегу в больницу, поймаю машину и...

– Я еду с вами!

– Нет, нет, не стоит, это мои проблемы и...

– Елена, я еду с вами, и мы даже не будем это обсуждать, – произнесла Ло голосом, не терпящим никаких возражений. – Так, где здесь можно остановить такси?

Взглянув на Лолу, Елена хотела снова возразить, но передумала и, пожав плечами, сказала:

– Ну что ж, хорошо... Пойдемте вот по этой дорожке к выходу, там и поймаем машину.

Пепельное небо разбухло, надвинулось на дома, парки и улицы большого города, облепило его со всех сторон, приглушая яркие краски рекламных плакатов и вывесок. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее закружились снежинки, и к тому моменту, когда Елена с Лолой добрались до больницы, городом окончательно завладел снегопад, украшая и достраивая его по своему усмотрению.

После посещения больницы и долгого разговора Елены с лечащим врачом по поводу состояния Олега, Ло, не слушая никаких возражений, довезла ее до дома, убеждая свою спутницу, во-первых, не волноваться, потому что все будет хорошо, а во-вторых, немедленно принять пищу и обязательно отдохнуть.

– Олег поправится! Это просто нервная перегрузка. Сейчас его подлечат, и через несколько дней он уже будет дома. А вот о ребенке забывать не стоит! Вы должны хорошо и правильно питаться и отдыхать. А сейчас вы устали сами и утомили своего малыша, – приговаривала Ло, прощаясь с Еленой. – Вечером вашего мужа еще раз проведает Умид и позвонит вам, а завтра мы с Джастином заедем за вами и уже все вместе поедem к Олегу. Все, Елена, никаких волнений! Дайте мне слово, что вы сейчас займетесь собой и своим малышом.

– Да, да, – устало кивала головой Елена, – сейчас поем и лягу спать. Почему-то очень хочется спать.

– Естественно, вы переутомились. Все, прощаюсь, до завтра! – Ло взмахнула рукой, села в поджидавшую ее машину и исчезла в снежной круговерти.

В квартиру Ло вошла, практически, одновременно с Джастином, появившимся из зеркала. Сидевшая на диване Клэр, выключила телевизор и вопросительно взглянула на Ло, которую оставила в сквере вместе с Еленой.

– Олег в больнице, – сообщила Ло. Когда мы заглянули к нему в палату, он спал. Видимо, ему сделали какие-то уколы или дали какое-то лекарство. Его руки лежали поверх одеяла, и кольца, *нашего кольца*, – выделила она голосом, – не было. Я обратила на это внимание Елены, но она, расстроенная состоянием своего мужа, никак не прореагировала на мои слова, зато Умид, друг Олега, тут же сказал, что с кольцом все в порядке, оно не потеряно, а лежит в их офисе, в сейфе. Почему оно оказалось в сейфе, я уточнять не стала – не тот момент.

– Я тоже узнал, что Олег в больнице, – вступил в разговор Джастин, – что его увезли прямо из офиса. Состояние этого омерзительного раба волнует меня постольку, поскольку он связан с Еленой, и не больше. Но вот что мне действительно хочется узнать, так это то, как кольцо оказалось в сейфе? Кто его туда положил? Кто снял его с пальца Олега и зачем? А если Олег это сделал сам и, естественно, сразу же потерял сознание (удивительно, как вообще не умер!), то... то я даже представить себе не могу, как он мог на такое решиться! У него и в голове уже не должно быть таких мыслей! У меня было несколько рабов, и никогда, ни один из них никому не позволил бы даже коснуться заветного кольца, не то чтобы позволить снять его! А уж чтобы самому... – Джастин с сомнением покачал головой. – А Олег дважды снимал кольцо. Дважды! – повысил он голос. – Сам! Неужели и в третий раз проделал такое?

Но это просто невероятно! Или кто-то ему помог? Тогда я возвращаюсь к своему вопросу: зачем?

Клэр тоже покачала головой и, с тревогой взглянув на Джастина и Ло, тихо произнесла:

– Все это надо, мои милые, как-то выяснить и объяснить. Люди, которых я превращала в рабов, быстро подчинялись моей воле, слушались безропотно и беспрекословно. И... – ты прав, Джастин, – никому и никогда не позволили бы снять с себя «заговоренное», будь то кольцо, браслет или серьга. Этот Олег, действительно, неуправляемый! Он опасен. Его следовало бы убрать, но... но нельзя сейчас волновать Елену. Для этой самки смерть или исчезновение Олега будет сильным потрясением. А нам, точнее, нашему малышу необходимы положительные эмоции, а не стрессы и переживания.

Клэр помолчала, вглядываясь в тревожные лица стоявших перед ней алантов, и закончила приказом:

– Так, Елену окружить вниманием и заботой. Олега тоже и... понаблюдать за ним. Ничего другого нам пока не остается. Кстати, чем Елена занята сейчас? – этот вопрос Клэр был адресован Ло.

– Она перенервничала и устала. Сейчас, скорее всего, отдыхает. Да и вряд ли она куда пойдет в такую погоду? – Ло подошла к огромному окну, выходящему на балкон, и отодвинула штору: над городом бесновалась самая настоящая метель. – Между прочим, Клэр, – Ло вернулась к Посвященной и села рядом с ней на диван, – недели через две Елену надо будет переводить на другое питание. Ей уже сейчас хочется *мяса с кровью*.

– Прекрасно! – лицо Клэр озарила довольная улыбка. – Это прекрасно! Это говорит о том, что наш малыш нормально развивается в утробе человеческой самки и уже начинает требовать свое, вот почему так важно отправить Елену в подмосковный санаторий. Там с помощью Николая и «наших врачей» мы аккуратно и осторожно сумели бы перевести ее на нужное питание. Вот для чего нам так необходим этот Олег! Именно он должен повезти жену на лечение! Он должен ее и лелеять, и оберегать, и... и направлять.

– Клэр, – Джастин присел у ног Посвященной и взял ее за руку, – Клэр, – с нежностью повторил он, – я постараюсь вернуть этого строптивца в исходное состояние. Все выясню и постараюсь исправить создавшуюся ситуацию.

– Конечно, милый. Ты сам знаешь, что для нас это очень, очень важно! Мы должны довести этот эксперимент до конца. Пока все идет прекрасно: самка жива, чувствует себя нормально. Будем надеяться, что и в дальнейшем развитие малыша не повредит ее здоровью, и она доносит наш драгоценный плод. И сумеет родить! Я живу этой мечтой и не хочу разочаровываться. Не хочу! Это было бы слишком горько!

Анфиса Афанасьевна смотрела в окно на стремительно летящий, послушный капризным порывам ветра снег. Улицу застлал белый клубящийся туман; из-за него дома напротив просматривались слабо и выглядели призрачными и нереальными. Снежные ведьмы с длинными седыми космами носились по городу на своих метлах и, подвывая в такт ветру, гнали прохожих, подталкивая их в спины холодными костлявыми руками, швыряли в стекла автомобилей пригоршни мокрого снега, ломали сучья деревьев, трясли вывески и рекламные шиты. Одна из них, с белым, как алебастровая маска, лицом, на котором жили только сверкающие голубовато-льдистые злые глаза, замерла прямо напротив окна, в которое смотрела Анфиса. Пряди ее волос змеились, закручивались, развевались, и концы их терялись где-то в снежной круговерти. Какое-то время она пристально смотрела прямо в глаза Анфисы, но та не только не отвела взгляда, но вцепилась своим в мертвенно-бледное лицо, длинную шею и костлявую фигуру в развевающихся по ветру белесых рваных «тряпках», вцепилась, прожигая и отгоняя от себя, своего окна, своего дома холодных и жестоких духов зимы. Резко развернувшись, снежная ведьма ударила по стеклу концом своей метлы, полоснула ледяными жгутами змеящихся волос и мгновенно скрылась из виду, превратив окно в узорчатый ледяной панцирь.

Анфиса отошла от «ослепшего» окна и снова села за стол, за которым провела сегодня почти полдня, занимаясь своим нелегким колдовским ремеслом. Ее взгляд вновь упал на фотографию, оставленную ей девушками, Ритой и Катей. Эта фотография таила нечто страшное, не до конца понятное Анфисе. Средоточие этого «страшного» проглядывало темной, разрастающейся силой за улыбающимся лицом красивой женщины Елены, гнездились в ее груди. Анфиса не просто видела, а буквально физически ощущала злую и жестокую направленность этого «нечто», вселившегося в человека.

Она не раз изгоняла нечистых духов из слабой, не умеющей противостоять злым потусторонним силам человеческой плоти. Чаще всего, ей это удавалось, но дважды эти силы были настолько велики, что Анфиса не смогла справиться с ними; чудом сама осталась жива.

Она владела огромными знаниями и Великим Даром, но в то же время прекрасно понимала, что в необъяснимом сплетении, взаимопроникновении, сосуществовании многомерных и бесконечных измерений, включающих в себя и то, в котором пребывает человек, ее опыт и особое умение многомудрой ведьмы может в непредсказуемо-сложной ситуации превратиться в ничто, в пыль.

Анфиса иначе, чем «обыкновенные» люди, видела окружающий ее мир, потому и в лесу встречалась с лучшим (который вовсе не сказочный персонаж!), и у тихих омутов с опасными зеленоглазыми русалками, и с людьми-оборотнями (вервольфами, лугару), внешне ничем не отличающимися от человека, но с вполне объяснимой для них тягой жить в маленьких городках, поселках, аулах, кишлаках, расположенных вблизи лесов, гор или степных просторов. В каждом доме или квартире живет домовый. Своего Анфиса хорошо знала и даже иногда, очень редко, когда *он это допускал*, беседовала с ним. Знала она и о существовании вампиров (или упырей, или вурдалаков, или мормо, или «немертвых»), но встречаться ей с ними не приходилось, а вот матери и бабушке случалось. От них Анфиса знала, что это совершенно непонятные и загадочные существа, обладающие уникальными способностями и вероятно злой силой.

Человеку только кажется, что он один населяет эту землю, точнее, *это измерение на этой земле*. Человек ошибается, потому что «матрешка познания» бесконечна: изучил первую, рассмотрел ее со всех сторон, понял секрет, открыл, глядь, а там, внутри – вторая, а потом еще одна, и еще, и надо снова приниматься за работу и снова сомневаться в том, действительно ли ты знаешь мир, в котором живешь?

Анфиса пристально вглядывалась в лица на фотографии: они изменились.

Лицо покойного Виктора как бы слегка стерлось, затуманилось, стало плоским (так она его «видела»), как сухой и тонкий картонный лист. Погасло странное мерцание его глаз, по которому Анфиса и определила в первый раз, что он «неспокойный», что его дух еще бродит «здесь» по каким-то своим, известным только ему причинам. Возможно, вполне возможно, что ей придется потревожить дух покойного. Это плохо, это нежелательно, но... и Анфиса всем нутром своим ощущала это тревожное «НО», подсказывающее ей, что если придется изгонять из тела Елены злое, непонятное и очень опасное не только для нее, но и для всего мира людей «нечто», то одной ей не справиться.

Обычно бес, вселяющийся в человека, страшен, прежде всего, именно для этого человека и, в определенной степени, для близкого ему окружения, но никак не для всего человечества. Здесь же, в случае с незнакомой ей женщиной Еленой, все обстояло иначе. Если ее изображение на фотографии излучало столь сильный импульс зла, то что же Анфиса почувствует, увидев ее воочию? С такой ситуацией она еще никогда не сталкивалась, и это тревожило.

Анфиса внимательно (и уже в который раз!) рассматривала лицо Елены. Оно тоже стало меняться. Красивые черты лица заострились, в них что-то неуловимо изменилось. Казалось, женщина стала еще красивее, и в то же время... в ее чертах появилась жесткость, нет, хуже... жестокость. Милая улыбка перестала быть «милой»: за легким изгибом полных, красивого рисунка губ теперь таилось что-то опасное,стораживающее.

Анфисе обязательно надо было ее увидеть! Она звонила девушке по имени Катя, и та сказала, что они с Ритой передали по адресу настойчивую просьбу Анфисы. Однако Елена не спешила ни позвонить ей, ни встретиться. Возможно, она еще не поняла – в какую попала беду! Возможно, даже и не подозревала ни о какой беде. А та уже нависла над ней и набирала силу. Пока еще был запас времени, пока еще можно было попытаться изменить ситуацию, но для этого необходимо было увидеть Елену, установить с ней контакт!

Если бы беда касалась только этой женщины, то Анфиса, предупредив ее об этом, посчитала бы свой долг выполненным. Там дело самого человека – обращаться к ней за помощью или нет. Но в данном случае беда носила иной характер: Анфису, пристально смотревшую на фотографию Елены, преследовало страшное видение – лицо молодой женщины меняется, меняется, меняется, постепенно становясь истинным воплощением зла, при этом все ее тело увеличивается в своих размерах, надувается, как воздушный шар, и, становясь страшного иссиня-черного цвета, вдруг лопается, выпуская наружу сильное и агрессивное «нечто», направленное *на людей, против людей*. Вот такое неприятное видение!

Надо было что-то делать. Она, как Белая Ведьма, обязана была «что-то делать», как-то предотвратить беду, по крайней мере, попытаться.

Размышляя над сложившейся ситуацией, Анфиса горько пожалела о том, что умер старый мудрый Саид, живший далеко, в горах, в Бричмулле. Он так же, как и Анфиса, имел Дар. Много знал, многое умел. Как бы ей сейчас пригодилась его помощь! Но Саида больше нет на этой земле, а тот, кому он передал свой Дар, еще неопытен, да и слаб. Он Анфисе не помощник.

Ведьма провела над фотографией рукой, и ладонь ее замерла над Олегом. Возникло видение: высокое крепкое могучее дерево со светлой плотной и гладкой корой, с мощными ветвями, упрямо устремленными ввысь, но сердцевина гнилая. В нем, как и в Елене, но в более слабом проявлении, тоже гнезилось страшное «нечто». Вчера, при контакте с фотографией, присутствие этого «нечто» Анфиса ощущала достаточно сильно; сегодня оно как бы исчезло, но изъеденная болью и тяжелым грехом сердцевина осталась. Этот человек обречен. На его лице лежит печать смерти.

Анфиса вновь переключилась на Елену. Читая особые ритуальные заклинания, зажгла свечи в специальных низких глиняных плошках. В центр образовавшегося огненного круга положила фотографию и сконцентрировала свое внимание на лице Елены. Виктор и Олег погасли, стерлись, исчезли, осталось только лицо молодой женщины, которое увеличилось, заполнило собой всю фотографию и как бы обрело трехмерность, ожило. Было явно видно, что она прислушивается к чему-то, в глазах – настороженность, испуг.

Губы Анфисы вновь зашевелились, зашелестели слова приказа, призыва, заклятия:

– Елена... Елена... слышишь меня?... отзовись! Ты в беде! Елена...

– Кто это? – донесся до Анфисы слабый, как легкое дуновение ветерка, испуганный голос.

– Анфиса... Я Анфиса... Позвони...Слышишь?... Найди меня... Ты в беде... Елена...

На ослабевших, дрожащих ногах Елена вошла в гостиную и рухнула в кресло. Что это такое? Что с ней? Как она могла такое сделать?!

Вошла в дом, переоделась, и, чувствуя нарастающий голод, отправилась на кухню, разморозила в микроволновке печень, потом как следует промыла ее и, бестрепыхно бросив на разделочную доску, отрезала кусочек, запихала в рот и тут же с жадностью, почти не прожевывая, съела. Затем второй кусок. Руки автоматически отрезали третий и уже несли его ко рту, как... как Елена очнулась. Очнулась и пришла в ужас! Во рту вкус крови и сырой печени! Мерзость! Фу! Фу, какая мерзость! Бросилась в туалет. Ее не просто вырвало, а вывернуло наизнанку. Промыв рот в ванной, умывшись и почистив зубы, еле доплелась до кресла. Ноги и руки противно дрожали, и она никак не могла унять эту дрожь. Дотянулась до лежащего на диване пледа и укрылась. Во рту – привкус горечи. Надо встать, сделать крепкий сладкий

чай с лимоном, – подумала Елена и тут же ярко представила себе, как она с удовольствием пьет этот чудесный горячий лимонный чай, медленно, смакуя, делает глоток, наполняя рот и желудок теплом и ароматом, но... не встала. Напротив, уютнее устроилась в кресле, закрыла глаза и постаралась расслабиться, успокоиться.

Все хорошо... все нормально... у беременных женщин такое бывает... наверное... наверное, все-таки бывает... Сабине ведь тоже хотелось сырого мяса... Интересно, а с ней не было такого, чтобы не просто «хотелось», а с жадностью «глотаешь»?.. Как собаке... вот именно, как голодной бродячей собаке...

Так, все. Я больше об этом не думаю, – строго приказала себе Елена. – Сейчас согреюсь, успокоюсь и пойду нормально поем. Голод, утихнувший на какое-то время, вновь «скребся» в желудке, требуя пищи. Сейчас... сейчас... – уговаривала его Елена, – только посижу немного, приду в себя...

Она откинула голову на спинку кресла и замерла, стараясь унять дрожь. Под пледом было тепло и уютно, через некоторое время Елена постепенно расслабилась, утихла противная дрожь. Лениво приоткрыв глаза, она отстраненно смотрела на окно, точнее, за окно, где метался ветер, расшвыривая в разные стороны колкую ледяную крупу. Если бы не раздражающее чувство голода, то она бы сейчас уснула, прямо в этом уютном кресле, под шум рассерженного ветра.

– Это ведь надо – такая погода! – лениво думалось Елене. – Прямо какая-то сибирская метель... так и кажется, что прямо за домом шумит тайга...

И вдруг Елена явно и четко увидела себя сидящую в кресле у открытого окна, в небольшой комнате деревянного дома; а за окном – лето, и шумят сосны, и запах их терпкой хвои легко и приятно шекочет ноздри, успокаивая и слегка кружа голову... Ей хорошо, легко и...

Елена вздрогнула, очнулась: ну надо же, как ярко привиделись сосны! Наверное, задремала – и такой сон... Она покачала головой, усмехнулась и снова взглянула на окно: да... с каждым годом зимы становятся все холоднее и холоднее. Где это видано, чтобы в Ташкенте была такая зима! На всей земле погода перекрутилась: в Африке – снег, и в Испании – снег, а у нас – метели. Хотя, кажется, успокаивается... Да, точно, вон и снежок поредел.

Елена взглянула на часы: почти четыре, а за окном уже сереет, в пять – темно. Ничего не подлаешь – зима. Так, надо во всех комнатах зажечь фонарики, а то все-таки одна сегодня в доме и... и это не очень приятно... а потом пообедать... или уже поужинать?.. – лениво переспросила сама себя Елена. В кресле было уютно, и шевелиться было лень.

Вдруг по гостиной как будто прошелся легкий ветерок, даже слегка шевельнулись тяжелые шторы на окнах, и Елена, резко выпрямившись, тут же почувствовала, как внутри нее натянулась, насторожилась струна ее Великого Страха. Вместе с ветерком кто-то выдохнул ей прямо в ухо ее имя – «Елена... Елена... слышишь?...»

Елена вздрогнула и испуганно, в голос, спросила:

– Кто? Кто это?

Не успев подумать о том, что она в совершенно пустой комнате разговаривает сама с собой, вновь услышала растекающийся шепот:

– Анфиса... Анфиса... слышишь?... в беде...

– Что?... Кто?... Как это?... Что это такое?... – Елена вскочила и, затравленным взглядом оглядев всю комнату, ринулась к окну – может быть, эти слова долетели со двора? С какого двора? Во дворе пусто! Эти слова явно шептали ей на ухо, она не только слышала их, она чувствовала колебания воздуха, как будто бы их кто-то выдыхал. Прямо в ухо! Или это у нее в голове? Слуховые галлюцинации?

Отойдя от окна, Елена села на диван. Все было тихо, спокойно и даже ветер за окном стал ослабевать и уже не налетал на дом, разбиваясь о стены и окна, а только шуршал где-то наверху, под крышей, как бы выискивая себе местечко для отдыха.

Елена смотрела за окно, напряженно вслушиваясь в долетающие до нее звуки. Может быть, ей показалось, может быть, это лишь причудливый шум и шорох ветра и снега... – и она снова прислушалась к заочным звукам. Даже дышать перестала. – Никого, только ветер шуршит, да иногда тоненько и как-то жалко посвистывает... вот ей, видимо, и почудилось – «слышишь», и еще «Анфиса, Анфиса...».

Анфиса... Ведь это так зовут «ведьму в пятом поколении», к которой они с Сабиной все собираются съездить и все никак не найдут для этого времени. Да... Видимо, почудилось... Почудилось потому, что подспудно думала об этой Анфисе, о ее странном предупреждении... о какой-то беде... Вот и Олег в больнице, и непонятно почему? Никогда не жаловался на сердце, на нервы и вдруг – приступ! Может быть, это и есть беда? А может быть, будет что-то еще хуже?

Елена встала и начала искать свою записную книжку: во время разговора с Сабиной она вложила в нее листок с телефоном этой самой Анфисы. Они ведь собирались предварительно позвонить ей, прежде чем идти. И куда она эту книжку сунула? Напрочь не помнит!

Книжку искала минут пятнадцать – и в спальне, и в гостевой комнате, и в кабинете Олега, и на кухне... Нашла на террасе. Видимо, когда провожала Сабину, машинально положила ее на подоконник и забыла. Листок с номером телефона ведьмы был там.

Позвонить? Не выглядит ли это все каким-то идиотизмом? Если бы года два назад кто-нибудь сказал Елене, что она будет звонить по телефону ведьме! – она точно приняла бы это за идиотскую шутку. Но сегодня, после всего пережитого ею...

Несколько минут Елена сидела на диване с телефонной трубкой в одной руке и листочком в другой. На эти несколько минут она как будто бы впала в какой-то ступор: бездумный взгляд в никуда, в голове то пусто, то мешанина каких-то мыслей...

Она боялась этого звонка, подспудно ощущая, что он может разрушить то хрупкое состояние мира, счастья и покоя, которые она, казалось бы, наконец, обрела. У нее ласковый, внимательный и любящий муж, прекрасный дом, прекрасные друзья и, самое главное, она беременна. Заболел Олег! Но такая ситуация может быть в любой семье, да и врачи ей сегодня сказали, что беспокоиться не о чем, что все будет хорошо, что через несколько дней ее муж уже будет дома. Тогда почему же у нее нет ощущения того, что ее семейное положение стабильно, надежно? Почему на душе так тяжело и беспокойно? Или все это издержки ее странного характера? Некий поселившийся в ней синдром страха? Тогда она больна и это уже диагноз – «синдром страха». Поэтому она так боится звонить Анфисе и в то же время понимает, что позвонить все равно придется. Надо позвонить. Потому что, если быть честной до конца, то не ощущает она по-настоящему ни стабильности, ни счастья, ни уверенности в завтрашнем дне, а ощущает... – Елена прислушалась к себе, – а ощущает тревогу и фальшь, как будто все, что с ней сейчас происходит – это игра, обман, и она, Елена, не принадлежит самой себе и не является самой собой. Ее тоже закрутили в эту игру, и она почему-то позволила это сделать, и теперь покорно выступает в роли марионетки, которую периодически кукловод дергает за ниточки. Кукловод? А кто кукловод-то? Ответа на этот вопрос она не нашла. Может быть, ответ есть у ведьмы в пятом поколении?

Глубоко вздохнув, сдерживая тревогу и страх, Елена набрала номер Анфисы. Ей мгновенно ответили, как будто ждали ее звонка:

– Да, я слушаю вас.

Голос был спокойным, приветливым, мягким, располагающим, и Елену немного «отпустило».

– Добрый день, – тоже стараясь быть спокойной, произнесла она. – Я бы хотела поговорить с Анфисой Афанасьевной.

– Елена, это вы? – спросила Анфиса, хотя прекрасно знала, что это именно «она».

– Да... – в голосе прозвучала растерянность.

– Я очень рада, что вы решились мне позвонить. Может быть, вы решитесь на большее: приедете ко мне или разрешите мне приехать к вам? Нам с вами обязательно надо поговорить, поверьте мне, обязательно! И желательно сделать это не по телефону.

Елена молчала. Страх снова сжал сердце.

– Елена, прошу вас, не молчите. Позвольте мне поговорить с вами. Я должна это сделать, а там – ваше дело: принимать всерьез мои слова или нет. Я не шарлатанка,

не вымогательница денег из доверчивых клиентов. Мне от вас ничего не надо! Ничего! Я только хочу поговорить.

– Хорошо, – выдохнула Елена. – Только я сегодня очень устала, был трудный день: я уволилась с работы, муж попал в больницу...

Рассказывая об этом, Елена вдруг с досадой подумала: зачем она это делает? Незнакомому человеку, которого знать не знает, начала докладывать о своих семейных делах... Она замолчала, рассерженная на себя, не зная, что делать дальше, и вдруг услышала:

– Леночка! – ласковый голос Анфисы немного погасил ее раздражение. – Леночка, позвольте мне к вам так обратиться, тем более что я вам как раз в бабушки гожусь. Я по голосу чувствую, что вы очень устали и... и еще вы напряжены, вас тревожит наш разговор. Он вам кажется немного странным. Так и должно быть, это нормальная реакция на... – Анфиса на секунду замялась, подбирая слово, – скажем так, на неадекватную ситуацию. Вы подспудно чувствуете, что я хочу сказать вам что-то... тревожное, плохое. Вы боитесь этого, но... Леночка, когда у вас болит зуб, вы ведь понимаете, что без помощи врача и его устрашающих на вид инструментов вам все равно не обойтись? Верно? Вы знаете, что будет неприятно и даже больно, но вы также знаете и другое: на эту боль надо решиться, чтобы раз и навсегда избавиться от нее. Другого пути просто нет. Я – «зубной врач» и вам надо решиться на посещение моего «кабинета». Это, прежде всего, в ваших интересах, *это вопрос вашей судьбы, жизни и смерти*. – Эту фразу Анфиса произнесла медленно, четко проговаривая каждое слово. – Все именно так, как я говорю. Поверьте мне! Все очень серьезно! Давайте встретимся, и я уверяю вас, что помогу, чем смогу, сделаю для вас все, что в моих силах!

– Почему вас так волнует моя судьба? – с сомнением и вновь нахлынувшим раздражением спросила Елена. – Почему вы решили сделать для меня «все, что в ваших силах», чтобы отвести какую-то беду? Тем более, бескорыстно! В чем причина такого альтруизма? Я ведь не ваша дочь, и не внучка, и вообще вам не родственница, и не хорошая знакомая. Я вам никто. Так в чем же ваш интерес?

Слушая этот голос, Анфиса уже знала, в чем ее интерес, но Елене она ответила:

– А вот об этом, мы поговорим с вами при встрече, и я надеюсь, пойдем друг друга. Наше с вами свидание нежелательно откладывать, чем скорее увидимся, тем лучше. Для вас лучше. Бывают такие моменты, когда время становится врагом человека. Упустишь *нужный момент* – и все, и ничего уже не изменишь и не веротишь.

– Хорошо. Я устала от этого разговора, я устала бояться. Давайте покончим с этим сегодня. Вы сможете приехать ко мне?.. потому что я... я действительно очень устала и в такую погоду...

– Конечно, конечно, я приеду сама. Да и погода уже переменялась, ветер успокоился...

Елене вдруг стало неловко: пожилого и, по всей видимости, доброго человека, переживающего за нее, она заставляет по такому холоду ехать к себе домой.

– Анфиса Афанасьевна, может быть, завтра погода будет лучше, да и дороги очистят от снега и гололедицы, так я бы сама к вам приехала, а то как-то неудобно получается...

– Нет, нет, ничего, не беспокойтесь, я доеду, сейчас только возьму листочек и ручку, чтобы записать ваш адрес... Так... все... диктуйте, я записываю.

Олег то приходил в себя, то снова проваливался в сон, но не в тот сон – спокойный и глубокий, приносящий бодрость, восстанавливающий силы, – а полный смутных и странных видений, напряженных и неприятных разговоров, раздражающих воспоминаний. Бесконечная вереница снов – сумбурных и выматывающих. Ему казалось, что голова – это котел, в котором бурлят его мозги. Больно! Тошно! Он ошущал страшную, невероятную усталость. Очень хотелось отодвинуть от себя весь этот бредовый сумбур и просто поспать, хорошо и спокойно поспать, ни о чем не думая, ничего не вспоминая.

Очнувшись, он вдруг понял, что не ошущает своего тела. Совсем! Как будто его нет! Захотел поднять руку и... не смог, потому что понял: она весит тонну... целую

тонну!.. даже пальцами тяжело пошевелить. Его тут же захлестнул ужас – неужели парализовало! Неужели действительно отравил сам себя! У Виктора незадолго до смерти тоже наступил паралич конечностей.

Олегу стало нечем дышать. Грудью он ощущал какую-то холодную, непомерную тяжесть – как будто могильной плитой придавили – так жутко подумалось и тут же стало по-настоящему страшно. Захотелось немедленно! немедленно вздохнуть полной грудью! скинуть с себя все! все! все! и вскочить на ноги. Олег попытался заорать – громко! изо всех сил! во все горло! – но в результате невероятных усилий – только сдавленный стон. С великим трудом разлепил глаза, и увидел прямо над собой кого-то, в белом, ощутил прикосновение прохладных рук и голос, доносящийся до него издали, так, как будто его уши были заложены ватой:

– Тише, милый, тише, сейчас сделаем укольчик, и все будет хорошо...

Голос был тихим, ласковым, успокаивающим, как... как мамин... Голос из далекого детства. Этот чудесный голос «разбил» могильную плиту, и Олег смог вздохнуть и пошевелиться. Слава богу! Его слушают и руки, и ноги. Значит, просто занемели пока лежал. Он скосил глаза и посмотрел вниз: а... вот еще что – в правой руке торчит игла, от которой идет тонкая светлая трубочка, убегает куда-то ввысь. Проследить глазами – «куда?» – было тяжело, да и лень, да и ненужно, да и веки сонливо закрывались. Капельницу ставили, – понял Олег, – вот поэтому и рука как... как чужая...

Медсестра вытащила из вены иглу и залепила кровоточащую «дырочку» специальным пластырем, потом ловко сделала Олегу укол в ягодицу, ласково при этом приговаривая:

– Ну, вот и все... вот и молодец... а то напугали всех – и жену, и друзей... Они тут целой делегацией по коридору бродили, все врачей пытали – «что с вами, да как?». А вы сейчас вон уж какой бодренький! Завтра, глядишь, на выписку проситесь будете...

– Рита... – вдруг выдохнул Олег пересохшими чужими губами.

– Рита? – удивленно переспросила медсестра. – Нет, милый, я не Рита. Меня Татьяна Ивановна зовут, можно просто – тетя Таня. В основном все больные так и зовут – тетя Таня. Или это ты жену кличешь?

Олег напрягся: жену... да... он же женат... женат на Елене... ему как-то удалось на ней жениться... а где же Ритка?

– Пить... – разлепил он свои пересохшие губы.

– Сейчас, милый, сейчас я тебя попою... просто водичку дать или чаек сделать?

– Воды...

Приоткрыв глаза, Олег наблюдал, как тетя Таня – невысокого роста, пожилая полная женщина с приятными прохладными руками, умеющими «сбрасывать» с груди «могильные плиты», в ослепительно белой шапочке и халате, налила воду в специальный маленький кувшинчик с длинным тонким изогнутым носиком и поднесла этот «носик» к его пересохшим губам. Он долго и жадно пил. Вода освежила и успокоила. Снова опустились тяжелые веки. Олег стал проваливаться в мягкий, обволакивающий и такой желанный сон, наступающий сон, без мельтешащих и выматывающих сновидений. Только ему очень хотелось, чтобы тетя Таня оставалась рядом, чтобы положила на лоб свою прохладную и ласковую руку и никуда не уходила.

Вяло подумалось: надо ее об этом попросить... – но в следующую секунду он уже забыл – кого попросить и о чем? Попытался сосредоточиться, но не смог, провалился в сон. Да и разве может кто из смертных противостоять богу сна Морфею? Ему и боги-то противостоять не могут!

– Господи, бледный-то какой! – вздохнула Татьяна Ивановна. – Такой молодой, красивый, и уже приступы! В мое время такие плечистые и крепкие мужики знать не знали, где оно, сердце-то, и в обмороки не хлопались, а сейчас – мельтешение, а не жизнь! По телевизору только и слышишь: стрессы-конгрессы-мерседесы, нагрузки-перегрузки, а в результате... – она укоризненно и в то же время жалостливо посмотрела на Олега. – Эх! Хоть бы вытянули парня, – вздохнула глубоко, всей грудью, – жалко если...

Взглянув за окно, где ранние зимние сумерки успокоили не в меру разыгравшийся сегодня ветер, медсестра поправила одеяло, материнским жестом погладила своего пациента по голове и, приглушив в палате свет, вышла, потихоньку притворив за собой дверь.

Через некоторое время дверь в палату отворилась, и к постели больного черной тенью скользнул Джастин. Несколько минут он пристально вглядывался в лицо Олега.

– Необходимо, чтобы этот самец остался жив, – думал алант, рассматривая бледное лицо своего раба. – Он еще нужен... месяца на три-четыре нужен. Он должен до конца сыграть отведенную ему роль, ну а там... после появления малыша... – Джастин резко втянул ноздрями воздух и сильно сжал свои острые, как бритва, зубы, – а там... я мгновенно убью его. Это не тот раб, которого стоит беречь. Это опасный раб! Жаль нельзя использовать его кольцо для приручения другого «покорного раба»! Кольцо заговорено именно на Олега. Другого оно или убьет, или сведет с ума.

Поскорее бы врачи поставили его на ноги, а колечко мы ему на пальчик снова оденем. Точнее, сам наденет, никуда не денется. Он все равно уже этим кольцом отравленный. Сам к нему потянется, как только увидит...

Елена с ужасом смотрела на Анфису. Елена с ужасом слушала Анфису, спокойно называющую себя ведьмой. Она ведь ей так и представилась:

– Здравствуйте, Елена! Я та самая Анфиса Афанасьевна, ведьма.

Вот так запросто и буднично – «ведьма», как будто сказала – «здравствуйте, я врач», или педагог, или архитектор...

И ни на какую бабушку она не была похожа: симпатичная женщина, в годах, но далеко не старуха, со строгой прической, прямыми темными бровями, из-под которых на Елену внимательно смотрели цепкие, гипнотизирующие карие глаза, крупноватым носом и плотно сжатыми губами, когда-то, видимо, хорошей формы, а сейчас несколько расплывчатыми, не улыбочивыми.

И вот эта сидящая напротив нее ведьма, пристальный и напряженный взгляд которой ассоциировался в сознании Елены с мощным рентгеном, спокойным голосом несла потрясающую чушь! Нет, не чушь... не чушь, а бред сумасшедшей!

Оказывается ребенок, которого носит Елена, не ее ребенок, да и вообще нечеловеческое дитя; что с такой формой вселения беса в человеческое тело Анфиса еще не встречалась, и ее это очень тревожит, поскольку она чувствует огромную злую силу, скрытую в этом «существе»; что Елена в большой опасности, потому, что под влиянием этого «существа» она сама в скором времени начнет перерождаться, потому, что это «существо», скорее всего, убьет ее и, вырвавшись в это мир, наделает много-много зла. Нет, еще хуже – *проложит злу дорогу в наш мир*. И это будет конец!

– Вы уже сейчас излучаете достаточно сильный поток негативной энергии. Мне кажется, что с вами уже было что-то странное, неприятно вас поразившее (в этот момент Елена вспомнила про сырую печень, и ее затошнило). – Анфиса, не отводящая взгляда от глаз Елены, молча кивнула головой. – Да, с вами уже что-то было, – уверенно повторила она, – я это почувствовала. С вами вообще *что-то было...* в этом доме... в этих стенах...

Лоб Елены покрылся холодной испариной. Ей было страшно, просто настоящему страшно. С одной стороны, слова этой ведьмы отзывались в ней болью, криком страха: «да! да! в этом доме, в этих стенах... было! было! было!...». С другой стороны, кого она пустила в свой дом? Сумасшедшую! Стоит только посмотреть на ее бледное лицо, бледные губы и яркие, «горящие» глаза, как сразу же становится понятно – ее гостя невменяема. При этом она, безусловно, обладает гипнозом, потому что Елена, вместо того, чтобы немедленно указать этой Анфисе на дверь, сидит и как послушная ученица, нет, как последняя дура смотрит ей в рот. И слушает всю эту чушь!

– Послушайте, – Елена произнесла это слово каким-то осипшим чужим голосом, пересиливая себя, – послушайте, прекратите! Неужели ради того, чтобы наговорить

мне все эти гадости вы ехали ко мне через весь город, в такую погоду! Это же бред! Какие бесы? Как это внутри меня может быть нечеловеческое существо?! Вы в своем уме? Убирайтесь из моего дома!

Тут Елена вспомнила, что сумасшедших нельзя ни оскорблять, ни злить. Где-то она об этом слышала или читала. Они становятся агрессивными и могут убить, потому что очень сильны. Она замолчала и со страхом посмотрела на ведьму, ожидая всплеска злости, но... Анфиса смотрела на нее молча и печально. И вдруг Елена увидела, как она стара, как она потрясающе стара! Действительно бабушка. Нет, ведьма! Глаза потухли, лицо покрыто сетью морщин. Блеклые губы сложились в горестную «подкову» уголками вниз.

– Ах, Леночка, – устало прошепел ее голос, – к сожалению, это не гадости и не бред. Я понимаю, что для вас современной, рационально мыслящей женщины, все, что я говорю, звучит дико и... и даже непотребно. Вы считаете, что я сумасшедшая старуха, которой нечем заняться, как только ездить по людям и говорить им гадости. Уверяю вас, вы ошибаетесь. Мир, в котором обитает человек, устроен очень и очень сложно. Далеко не все, происходящее на земле, можно объяснить словом науки, далеко не все... Мне бы, конечно, следовало подготовить вас к столь трудному и тяжелому для вас разговору, но у меня нет времени. Нет, не у меня, а у вас, – Анфиса ткнула в Елену пальцем и с нажимом повторила, – у вас нет времени. Вы должны мне поверить, потому что, когда поймете, что я права, будет поздно.

Было бы гораздо лучше, если бы вы рассказали мне о том, что мучит вашу душу. Поведали мне ваши страхи, ведь в вашей жизни было «нечто» – я в этом сейчас совершенно уверена, – и это «нечто» сильно, очень сильно смутило ваш ум и ваше сердце. И никаким словом науки вы это объяснить не можете. Верно? И если вы мне сейчас скажете, что я не права, я вам не поверю... Ведь было «нечто», было?

– Да... было... – у Елены шумело в ушах, и сейчас ей казалось, что Анфиса, удивительно похорошевшая и помолодевшая, уже не сидит в кресле напротив нее, а, не касаясь пола и не шевеля ногами, плавно перемещается по всей гостиной, как будто рассматривает что-то, или что-то ищет. Да и сама Елена уже не сидит в кресле, а стоит и тоже кружится только на одном месте, и ведьма Анфиса оглядывает ее со всех сторон, легко касаясь пальцами ее лба, груди, живота, спины...

– Сделав над собой невероятное усилие, Елена тряхнула головой, отгоняя колдовское наваждение. А никакого наваждения и нет, это все игра ее расстроенного воображения. Симпатичная пожилая женщина Анфиса спокойно сидит в кресле и смотрит на нее – ласково, по-доброму, с тревогой, затаившейся в глубине ее странно мерцающих глаз.

– Елена, я сейчас уйду, – тон стал доверительным, как будто действительно бабушка с внучкой беседует, – но помни: времени мало, а ты в беде. В большой беде. Помочь тебе, по крайней мере, попытаться сделать это, могу только я. Здесь только я, – поправила саму себя Анфиса. – Есть ведуны и посильнее меня, большой силы есть ведуны, но они далеко. Пока до них добираться будем, время уйдет, поздно будет. Да, я думаю, и не дадут нам с тобой до них добраться. Здесь все решать надо, здесь. И поскорее.

Анфиса легко поднялась, еще раз внимательно оглядела примолкшую Елену, в глазах которой плескались и страх, и недоверие, и мука, и растерянность, и сказала:

– Другую женщину такая страшная ноша уже бы убила. Ты – жива, хотя изменения уже начались. Ты – сильная! Это хорошо. В тебе есть нечто... я это сразу почувствовала, по твоей фотографии... и если смогу избавить тебя от нечистой плоти и духа, от беса, сидящего в тебе, то дорога твоя пойдет рядом с моей. В «простой» жизни тебе уже не будет места. Ты и сама это поймешь.

Я жду тебя, Елена, но будь очень и очень осторожна. О нашей беседе не рассказывай никому, потому что Зло рядом с тобой, и это Зло может быть скрыто за личиной добродетели и красоты. Не доверяй никому! Никому! Даже мужу! У него тьма внутри. Хорошо взвесь все мои слова, прислушайся к себе: твое сердце даст тебе ответ. Приходи. Тайно. Пока не поздно. Не говорю тебе «прощай», потому что жду.

– Я проверялась в самой дорогой клинике у самых лучших врачей! – выкрикнула Елена.

– Кто водил тебя в эту «самую дорогую клинику»? – тихо спросила Анфиса.

– Муж и... – Елена запнулась, вспомнив добрую и красивую Лолу.

– И?

– И моя хорошая знакомая, чудесный и добрый человек!

– А ты, не говоря никому, сходи в обыкновенную клинику, к обыкновенному врачу, сама, без мужа и чудесной знакомой. Завтра же и сходи! Хорошо? И посмотрим, что тебе этот врач скажет, как он тебя удивит...

Сделав шаг к двери, Анфиса вдруг остановилась, раскрыла свою маленькую кожаную сумку и, достав оттуда крохотную амфору на тонкой серебряной цепочке, протянула ее Елене, сказав:

– Надень это на шею своего мужа. Это не спасет его, но хоть в какой-то степени защитит от черных сил, которые и в нем, и вокруг него. В этой амфоре специальный состав, особый. Это мне привезли из Тибета. Постарайся надеть на него эту цепочку. Объясни, что это лечебный состав из трав. Сделай это!

Не добавив больше ни слова, Анфиса пошла к выходу, а Елена, зажав в кулаке цепочку с амфорой, источающей приятный аромат, застыла в кресле и очнулась только тогда, когда услышала звук закрывшейся входной двери.

– Что со мной происходит? Почему я стала жить как в каком-то страшном мистическом сериале? И от серии к серии делается все страшнее. Почему в мою жизнь вошла эта женщина? Вошла и сразу все уничтожила, одним махом. Я ведь только-только обрела свое долгожданное и так горько выстраданное счастье! Я – беременна! И это самое главное! А теперь... А что теперь? Что собственно случилось теперь? – эту фразу Елена выкрикнула в голос, с болью, и дальше уже продолжала разговаривать сама с собой. – Почему я должна верить словам этой старухи, этой гадкой ведьмы! Да, может быть, она просто заморочила мне голову, а сама попросту меня обокрала? Ну, да! По всей видимости, так оно и есть, она – воровка! Воровка!

Елена уцепилась за эту спасительную мысль. Если ее обокрали, тогда все становится на свои места. Тогда нет никаких бесов, никакого зла, а есть просто умная, хитрая и талантливая преступница, владеющая гипнозом. Елена резко поднялась из кресла и бросилась проверять деньги и драгоценности. Все было на месте. Все, к сожалению, было на месте! Она прошла по комнатам, оглядывая их: нет, ничего не пропало. Лучше бы пропало!

Выйдя во двор, она закрыла ворота и вернулась в дом. Зажгла в комнатах свои заветные фонарики и прямо в халате, не раздеваясь, легла на кровать. Поджав под себя ноги, сжавшись, съжившись, горько заплакала. Ей было страшно, очень страшно и, прежде всего, от того, что где-то, внутри себя, она всегда чувствовала, что все ее счастье ложное, что все как-то не так – шатко, ненадежно, эфемерно, фальшиво... В ней продолжал жить ее Великий Страх. Никуда он не делся, не испарился, не улетучился, он просто затаился, спрятался до поры до времени, чтобы в определенный момент выскочить диким зверем и сожрать ее. Диким зверем... диким волком... из мертвого леса...

Ло решила еще раз проверить Елену. Оказавшись за нужной зеркальной завесой, она внимательно оглядела спальню. Их подопытная самка спала. Прямо в одежде, не разобрав кровати. Правда, как-то тяжело дышала и всхлипывала во сне. Но спала. Это хорошо! Спит и прекрасно! По крайней мере, хоть эта самка ведет себя предсказуемо и нормально, не то что дикая Ритка и плохо приручаемый Олег. Ну что ж, теперь Ло навестит ее рано утром, а позже они с Джастином явятся нормально, «через дверь», чтобы вместе с Еленой ехать в больницу к ее мужу и своему «другу».

30

Богиня уже в который раз пристально «рассматривала» свою пленницу. В ее мире блуждающих отражений, бликов и теней не было места таким, как это существо, но Богиня не «выпила» ее, не убила, напротив, даже делилась с ней «пищей», поддерживая с помощью живительных энергетических потоков жизнь в этой стран-

ной для нее форме. Делилась *иногда*, потому что в основном пленница находилась в состоянии застывшей статуи, куклы. По крайней мере, именно так определил бы ее состояние алант или человек. Когда Богиня «оживляла» ее, то чувствовала, как это существо терзается от голода. Страшного, невыносимого, дикого голода! Она не слышала крика, который извергал открытый, искаженный мукой рот пленницы, но она «слышала» ее мысли и прекрасно понимала ее состояние, потому что чувство голода было понятно Богине.

Аланты проложили Тропы в ее измерении. Они не посягали и не посягают на ее *пишу*, зато *она посягает на них как на пишу*. И на них, и на весь тот мир, в котором эти существа обитают рядом с другими существами, называющими себя людьми.

Благодаря зеркальным «каналам», Богиня имеет постоянный и приличный приток энергии из мира людей и алантов. Приличный, но недостаточный. Если бы она сама могла проникнуть в это столь притягательное для нее измерение! Но, увы... пока невидимую, но прочную границу могут пересекать только ее шоши, которые высасывают энергию из людей и несут свой драгоценный сбор Зеркальной.

Богиня могла втянуть в свой мир человеческое существо, призывавшее ее у зеркала своими заклятиями и в этот момент (неведомо для себя) оказывавшееся в ее власти. Могла и не раз это делала.

Однажды в плод самки человеческого существа она поместила Часть Себя в надежде, что эта Часть постепенно разрастется, окрепнет, вырвется наружу и, поглощая столь желанное измерение, поможет ПРОЛОЖИТЬ ПУТЬ, разрушив невидимый, но прочный барьер между двумя мирами.

Но Ее Часть просто убила человеческое существо и... *погибла сама! Тот мир убил Ее Часть!* Значит, в нем существуют мощные защитные силы, от уничтожающего влияния которых следует надежно защититься! Слабая энергетика и слабые тела людей не годятся для этой цели! Богине нужны аланты – уникальные существа с мощным энергетическим потенциалом. Именно они дадут должную защиту ЕЕ ЧАСТИ! Именно в них ОНА получит возможность окрепнуть, разрастись и, уничтожив ненужную оболочку, вырваться для того, чтобы ПРОЛОЖИТЬ ПУТЬ.

Богиня пристально «рассматривала» пленницу и «размышляла» (естественно, условное определение действий этой сущности!). Сейчас в ее власти два аланта: одно существо здесь, второе, связанное клятвой, также находится в ее власти. В самке, застывшей перед ней, нет плода, но нужен ли он Богине? Она сама даст ей «плод», «поместив» в нее Часть Себя, и отправит ее покорять нужное измерение, прокладывая Тропу. Пленница голодна. Ей потребуется много, очень много пищи! Она будет кормить себя, жадно заполняя свое тело энергией, которую, в свою очередь, будет так же жадно поглощать находящаяся в ней Часть Богини; поглощать и расти, расти, расти...

Если самка аланта не погибнет, как самка человека, то тогда именно она может Зеркальной попасть в другой, столь желанный для нее мир. Если погибнет, Богиня вызовет «связанного клятвой» и, завладев его телом, отправит покорять нужное ей измерение. Да, следует сделать именно так. И не обязательно ждать, когда к ней «в руки» попадет беременная самка аланта. Она сама внедрит в их крепкую оболочку «свой плод». Возможно, внедрит сразу в обоих!

Отказываться от своей цели Зеркальная не собиралась! Она шла на Великую Жертву, рискуя Частью Себя только для того, чтобы попасть в мир, где все заполнено пищей! Она должна попасть в этот мир!

В безудержных поисках энергии Богиня проложила Тропы во многие измерения и многие поглотила, превратив их в безжизненные пустыни, но среди них не было ни одного, сравнимого с этим! Ни одного, в котором было бы столько пищи! Этот мир должен стать миром Богини!

Тана, которую в очередной раз «оживили», с ненавистью смотрела на мертвый мир, заполненный бесконечной вереницей появляющихся и исчезающих отражений. Смотрела на тусклое безликое «нечто» и на «правительницу» этого «нечто» – такую же безликую, нет, точнее многоликую, гадкую, мерзкую. Сгустившись в нечто непонятное и вязкое, она то прилипала к телу Таны, наполняя его непереносимым холодом, болью и страхом, то, клубясь и постоянно видоизменяясь, отплывала в сторону

и замирала, и тогда казалось, что она приготовилась к молниеносному прыжку, чтобы убить свою жертву.

Когда-то Тана сама была способна на такой прыжок – мгновенный, как молния, несущая смерть. Сейчас измученной алантке хотелось только одного: чтобы ненавистная Богиня совершила бы, наконец, свой смертельный «прыжок» и избавила бы ее от невыносимой муки.

31

В час ночи Елена очнулась от своего полуобморочного забытья, в которое впала после страшного разговора с Анфисой, и потом уже до утра не сомкнула глаз. Какие только мысли не лезли в ее голову! Что только не передумала она за долгие и тяжкие ночные часы!

Окончательно измучившись, под утро вновь провалилась в тяжелый, не принесший облегчения сон. Открыв глаза и взглянув на будильник, быстро вскочила, поняв, что опаздывает на работу, и, только набросив халат, вспомнила: ни на какую работу идти ей теперь не надо, поскольку она уволилась, записалась в бездельницы, и у нее полным полно свободного времени. Эти мысли не радовали, тяготя ощущением пустоты и тревоги.

Закружилась голова, и к горлу тут же подкатила противная тошнота. Елена села на кровать и сильно сдавила виски руками. Что делать? Надо что-то немедленно предпринять, иначе от всех своих жутких мыслей и сомнений она просто сойдет с ума. Позвонить Сабине и рассказать ей о своей встрече с ведьмой? Нет... нет, этого делать нельзя. Во-первых, Сабина страшно расстроится и будет во всем винить себя. Во-вторых, как *такое* можно рассказать? Не может она никому и ничего «рассказать»! Она стала попадать в такие ситуации, о которых лучше молчать, если нет желания попасть в разряд неврастеников и психопатов. Она не будет говорить Сабине даже о том, что вчера с жадностью глотала куски сырой печени, испытывая какое-то дикое животное удовольствие. О таком просто стыдно рассказывать.

Что делать? Никогда, никогда даже при самом диком воображении она не придумала бы себе подобной ситуации! Никогда бы сама не поверила в чьи-то подобные рассказы, потому что каждый здравомыслящий человек понимает – *в реальной жизни такого не бывает!* А вот она знает, что *бывает*. В рассказе кому-то подобная исповедь будет звучать как бред умалишенной, а в ее жизни – это реальность, правда! Только кто ей поверит? О таком самой себе вслух рассказать страшно: появляющийся в доме мертвый муж, дикие сны, беседа с ведьмой в пятом поколении и в результате диагноз: она одержима бесом. Про «одержимость» Елена читала и не раз, но всегда относилась к подобной литературе с недоверием. Теперь можно с недоверием относиться к самой себе. А что если она действительно одержима?

Елена глубоко вздохнула и с горечью подумала: в медицинской практике это называется по-другому – шизофрения. Отсюда и мертвый муж, и дикие сны, и жажда глотать скользкие кровавые куски...

Елена застонала, ее передернуло от омерзения, но тут же, представив себе «кровавые куски», которые вчера лежали на ее разделочной доске, она вновь ощутила страстное желание вонзить в них зубы. Это яркое наваждение длилось несколько секунд и закончилось тем, что потрясенная своим уж точно безумным желанием женщина ринулась в туалет, и ее снова «вывернуло» – пеной и желчью.

Приведя себя в порядок, Елена приплелась на кухню и заварила чашечку крепкого кофе «Karte noire». Надо было собраться с мыслями и на что-то решиться. На что? Видимо, прежде всего, последовать довольно ехидному совету Анфисы и решиться на «поход» к гинекологу, в обыкновенную поликлинику, к обыкновенному врачу. Если он скажет, что с ней все в порядке, то тогда к черту, к черту, к черту эту проклятую ведьму! А если *нет*... Елена не знала сейчас, что она будет делать, если вдруг! не дай бог! *нет!* Ей не хотелось даже думать о подобном варианте!

Кофе, который она раньше безумно любила, теперь стоял в горле противным комком. Она хотела есть, но никак не могла сообразить – чего ей хочется? Мысли о яйцах, сыре, колбасе, паштетах вызывали тошноту. Может быть, сделать бутерброд

с икрой? – Елена прислушалась к себе: нет, и на икру не тянет, зато перед глазами навязчиво возникают подтекающие кровью куски сырой печени. Неужели при беременности и такое бывает? Или это только с ней... и это один из признаков ее одерзости?

Так, – Елена произнесла это в голос, обращаясь к самой себе, точнее, приказывая самой себе, – так, сейчас сначала проеду в больницу к Олегу, узнаю, как он себя чувствует, а потом напрямик в свою поликлинику, к обыкновенному врачу. И расскажу ему про куски печени... И потребу, чтобы он... (В спальне из зеркала тихо выскользнула Ло).

Мелодичный звонок прервал тревожные мысли Елены. Телефонная трубка валялась на диване, в гостиной, и она чуть ли ни бегом направилась туда. (Услышав ее быстрые шаги, Ло, собиравшаяся выйти из спальни, отпрянула назад и спряталась за дверь). Елена влетела в гостиную и схватила трубу. Она была уверена, что это звонят из больницы и, еще не убедившись в этом, уже испугалась: вдруг что-то с Олегом? Подключившись, с облегчением вздохнула, услышав голос Сабины:

– Леночка, привет! Я тебя не разбудила?

– Нет, нет, что ты! Я давно уже встала. У меня с утра теперь одна зарядка: из спальни напрямик в туалет.

Сабина тихо засмеялась и произнесла с лаской в голосе, успокаивающе:

– Ну, а ты как хотела? Такой зарядкой многие беременные занимаются и не только по утрам. Никуда от этого не денешься, так что терпи. Через четыре месяца, как малыш шевельнется, так легче будет, а может быть, и совсем тошнота прекратится.

– Ох, еще больше двух месяцев терпеть, пока шевельнется, – с улыбкой произнесла Елена. – Ну, ничего, потерплю.

– Конечно, потерпишь, куда тебе деваться, – засмеялась Сабина, – ты, моя хорошая, главное не нервничай, не переживай.

– Да как тут, Сабин, не нервничать! Я тебе вчера не смогла позвонить... – Елена запнулась и замолчала, вспомнив свое «вчера», свою дикую беседу с ведьмой Анфисой.

– Лена, Лен! Что случилось-то? Что ты молчишь?

– Олег в больнице, – ответила она, сдавленным голосом, с трудом справившись со своим волнением.

– То есть, как это в больнице? – опешила Сабина.

– Вот так. Увезли прямо с работы. Умид увез. Говорят, нервы, ну и сердце бахлаит, правда инфаркта, слава богу, нет. Ну как тут не переживать! Сейчас поеду к нему, узнаю, как он.

– Леночка... – нараспев произнесла Сабина, – ты только не нервничай, все будет хорошо. Это напряженный, ненормальный ритм нашей жизни. Нервы и инфаркты помолодели... к сожалению. Гафура ведь тоже однажды прямо с работы увезли, тоже нервы лечил. Врачи сказали – перегрузка. У Олега, видимо, то же самое, он ведь тоже много работает.

– Да, работает много. Он хотел взять длительный отпуск и уехать вместе со мной в Подмоскowie. Там есть великолепный неврологический санаторий, в березовой роше. При санатории маленькая современная деревня с уютными благоустроенными коттеджами. Можно снять такой коттедж и жить в нем хоть месяц, хоть целый год. Целительный воздух роши и профессиональное лечение – результаты, говорят, потрясающие. Олег сказал, что туда на лечение даже из-за границы ездят. Он уже, кажется, и коттедж заказал и по поводу лечения договорился. Я, честно говоря, ехать не хотела, даже спорила с ним, но теперь, безусловно, поеду. И мне надо нервы подлечить, и Олегу...

– Конечно, Лена, конечно, ты правильно решила, обязательно поезжайте. Ну, ладно, моя хорошая, мне на работу пора. Олегу передавай привет. Сегодня я весь день занята, а завтра вместе с тобой к нему проеду, хорошо? Ну, пока! Вечером позвоню.

– Хорошо, Сабиш, буду ждать.

– Ой, Лен, чуть не забыла: тут мои орлы к тебе в гости собираются, подарок тебе какой-то приготовили, мне не показывают. Что уж они там тебе купили, не знаю,

держат в тайне, только Рустам сообщил мне с важным видом, что они давно у тебя не были и потому решили с Анваром тебя проведать и повеселить. Так что, готовься к веселью.

– Буду очень рада таким гостям! – искренне воскликнула Елена. – Ты же знаешь, как я люблю твоих пацанов! Только скажи Анварчику, чтобы предварительно позвонил мне, хорошо? И сама с ними приезжай, ладно, а то я по тебе уже соскучилась.

– Постараюсь, но если не получится, Анвар с Рустамкой сами до тебя доберутся, большие уже, дорогу знают, тем более тут и ехать-то недалеко и без пересадки, одним транспортом. А позвонить Анвар обязательно позвонит. Ну, ладно пока, я побежала...

– Пока, пока... – сказала Елена в уже «замолчавшую» трубку и подумала: как хорошо и спокойно становится на душе, когда поговоришь с Сабинной. Какой она милый и добрый человек! Один только ее голос успокаивает и согревает сердце. Какое счастье иметь такую подружку!

Елена, действительно, как-то успокоилась и вдруг внутренне уверилась, что все у нее нормально, все хорошо. Олег обязательно поправится, вон и Гафур лежал «с нервами», и ничего, бегает, работает. И у нее тоже все будет хорошо, иначе и быть не может! И вообще, как она могла поверить этой глупой женщине! Вот уж кто чокнутая, так это «вчерашняя» Анфиса! Ну какой нормальный человек столь откровенно называет себя ведьмой? А она еще, дурочка, в дом ее впустила, еще разговоры с ней вела.

К врачу она, конечно, поедет, но не потому, что Анфиса так велела, а потому, что все равно в своей клинике на учет встать надо. Вот и все. И ничего не надо придумывать.

Вдруг снова раздался телефонный звонок. Подключившись, Елена услышала красивый «бархатный» баритон Семена Гургеновича (адвоката Виктора, а теперь – ее адвоката) и живо представила себе седую, зачесанную назад гриву волос, крупный тяжелый нос, небольшие и как бы вечно печальные, карие глаза под густыми кустистыми бровями, прикрытые усами «сочные» губы любящего хорошо покушать человека, небольшую, аккуратно подстриженную бородку, скрывающую подбородок, переходящий в тяжелую короткую шею. Толстенький, коренастенький, всегда безупречно одетый человек, вежливый, спокойный, корректный.

Поздоровавшись, он справился о ее здоровье, и, сказав несколько незначущих, но необходимых для «приличного» разговора фраз, перешел к делу:

– Нам необходимо встретиться, уважаемая Елена Михайловна. Назначьте удобное для вас время, и я подъеду.

– Что-то случилось, Семен Гургенович? – с тревогой спросила Елена, и ее сердце тут же заколотилось где-то в горле. Господи, нервы – никуда! Любая мелочь вызывает тревогу, да и вообще: ожидание неприятностей становится ее обычным состоянием.

– Случилось, Елена Михайловна, случилось, – медленно проговорил Семен Гургенович и даже, как показалось Елене, причмокнул своими «сочными» губами, – но, я думаю, что это «случившееся» вас весьма и весьма обрадует. Мм-да`с... Как вы сами понимаете, разговор не телефонный, поэтому я и решил назначить свидание столь очаровательной даме. Так что соизвольте сказать, когда я буду иметь честь видеть вас?

Их семейный адвокат говорил медленно, с достоинством и выражался иной раз весьма витиевато, по-старинному, так, как, по мнению Елены, выражались в изящном девятнадцатом столетии. Однако дело свое он знал весьма хорошо, специалистом был отменным, и, что еще важнее, со своим особым и тоже как бы старинным понятием о чести. Виктор глубоко уважал этого человека, характеризуя его так: «личность», «последний из могикан».

– Семен Гургенович, давайте встретимся завтра, часов в 11. Вас устроит такое время?

– Вполне, вполне. Ровно в одиннадцать буду у вас. Привет вашему супругу. Покойный Виктор Владимирович любил и ценил своего брата и, практически, не имел от него секретов. Так что можете на нашу беседу пригласить и Олега Владимировича.

– Не смогу сделать этого, он лежит в больнице, – тяжело вздохнула Елена.

– Что случилось?

– Сердце прихватило.

– Надеюсь, не инфаркт?

– Нет, слава богу, нет! Говорят, что просто сильно переутомился, ну и нервы, конечно...

– Нервы – это бич нашего времени! Мм-да`с... Все будет хорошо, не волнуйтесь. Вы перескажите супругу нашу беседу, и, уверен, порадуете его. Ну что ж, передавайте привет Олегу Владимировичу и пожелание скорейшего выздоровления. До встречи, уважаемая Елена Михайловна.

– Спасибо, Семен Гургенович, до завтра!

Услышав в ответ прощальное – «Всего доброго!», – Елена отключила телефон.

Тут она почувствовала, что немедленно хочет съесть яйцо всмятку. Это желание очень обрадовало. Вот и хорошо! Вот что значит положительные эмоции. Сразу стало легче! Сейчас позавтракаю и к Олегу, – подумала она и, с облегчением вздохнув, направилась из гостиной на кухню.

У полуоткрытой двери, ведущей из спальни в гостиную, стояла Ло и слышала весь разговор Елены с Сабиной и с неизвестным, которого называла Семен Гургенович. Ну что ж, все прекрасно! Пусть сейчас едет к Олегу, пусть побеседует с мужем, успокоит его, поддержит. Во второй половине дня Ло с Джастином тоже проведает Олега, а потом навещат Елену. Верные и внимательные друзья. Елена это оценит. Кстати, как хорошо, что Олег заболел, теперь эту самку не надо уговаривать ехать в Подмоскowie, в санаторий. Она и сама теперь туда отправится, без всяких уговоров, потому что переживает за мужа, у которого «нервы». Прекрасно! Все идет по плану. Кстати, завтрашний разговор Елены с этим «неизвестным», назначившим ей свидание, тоже стоит послушать.

Ло, довольнo улыбнувшись, скользнула к зеркалу и исчезла.

Глядя на Олега, Елена немного успокоилась: выглядел он сегодня гораздо лучше, правда, под глазами еще лежали голубоватые тени, но губы уже нельзя было назвать бескровными, да и с лица спала та мертвенная бледность, которая вчера так ее испугала. И аппетит появился – хороший признак. Амфора, оставленная Анфисой, Елене понравилась, и она уговорила мужа надеть цепочку с миниатюрным сосудом, напоминающим по форме пулю, объяснив, что в нем заключены лечебные масла, или смолы, и их испарения очень полезны для здоровья и, прежде всего, для нервов. Олег с неохотой подчинился.

Она сидела на стуле, рядом с кроватью мужа, и вела с ним тихую беседу о том, о сем... Он рассказал, что утром у него уже побывал Умид, и они хорошо поговорили, что его осмотрела заведующая отделением и сказала, что его состояние нормализуется...

Елена внимательно слушала мужа и вдруг, внезапно, поймала себя на том, что с интересом и даже любопытством рассматривает своего молодого супруга, рассматривает так, как будто впервые его видит. Красив... даже будучи бледным, осунувшимся, с кругами под глазами, красив, причем не сладенькой, приторной (такие мужские лица Елена терпеть не могла), а немного резковатой, жесткой, мужественной красотой.

Устав от разговора, Олег прикрыл глаза. Голова его слегка запрокинулась, уткнувшись в подушку, на сильной, гладкой немного смугловатой шее тревожно билась, пульсировала какая-то жилка.

Нет, не жилка, – мысленно поправила себя Елена, – не жилка, а вена, по которой сильным, стремительным потоком течет кровь. И она вдруг четко представила себе эту вену – плотную, гладкую, голубовато-сероватую с тоненькими красными прожилками, этакую эластичную трубу, замкнутую на сердце и заполненную кровью... теплой и сладкой кровью...

Дыхание Елены участилось, в глазах загорелся нехороший огонек и она, облизав губы, наклонилась над Олегом: ужасно захотелось коснуться этой пульсирующей жилки губами и...

Олег открыл глаза, и Елена, отшатнувшись от мужа, тут же пришла в ужас от себя, от своих странных мыслей. Нет, не странных – страшных, ненормальных мыслей! Она ведь только что ярко представила себе, как прокусывает эту гладкую, плотную вену, и ее рот наполняется кровью, а она глотает и глотает ее – жадно и ненасытно.

– Ну, Леночка, не надо так смотреть на меня, – тихо проговорил Олег, положив руку на колено жены и слегка сжав его, – я понимаю, что выгляжу не лучшим образом, но все будет о`кей, вот увидишь. Что за испуг в глазах? Перестань! Мне уже гораздо лучше. Так что не взирай на меня с таким ужасом, хорошо?

– Да... да... хорошо, – проглотив комок в горле, еле выговорила Елена, – я... я к тебе еще вечером приеду. Чего бы тебе хотелось покушать, милый? Ты... ты скажи, я все что ты хочешь достану и...

– «Дайте жареного льда, я его и съем», – усмехнувшись, пробормотал Олег.

– Что? – не поняла Елена, удивленно взглянув на мужа.

– Да так, ничего... ничего, Лен... Это из какого-то забытого детского стишка. Видишь, впадаю в детство, – улыбнулся он, – ничего не надо, Леночка, ни-че-го! Улыбнись и не беспокойся: здесь хорошо кормят, вот только сигареты у меня кончатся. Ты знаешь, где мои сигареты лежат? Привези две пачки, хорошо!

– Нет, не хорошо, – тут же рассердилась Елена, – ты прекрасно знаешь, что врач запретил тебе курить, и я...

– Ле-на! – перебил он ее, – Мне нельзя нервничать! И вообще: резко бросать курить вредно, так что привези сигаретки, ладно? И не нервируй мужа! И не спорь! Курить буду мало, слово даю, я и так не курил почти сутки, но сигареты привези.

– Хорошо, привезу, – обреченным голосом проговорила Елена и, стараясь быть спокойной, поцеловала мужа в лоб, потом в щеку. Поднявшись, направилась к двери. Голос Олега остановил ее.

– Лен, да ты сегодня уже не приезжай, не надо, что по два раза на день ко мне мотаться! Не мучай себя. Дороги скользкие, не рискуй. Мне, действительно, уже гораздо лучше, только слабость немного, завтра встану, а может быть, уже и сегодня. Просто позвони вечером и все. Сотка у меня. Умид привез.

– Ну, а как же ваши сигареты, уважаемый Олег Владимирович? – ехидно поинтересовалась Елена.

– А у меня в пачке еще есть, уважаемая Елена Михайловна, до завтра хватит. Так что, завтра я буду вас ждать с нетерпением!

– Слушаюсь и повинуюсь, – вздохнула Елена. – Ладно, пойду, выздоравливай и слушайся врачей, хорошо? Вечером позвоню, узнаю, как ты здесь.

– Вот это мудрый ответ мудрой жены, – улыбнулся Олег и, кивнув головой, усталю прикрыл глаза. Недолгая беседа с женой утомила его.

Махнув на прощанье рукой, Елена быстро направилась к выходу. Уже выйдя из больницы, вспомнила, что ничего не сказала Олегу про разговор с адвокатом, но возвращаться не стала, не к спеху, потом все расскажет, а сейчас поедет в клинику. Возьмет такси и быстро отправится к врачу. Пусть ее обследуют, посмотрят... И вообще, надо поговорить с врачом – что за странные галлюцинации с кровью, что это за дикие желания – то сырая печень, то... Второе «то» пугало гораздо больше, чем первое. Второе «то» мгновенно оживило спокойный и в то же время напряженный голос Анфисы, убеждающий ее в том, что в ней живет «иная сущность», бес, который может изменить ее, подчинить себе. И если это случится, то возврата нет – конец! Хорошо, если смерть, может быть и хуже. Что «хуже» – Елена уточнять не стала, ей и так в тот вечер было хуже некуда.

Сев в машину, она назвала водителю адрес своей районной поликлиники.

Лежа с закрытыми глазами, Олег не спал. Он думал. С того момента, как окончательно пришел в себя после обморока, он все время думал. По всей видимости, у него действительно какое-то психическое заболевание, потому что он напрочь не помнит некоторых моментов своей жизни, причем, моментов странных, включающих в себя действия и поступки, ему не свойственные, глупые, нелогичные. Умида вдруг ни с того ни с сего огородил тем, что продает фирму! Это же надо до такого

додумать! Нет, сам он своих слов по этому поводу не помнит, но Умид весьма убедительно рассказал о причине их ссоры, и Олег поверил. Просто поверил и все. На месте Умиды он бы и сам за такое морду набил. Что же это такое происходит с его головой?!

Олег тяжело и со стоном вздохнул: анализ собственных действий и поступков, мягко говоря, не радовал. Эти мысли уже терзали его, он уже пытался найти на них ответ в бессонные ночи – не очень-то получилось.

Вся эта странная заварушка началась с момента его ссоры с Риткой, в ясное и теплое осеннее утро, закончившееся ничем не объяснимым диким Риткиным воплем. И страхом! Да... именно так: глаза Ритки были воплощением дикого страха. Она чего-то испугалась... Олег напрягся и вспомнил: Ритка орала, как ненормальная, и показывала пальцем на зеркало. Что ей там примерешилось? Она ведь явно там что-то увидела, но не рассказала ему об этом: то ли побоялась, то ли... Черт его знает, почему не рассказала! А ведь он хотел выяснить все до конца, хотел, но не выяснил: закрутился с другими делами, были другие планы, да и Ритка тогда мешала, и было одно желание – избавиться от нее, вот и все. Вот поэтому и не выяснил, а надо было... Может быть, это нечто, испугавшее ее, потом повлияло на психику самого Олега? Вредные излучения... с помощью зеркала... влияют на психику и рожают галлюцинации? Поэтому Ритка и заорала? – Олег хмыкнул. – Бред какой-то! Мистика и дребедень!

Вздохнув, он перевернулся на правый бок; на левом старался не лежать – начало колоть в сердце. Вздохнув еще раз, открыл, но тут же снова закрыл глаза – так легче думалось – и с раздражением продолжил свой «внутренний монолог»:

Мистика... а то, что с ним потом стало происходить, разве не мистика? Разговор с Катей и Риткиной бабушкой просто ввел в ступор. Что же это он такое сделал, чего напрочь не помнит? Куда делась Ритка? Куда она делась?! Прекрасно зная Риткин характер, он мог голову дать на отсечение, что она просто так не испарилась бы из его жизни, она обязательно бы позвонила, а уж если бы узнала о его свадьбе! Ох-хо! Даже представить себе страшно! По крайней мере, по телефону высказалась бы так, что уши обуглились бы. А может быть, и телефон не стала бы мучить, сама бы заявилась, прямо на свадьбу – и такое могла выкинуть. А она просто испарилась! Или он помог ей «испариться»? Этот вопрос мучил и страшил больше всего.

Воспоминания о Ритке переходили в ностальгию. Это была *его* женщина, во всех отношениях – *его*. С ней было по-настоящему хорошо, с ней было в кайф! Правда, последнее время из-за ее дикой ревности они ругались до хрипоты и шараханья дверью. И, тем не менее, если бы красавицу Елену можно было заменить Риткой, с ее шекспировскими страстями, он бы ни секунды не колебался. Виктор был от своей жены без ума, а он, Олег, – нет. Не та... не тот темперамент. М-да... если бы можно было совершить вот такую чудесную замену: «по шучьему велению, по моему хотению...» – и вместо Елены в постельке Ритка, но... Вот именно – НО! Это поганое «НО» постоянно болтается между тем, что желаешь и тем, что имеешь. В результате, человек вечно мнетя на распутье, как в сказке: направо пойдешь – одно, налево – другое, если прямо, напролом, – точно без башки останешься. Вот так и в его жизни: направо – Елена: богатство, высокий уровень жизни, большие возможности, дальние горизонты; налево – Ритка: работа до седьмого пота, сносная жизнь (от зарплат до зарплат) и... полный багажник романтики, любви, горячих ночек...

Красиво, но... хреново. Красотой и романтикой сыт не будешь, так что все он сделал правильно. Он выбрал Елену, а значит – деньги и достойную жизнь, а горячие ночки еще будут: Ритка не единичный экземпляр (врешь! врешь сам себе!), найдутся и другие, упрямо перебил он свой ехидный и правдивый «внутренний голос», это не проблема. Проблема в другом: что с его памятью и где Ритка? Надо съездить к ней на квартиру! – осенило его. – Да... вот именно, так и надо сделать. У него есть ключ от ее квартиры, он на общей связке, а связка в кармане его куртки. Олег открыл глаза и посмотрел на небольшой, встроенный в стену шкаф. Его вещи в этом шкафу – куртка, брюки, свитер...

Олег потихоньку сел в кровати. Закружилась голова, но через некоторое время стало лучше. Он несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, затем, держась за

спинку стула, встал. Ноги были слабыми, стариковскими. Ничего, это пройдет. Отопавшись от стула, потихоньку дошел до шкафа и открыл его. Все правильно: его вещи здесь. Сунул руку в правый карман куртки – платок, полупустая пачка сигарет, жвачка «Орбит»; переместил руку в левый – ключи. На связке до сих пор болтался и Риткин. Он его почему-то не выбросил. Почему? Подспудно знал, что пригодится?

Олег вернул ключи на место, взял сигарету, доплелся до маленькой туалетной комнаты, примыкающей к палате, и, включив вытяжку, с удовольствием покурил. Вернулся в палату и лег на кровать. Вроде бы чуть-чуть полегчало. И ноги стали крепче держать. Немного погодя надо снова встать и походить – сначала по палате, потом по коридору, надо заставить мышцы работать, чтобы избавиться от слабости. Завтра, максимум послезавтра в «тихий час», когда врачи и медсестры будут заняты своими делами, можно будет потихоньку удрать, поймать машину и съездить на Риткину квартиру. Там должен быть ответ на его вопрос. Квартира покажет – живет в ней хозяйка или нет. А может, и Ритку увидит. Очень бы этого хотелось! Очень бы хотелось избавиться от тяготившей его мысли, что он (не дай бог!) ее убийца.

Олег приподнялся, поправил подушку и принял полусидящее положение. В груди снова шевельнулась «кобра», подняла свою мерзкую голову, раздула капюшон. Убийца... но ведь он и есть убийца. Он убил брата. Воспоминание о содеянном мгновенно, как всегда, вызвало ненависть, раздражение и еще упрямое желание оправдать для самого себя свой поступок. Найти ему четкое и логическое объяснение. Решил и убил – вот и все! Брат всегда стоял на его пути, всегда мешал, всегда получал все самое лучшее, всегда был выше, удачливее, умнее! Этакий любимчик судьбы! В конце концов, у них разные матери, так что он ему брат-то только наполовину. Да и вообще, каждый, как может, борется за место под солнцем! Кто сумел, тот и урвал, кто слаб, тот и проиграл. Вот и все.

Олег скривил губы и, взяв с тумбочки бутылку с минеральной водой, долго и жадно пил прямо из горлышка. К черту, все к черту! Вот только загасить бы в сердце этот мерзкий страх – подспудный, гнетущий, тлеющий, как угли. Залить бы его водичкой, чтобы пошипел и погас. Олег сделал еще несколько больших глотков, как будто действительно что-то старательно в себе «гасил», и вернул бутылку на прежнее место.

Страх... Олег знает, откуда «растут его ноги» этого страха. Это боязнь узнать, что ты двойной убийца, что ты и Ритку тоже... Ради места под солнцем...

Убийцей Ритки быть не хотелось. И уж если до конца быть честным, то и убийцей Виктора тоже (пропади он пропадом!). Если бы можно было открутить время назад, никогда бы на такое не пошел, никогда! Ведь с той минуты никакого покоя и согласия в душе нет, одна злоба и страх, убивающие его. Или нет, все-таки пошел бы, потому что брат мешал... Мешал дорваться до крутых денег...

Черт бы побрал этого брата! Может быть, оттого что траванул его и с головой не того? Может быть, постепенное превращение в шизоида страхолюдный колдун и называл Прекрасной Мамбу? Ну да, такая Прекрасная Мамбу – полная потеря памяти, блаженная улыбка на роже и – все. И ты идиот. И для тебя все в этом мире прекрасно!

Не дай бог! – Олега аж передернуло. – Не дай бог! Лучше смерть, чем такое.

Олег потрогал цепочку с крохотной амфорой, которая источала приятный, нежный аромат. Поначалу он хотел сразу же снять ее, как только Елена уйдет: придумала еще по всяким бабкам ходить и лечить его травами, смолами, маслами! Но сейчас раздумал снимать: запах был не просто приятный, но какой-то... очишающий что ли. Голова заработала четче, как будто пелена тумана стала рассеиваться, освобождая от своей сырой тяжести его усталый и напряженный мозг. Запах помогал думать, анализировать...

Кстати, – Олег зацепился за пришедшую в его голову мысль, – кстати, началось-то все не только с Ритки, но и с его знакомства с Джастином. С чего это они с Еленой так сдружились с ним и его голливудской женошкой? А, ну да... они спасли Анвара, и Елена с Сабиной естественно... – Олег покачал головой, как бы подтверждая свои мысли и свои воспоминания. – И тем не менее, Джастин сразу был ему неприятен. И Умиду, кстати, тоже. Умид и сейчас с трудом переносит вид этого красавца англича-

нина. А что я-то с ним так сдружился? Мне, в общем-то, совершенно не свойственно распахивать душу и заводить друзей направо и налево. Кажется, он меня заманивал выгодным контрактом... да, кажется, был такой разговор... – Олег наморщил лоб, вспоминая обрывки каких-то ускользающих фраз, – разговор был, но все болтовней и кончилось. Этот паршивый Джастин и пальцем не пошевелил, чтобы что-то конкретно сделать. Если бы «пошевелил», то мы однозначно были бы в нем заинтересованы, и Умид вел бы себя с ним по-другому, это естественно, дело есть дело, а здесь, видимо, никакого дела. И опять же вопрос: с чего это я, как утверждает Умид, решил продать фирму? Уж не с подсказки ли этого скользкого красавца? Или просто шулер высокого класса. Вот! – Олег потер лоб и потом «умыл» лицо всей ладонью. – Вот это ближе к правде. Сдался я ловкому мошеннику... Н-да, это похоже на правду... Обаяшка Джастин... весь такой интеллигентный, правильный, привлекательный... Работает напару с девицей, выдавая ее за свою жену. Внешне все о`кей, солидный мэн – иностранец, богач, фирмач, а на самом деле... А на самом деле, скорее всего, никакой он и не англичанин, а свой «брат»-гастролершик, работает то тут, то там, талантливый шулер-гипнотизер: внушил какому-нибудь богатому лоху, типа меня, нужную мыслишку – и лох продал фирму; внушил еще кое-что – и лох перевел деньги на его банковский счет. Своими ручками в чужой карман. Класс! И все чисто, все по закону, не подкопаешься.

– Да... если это так, то тогда можно объяснить мое странное поведение последнее время. Сам-то я ничего не помню, но не доверять Умиду, в данном случае, повода нет. Да и чувствую, нутром чувствую, что он говорит правду. Собственно, тем же нутром последнее время чувствовал и другое: меня явно «водят», как будто в башке кто-то сидит и тобой распоряжается. Противное «раздвоенное» состояние! Омерзительно! По всей видимости, это действительно гипноз! По крайней мере, весьма и весьма похоже... И легче мне стало после того, как я сцепился с Умидом, сцепился в полном смысле слова, аж кольцо с пальца дружок содрал.

При слове «кольцо» Олег почувствовал «внутренний» сигнал тревоги и даже как-то весь подобрался, напрягся.

– Кольцо... «не надевай кольцо!»... Это мне в бредовом сне Виктор сказал, точнее его жуткий призрак. Я тогда подумал... а может быть, неправильно подумал? Может быть, он не обручальное кольцо имел в виду, а именно печатку?

Олег иронически хмыкнул и пожал плечами. Вообще-то он и читал и слышал, что народные умельцы, именующие себя экстрасенсами, колдунами или еще черт знает кем, якобы могут через вещи наводить порчу на человека, но никогда в эту дребедень не верил. Да если даже и так, то кто бы мог навести порчу на его печатку? Она всегда при нем, нигде он ее не оставлял, никому не отдавал. Ерунда, конечно, но... – Олег вспомнил свою беседу с Умидом, после того, как окончательно пришел в себя, вспомнил, что Умид сказал: «Анжелка хлопнулась в обморок, когда попробовала примерить его кольцо». Странно, очень странно... Пожалуй, пока лучше вообще не надевать колец. Никаких! Олег взглянул на обручальное и решил, что завтра отдаст его Елене, пусть оно пока полежит дома.

Кстати, Джастин и Лола, которые последнее время повадились ходить к ним в гости, вполне могли что-нибудь нашептать на его кольца, которые он оставляет, то в гостиной на столе, то на прикроватной тумбочке, то около зеркала. Лола на кухне заговаривает зубы ему и Елене, а в это время Джастин, который якобы вышел в туалет, колдует над колечком. Почему нет? Вполне возможно! Или невозможно, и я уже несу полный бред! Но, так или иначе, а Джастин играет определенную роль в моем странном состоянии. Нутром чую!

От этих мыслей Олегу стало не по себе. Если это действительно так, то это не игрушки! Получается, Джастин – страшная личность. Плохо и то, что он, Олег, подвержен гипнозу (вот уж никогда бы про себя такое не подумал, всегда считал себя сильной, волевой личностью!). Умид – не поддается, а он – пожалуйста! Или, может быть, Умидом не занимались, потому что он этой «сладкой», точнее, «поганой парочке» не столь интересен. Сейчас глава фирмы, по сути дела, Олег, вот

его и крутят. И не Джастин ли довел Уткура до самоубийства? Так сказать, расчистил Олегу дорогу к единоличному владению фирмой. Боров мешал, и его убрали. Причем, сам Олег Джастину об этом и сказал, что, мол, если бы не было Уткура, то...

Вот и разгадка странной смерти любимого друга его братца. Приказал этот хренов гипнотизер, и Уткур себе вены чикнул. М-да... а сейчас сынок Уткура в претензии на вакантное место, по праву наследования, так сказать... Интересно, если Джастину сказать об этом, что он сделает? Сынка тоже уберет? А после того, как Олег продаст фирму и переведет на него деньги, и Олегу тоже что-нибудь внушит, например, с пятого этажа сигануть или вздернуться. Логично. Нет человека, нет проблем.

Черт! – Олег резко сел, свесив ноги с кровати, и у него тут же закружилась голова. Комната покачнулась и поплыла. Застонав, он снова потихоньку лег, положив голову на подушку так осторожно, будто она у него была стеклянная и могла разбиться. Автоматически прижал к носу амфору и стал глубоко вдыхать приятный запах то ли масла, то ли какой-то смолы – не важно. Важно то, что тут же стало легче и... ужасно захотелось спать. Трудные мысли утомили так, как будто Олег проделал тяжелую физическую работу. Глаза слипались, мысли стали путаться...

– Спать... спать... немного посплю... и потом еще раз... и Ритка...

Джастин скользнул в палату и остановился около двери. Олег крепко спал.

– Что он все время спит-то? – недовольно подумал алант. – А в общем-то, хорошо, что спит. Пусть спит. Он нужен в хорошей форме. Крепкий сон обладает великой силой. В жизни алантов он тоже играет весьма весомую роль, только спят они не так часто, как люди. Аланты чувствуют время сна и выбирают для него место. Короткий глубокий трехчасовой сон полностью восстанавливает их силы, продлевая жизненный цикл. Сон – это важно! Так что пусть спит. Его силы еще пригодятся. Позже он проведает его еще раз, вместе с Ло.

Джастин решил подойти поближе к кровати, но вдруг остановился и брезгливо поморщился: что за запах источает тело раба? Или это его поят каким-то отвратительным лекарством? Неприятный, раздражающий, мерзкий запах! Отталкивает, душит! Алант резко развернулся и покинул палату.

32

Сабина добралась домой только к шести часам: три пары подряд на бакалавриате, да еще одна во вторую смену у магистров. Устала жутко! Сейчас ей хотелось только одного: доплестись до своей квартиры, немедленно переодеться и отправиться в ванную, под горячий душ. И потом лечь, и чтоб никто не трогал, не тормозил, не лез ни с какими вопросами. Полчаса полежать с закрытыми глазами (молча!), набраться сил, ну а потом уже можно заняться кухней, ужином и всем остальным прочим.

Открыв дверь своей квартиры, она вошла в прихожую и с облегчением вздохнула: слава богу – дома! Ей навстречу с радостным «приветственным» лаем выскочил Шарло, и Сабина, собиравшаяся снять с ног сапоги, застыла, потеряв дар речи: белоснежный пудель был зеленого цвета! Такой экстравагантный окрас, клочками: где потемнее – насыщенного травяного отлива, где посветлее – с переходом в нежную бирюзу.

Из спальни не торопясь вышел Анвар.

– Ой, мам, хорошо что вы пришли, а то я уже так есть хочу, прямо сил нет!

– Анвар! Это что такое? – обрела Сабина дар речи, – что это еще за народное творчество? – указала она на весело прыгающего вокруг нее пуделя. – Что вы с собакой сделали?

– Ну почему сразу «вы»? – возмутился Анвар. – Я к этому безобразию никакого отношения не имею! Это результат деятельности нашего доморожденного гения. Его работа. Я подобной ерундой не занимаюсь!

– Он что у нас теперь парикмахером решил стать? – осторожно поинтересовалась Сабина, стаскивая с ног сапоги и отбиваясь от развеселившегося Шарло.

– Вполне возможно, – с иронией в голосе произнес Анвар, – в его голове всякое водится, так что скажите спасибо, что он пуделя только покрасил, мог бы еще и наголо обрить.

– Кстати, где он, этот народный умелец?

– К своему другу Ильясу пошел, что-то там по урокам выяснять. Чего-то он там то ли не записал, то ли не понял, не знаю...

В этот момент открылась входная дверь, и в прихожую влетел Рустам.

– Ой, мамочка пришла, – кинулся он к Сабине и, обняв ее, звонко поцеловал в щеку, – хорошо-то как! А то знаешь, как я есть хочу! Ужас прям, как хочу! Прям слона съем! Мам, мы прям шас будем кушать, да?

Сабина поняла, что ее мечта о душе, получасовом отдыхе (молча! с закрытыми глазками!) «прям» на глазах испаряется в воздухе.

– А бабушка где? – тяжело вздохнув, спросила она усталым и раздраженным голосом и, пройдя в гостиную, села на диван – перевести дух. Мальчишки и Шарло последовали за ней, как цыплята за курицей.

– Она к нашей соседке пошла, к Ларисе Марковне, – сообщил Анвар. – Та в очередной раз свой день рождения справляет, снова всех бабушек собрала.

– А... ну хорошо, пусть старушки посидят, пообщаются. Только почему ты так ехидно говоришь об этом, а? Что за тон!

– Так она свой день рождения раза три или четыре за год справляет. Вот приколы, а! У нее этот, как его, склероз, вот она и не помнит ни шиша, потому и справляет через каждые три-четыре месяца. А может, и когда родилась уже не помнит...

– Да почему же ты такой злой, Анвар! – возмутилась Сабина. – Сейчас же перестань ерничать! Никогда – ты слышишь меня! – никогда не смеяся над старостью! Старость это то, чего не миновать никому, и дай бог, чтобы она у тебя была хорошей, светлой, чтобы ты не был одинок, как Лариса Марковна, чтобы был в здравом уме и здоровой памяти. И старушек она, мой дорогой, собирает не оттого, что из ума выжила, а оттого, что ей очень и очень одиноко, понимаешь?

– Да чо сразу злой-то? Чо я такого сказал-то? – вздернул брови Анвар. – Ничо я такого не сказал! Она, вообще, если прикинуть, здравая бабка: я бы, в общем-то, тоже не отказался хотя бы раза два в год свой день рождения справлять, два раза подарочки получал бы. Классно ведь!

– Мам, мам, и я хочу два раза в год день рождения справлять! – звонким голосом закричал Рустам, – я тоже подарки люблю! – он вприпрыжку подбежал к Сабине и плюхнулся рядом с ней на диване. – Мам, а можно так сделать, а, можно? Давайте мой день рождения еще раз справим, ладно? А потом Анваркин! Но сначала – мой, ладно? Я друзей позову: Ильяса, Антошку, Фариду... Мадинку с Танькой тоже позову: они мне в том году классного робота подарили. И тетю Лену обязательно позову, она всегда классные подарки делает! А еще...

– А ну-ка прекратите немедленно этот глупый разговор! – прикрикнула Сабина и, взглянув в сторону младшего сына, строго сказала:

– Ты мне, дорогой мой, зубы не заговаривай, ты скажи, зачем Шарло в зеленый цвет выкрасил? Что за издевательство над собакой! И, кстати, как ты это сделал-то? – протянув руку, Сабина погладила Шарло, вставшего на задние лапки и уткнувшегося мордочкой в ее колени. – Ты видишь, пес мне жалуется, ему плохо!

– Да ничего ему не плохо! не плохо ему! вон он какой весь веселый! у него и уши, и лапы, и хвост – все веселое! Это он радуется так! – голос Рустама звенел от обиды за совершенно необоснованные обвинения в его адрес.

– Зачем ты выкрасил собаку? – строгим голосом повторила Сабина.

– Антошка тоже свою болонку покрасил! – торжественным голосом сообщил Рустам, – и вообще, на шерсти собираются эти... как их... ну, вредные всякие...

– Микробы что ли?

– Да, да... микробы. Нам так в школе сказали, и мы все решили своих кошек и собак это... дизи... дизи...

– Дезинфицировать.

– Да, да... фицировать! – радостно сообщил Рустам. – Я как домой пришел, так сразу стал фицировать. Я, мамочка, в ванную немного теплой воды налил, чтобы

Шарло не замерз, потом туда два флакончика зеленки вылил. Вы ведь зеленкой мне болячки мажете, чтобы фицировать? Правильно? – Сабина, «завороженная» рассказом своего сына, автоматически кивнула головой. – Ну, вот... я, мам, всю зеленку на Шарло потратил! Так здорово было! Мам, вы себе представить не можете! Знаете, какая вода была красивая-прекрасивая! Зеленая-презеленая! Шарло очень понравилась, как я его фицировал, очень-преочень!

– Ну да, конечно! – иронически усмехнулась Сабина, – он тебе лично это сказал – правда? – что ему это очень-преочень понравилось?

– Да, мам, да, я в нем все понимаю, все!

– Молодец! – произнесла Сабина недобрый голосом.

– У вас сейчас вся ванна зеленая, и полотенце, которым он его вытирал, тоже, и все места по дому, где Шарло повалялся после купания тоже... – с напускной грустью поведал Анвар.

– А ты доносила и козмила! – соскочил с дивана Рустам. – Я когда вырасту, сто тысяч шелбанов тебе дам, козмила!

– Шас я тебя за «козлилу» самого с головой в зеленке искупаю! Будешь на Новый год напару со своим Шарло вместо елочки в углу стоять, понял! – угрожающе надвинулся на него Анвар.

– Прекратите сейчас же! – прикрикнула Сабина. – У меня уже голова от вас кругом идет! Итак сегодня на работе устала, а тут еще вы со своей зеленкой! Это же надо было до такого додуматься, а! Захочешь такое придумать – не придумаешь!

– А Ильяс тоже собирается своего кота фицировать! – не сдавался Рустам. – Мам, вы знаете, чо я хочу вам сказать, – перешел он на заговорщицкий тон, – мы с Ильясом решили старые деньги собирать, ну древние такие, старинные... Мам, у нас есть старинные деньги?

– У нас и современных-то нету, – ехидно вставил Анвар.

– Анвар, иди, займись делом и не умничай! – Сабина встала с дивана и направилась в спальню, чтобы переодеться. – И, кстати, где ты-то была, когда этот доморощенный «санитар» собаку «фицировал»?

– Уроки делал! У меня уроков полно, между прочим!

– Вот иди и займись уроками, а то что-то слишком разговорчивым стал последнее время!

– А я не могу заниматься уроками на голодную голову! – сообщил Анвар и, показав Рустаму кулак, двинулся в сторону своей комнаты.

– Да, Анвар, – остановила его Сабина, – слушай, что хочу тебе сказать: вы с Рустамом, прежде чем ехать к тете Лене, обязательно ей позвоните, хорошо? А то ее может не быть дома, или она может быть занята. Одним словом, позвоните, ясно? Если я смогу, проеду вместе с вами, если нет, сами навестите тетю Лену, а то у нее сейчас дядя Олег в больнице лежит, она одна, а у меня столько сейчас работы, что выбраться к ней никак не могу. Кручусь эти дни, как белка в колесе, да еще вы мне здесь со своими фокусами...

Анвар, соглашаясь, кивнул матери головой, а Рустаму еще раз показал кулак.

– Мам, а Анвар меня налупить хочет, – прокричал Рустам, показывая брату в ответ два кулака, отливающих зеленью, – а я кушать хочу! И Шарло тоже!

– Ну, сейчас, Рустам, сейчас, переоденусь и буду всех вас кормить, подождите немного, хорошо! Я ведь не метеор! Дайте дух перевести!

В этот момент хлопнула входная дверь, и Шарло с громким лаем понесся в прихожую.

– Это еще что такое? – раздался удивленный голос Гафура. – Кто это у нас такое с собакой вытворил? Что это она у нас вся зелененькая под цвет травы? В пограничники решили ее определить что ли?

– Да нет, пап, это Рустам свою собаку «фицировал», – с усмешкой объяснил Анвар, особо выделив голосом последнее слово, и исчез в своей комнате.

– Что Рустам с ним сделал? – не понял Гафур.

– Я, пап, это... – начал объяснять Рустам, но вышедшая из спальни Сабина перебила своего младшего сына:

– Иди, займись делом, иди, иди... я сама все расскажу папе про твои подвиги, а заодно приготовлю всем ужин.

Покормив семью и прибрал на кухне, Сабина решила отправиться спать, очень уж устала за день, но Гафур, сидевший около телевизора, убавил звук и окликнул ее:

– Подойди на секундочку, сказать кое-что хочу...

Сабина села рядом с мужем. Он обнял ее за плечи, прижал к себе и ласково поцеловал в щеку.

– Устала?

– Устала. День сегодня трудный был, четыре пары подряд – тяжело, а тут еще Рустам со своими экспериментами!

– Да... с зеленкой у него здорово получилось! – одобрил Гафур. – Смотри, какой красивый у нас пес! Эксклюзивный вариант!

Сабина посмотрела на мужа и покачала головой.

– Если ты меня позвал только для того, чтобы выступить адвокатом Рустама, то я пошла спать. Умираю – спать хочу!

– Да нет, Сабина, не для этого. – Гафур перестал улыбаться, и в его голосе зазвучали тревожные ноты. – Я хочу попросить тебя... ммм... – замялся он...

– Что? Что случилось, Гафур?

– Да нет, ничего не случилось! Просто... просто будь осторожна, хорошо?

– В каком смысле?

– Не знаю. Понимаешь, ничего конкретного я тебе сказать не могу, но на душе у меня, – Гафур снова замялся, – беспокойно, что ли.

Он помолчал, глядя в глаза Сабины, тут же наполнившиеся тревогой и ожиданием, и, взяв ее руки в свои, тихонько сжал их.

– Почему беспокойно-то? Что ты мнешься, Гафур? Прошу тебя, говори все как есть, потому что я...

– Подожди, – перебил ее муж, – послушай меня, и, я думаю, ты сама все поймешь. Он опять помолчал, то ли собираясь с мыслями, то ли прикидывая, что следует говорить жене, а что нет, и затем поведал следующее:

Последнее время в городе происходит что-то странное. Скажу честно, мы сами многого до конца объяснить не можем. Стали бесследно исчезать люди, причем, среди бела дня! Недавно в небольшом ресторанчике (он, кстати, находится недалеко от того района, где живет Елена) исчезли две женщины. Днем! Пришли с коллегами пообедать, пошли в туалет помыть руки, привести себя в порядок и... исчезли, как испарились. Многие видели, как они пошли в сторону туалета, как вошли в него, но как выходили – не видел никто! Понимаешь, никто!

Во время осмотра на полу, в туалете, мы обнаружили сумочку одной из этих женщин и еще какое-то странное вещество... Такое впечатление, как будто что-то – как жидкость какая-то что ли – кипело, кипело и выкипело до мелкопузырчатого осадка зеленовато-сероватого цвета. Его и не заметили сначала – с плитками кафеля сливался. Случайно обратили внимание, когда за сумочкой нагнулись. Взяли соскоб. Сейчас наши в лаборатории колдуют над этой ерундой, но пока безуспешно. Странный состав! Не могут разложить на химические элементы. Такое ощущение, что это высохший плевок гиганта-инопланетянина.

Сабина немного отстранилась и недоверчиво посмотрела на мужа – не разыгрывает ли он ее?

– Не смотри на меня так, сам понимаю, что бредово звучит, но... но подобных случаев уже несколько. Помимо этого стали происходить странные самоубийства. Весьма странные! Об одном таком случае ты, к сожалению, достаточно хорошо знаешь, верно?

Сабина горестно покивала головой, сразу же вспомнив милую, веселую Ксюшу. Ей до сих пор не верилось, что эта юная, полная сил и энергии девушка мертва. И думать, и вспоминать об этом было страшно!

Так вот, Сабина, – продолжал Гафур, – я прошу тебя быть осторожной, потому что в число известных нам жертв не входят ни дети, ни старики. Понимаешь? Все те, кто погиб или исчез – либо молодые люди, вроде твоей студентки Ксюши, либо люди зрелого возраста – от тридцати до пятидесяти, не старше.

– Ну и в чем, по-твоему, должна проявляться моя осторожность, Гафур?

– В том-то все и дело, что не знаю! Не знаю! Это меня больше всего и тревожит. Нам с таким еще никогда не приходилось сталкиваться. Преступления есть, но никаких, абсолютно никаких следов преступника или преступников! А если эти следы и есть, то инопланетянские какие-то, не поддающиеся объяснению. Такое ощущение, что мы ищем злобного и жестокого полтергейста. Идиотизм какой-то, мистика! – Гафур помотал головой. – Ну, ничего... попробуем разобраться. А ты... ты просто будь начеку, хорошо! Я посчитал нужным рассказать тебе об этом. Говорят же: «предупрежден, значит вооружен».

– Да, странно все это, – Сабина пожалала плечами и тоже покачала головой, – странно и тревожно. И вообще, плохо, когда все непонятно...

– Да уж, «плохо» это не то слово... – Гафур на мгновение о чем-то задумался, уставившись взглядом в одну точку, – потом, проведя ладонями по лицу, глубоко вздохнул и закончил:

– В общем, я очень, очень тебя прошу: если куда-то едешь по делам, сообщай мне, ладно? Чтобы я знал, где ты. Мне так будет спокойней.

– Да я вот завтра собиралась вместе с Еленой Олега проведать в больнице, но не знаю, получится у меня или нет – очень много работы. Кстати, надо ей позвонить. Сейчас позвоню, а потом в ванную и баиньки, – Сабина сдержала зевоту и, как маленькая, потерла кулачками глаза.

– Ну, что ж, моя труженица, иди баиньки, – ласково сказал Гафур и снова чмокнул жену в щеку. – Да, кстати, я звонил сегодня Олегу, забыл тебе об этом сказать, он сейчас в норме. Перегрузка, нервы... этого добра у нас у всех хватает. Но с ним уже все в порядке, главное – инфаркта нет. Я постараюсь завтра к нему заскочить, хотя с моей работой трудно что-то планировать заранее. Но если ты сама поедешь, то предупреди меня, хорошо?

– Хорошо. Я сделаю так, как ты просишь.

– Ну, вот и умница! Беги в ванную, а я немного посмотрю телевизор: мне далеко не каждый вечер выпадает такое удовольствие.

Гафур удобно улегся на диване и, прибавив звук, уставился на экран, а Сабина, взяв телефонную трубку, ушла в спальню и, прикрыв за собой дверь, набрала номер Елены. Шел вызов, но никто не брал трубку. Она решила перезвонить подруге на сотку, но, взглянув на часы, передумала. Время вроде бы и не позднее, без пяти десять, но у беременных женщин свое расписание, – подумала Сабина. – Вдруг она уже уснула, а тут я со своими звонками. Ладно, завтра позвоню, а сейчас – ванная и спать.

Елена тупо смотрела на мелодично звучащую телефонную трубку, определила по высветившемуся номеру, что звонит подруга, но даже не пошевелилась. Она не могла сейчас ни с кем разговаривать. Ни с кем! Даже с Сабинкой! С колоссальным трудом перенесла она сегодня присутствие Джастина и Лолы, которые заехали часа в четыре проведать ее. Правда, они были очень внимательны и ласковы, даже, кажется, обнимали и целовали ее, чего никогда не делали раньше, да еще и напоили ее чем-то очень-очень вкусным. Каким-то чудесным соком, утолившим ее голод. Елена не поняла, чем, потому что была в каком-то заторможенном состоянии. Эта «заторможенность» проявилась в ней после посещения «обыкновенного» врача в «обыкновенной» клинике. Она даже не помнит, как и когда проводила своих гостей. Очнулась в спальне уже одна. Вышла, проверила двери – все на запоре, как и положено. Значит, сама их провожала и сама все закрывала, но ничего не помнит. Ничего!

– Ужас! – подумала Елена. – Уже в маразматичку превращаюсь!

Она снова (и уже в который раз!) мысленно вернулась к своему разговору с врачом.

Врач, женщина лет тридцати пяти, равнодушная, холодно-отстраненная, делала свою работу так, как будто она ей до смерти надоела, и разговаривала так, что пациент чувствовал себя назойливой мухой, которую того и гляди прихлопнут, чтобы отвязалась и не жужжала над ухом. Осмотрев Елену, она тусклым голосом сказала: все в порядке, беременность протекает нормально, но следует чаще приходить на осмотр, хотя бы раз в две недели.

Эта фраза, точнее, ключевые слова этой фразы – «все в порядке», «беременность протекает нормально» – тут же успокоили Елену. Но не успела она с облегчением вздохнуть, как услышала другую фразу, и волна страха и ужаса снова накрыла ее с головой.

– Вам надо было пораньше к нам прийти, пораньше встать на учет. У вас уж ребенок скоро шевелиться начнет, а вы только сейчас соизволили о враче подумать. Нормальные мамочки приходят сразу, как только фиксируют задержку месячных.

– Но... у меня тоже еще небольшой срок, – прошептала Елена непослушными губами, чувствуя, что сейчас услышит что-то тревожное.

– Да нет, «небольшим» его назвать уже нельзя – 12 – 13 недель.

– Но этого не может быть! – невольно воскликнула Елена. – Я только полтора месяца как замужем! Ну, чуть больше...

Докторица спустила очки на кончик носа и исподлобья неприветливо и даже, как показалось Елене, брезгливо посмотрела на нее.

– Вы что же считаете, что беременеют только в брачную ночь что ли? Вроде бы взрослая женщина, а прямо малолетнюю девицу из себя строите. Или вы сомневаетесь в моей профпригодности? Если сомневаетесь, найдите другого врача, но уверяю вас, он вам определит тот же срок, что и я.

Елена промолчала, ошеломленная и хамоватостью врача и сроком своей беременности. Она-то точно знала, в каких числах могла забеременеть, и этот отсчет был совершенно несовместим со сроком в 12 – 13 недель.

Получив направления на сдачу всевозможных анализов, Елена торопливо покинула неприветливый кабинет. Больше она сюда ни за что не придет. Ни за что! Противная, гадкая врачиха... еще и хамка... таких вообще из клиники гнать надо... такие, как она, здорового человека больным сделают.

Мысли Елены были злыми, раздраженными: «...сомневаетесь в моей профпригодности», – вспомнила она агрессивно-ехидный голос медички, и тут же с гневом «ответила» ей: «Да, да, сомневаюсь! Сомневаюсь! Еще как сомневаюсь!».

Внутри молодой женщины что-то мелко и противно дрожало. Наплывали и давили слова ведьмы Анфисы: «А ты, не говоря никому, сходи в обыкновенную клинику, к обыкновенному врачу... Завтра же сходи! Хорошо? И посмотрим, что тебе этот врач скажет, как он тебя удивит...».

Да, уж удивил так удивил. Такого срока не может быть! Просто быть не может!!! Тогда как это объяснить? Неужели в ней действительно «сидит» какое-то инородное существо, бес, как определила ведьма. Но ведь это бред! Бред! Какой-то тупой и дешевый мистический сериал! Так в реальной жизни не бывает! Всему должно быть объяснение. Может быть, у нее просто крупный ребенок? И эта противная врачиха ошиблась?

Остановив машину, Елена попросила отвезти ее в диагностический центр. Она решила сделать УЗИ и проконсультироваться еще с одним врачом. Но и УЗИ и консультация подтвердили срок «противной врачихи». Более того, специалист по УЗИ не только сам с повышенным интересом рассматривал ее крохотного малыша, но еще и пригласил коллегу, вызволив его по сотке, и они уже вместе рассматривали ее плод, тихо переговариваясь и пересыпая свою речь совершенно непонятными медицинскими терминами.

– У меня что-то не в порядке? – прерывающимся от страха и тревоги голосом спросила Елена.

– Нет, нет, – чуть ли не хором ответили оба врача, – не беспокойтесь, все хорошо. Нормальный плод, 13 недель. Было бы очень хорошо, если бы через месяц-полтора вы снова к нам заехали.

– Зачем? – тревога Елены нарастала, сердце переместилось в горло и трепыхалось там, посылая горячую волну в мозг, закладывая уши «ватой».

– Да не волнуйтесь вы так! Ну что вы, какая нервная мамочка! Все у вас хорошо! Мы всем беременным женщинам так говорим, всем советуем посетить нас еще раз. В следующий раз мы вам скажем, кто у вас родиться – мальчик или девочка. Сегодня это... ммм... не удалось определить. Не надо так нервничать! Это и для вашего малыша нехорошо. Держите себя в руках.

Домой Елена добиралась как «в тумане». Перед глазами все время стояла одна и та же сцена: два врача внимательно (слишком внимательно!) смотрят на экран и быстро переговариваются. Шепотом. До Елены долетают только отдельные и непонятные ей фразы. Они явно что-то рассматривали, явно что-то такое, что их то ли удивило, то ли насторожило, именно поэтому они и пригласили ее на повторное УЗИ, именно поэтому, а не для того, чтобы определить – девочка у нее или мальчик. Уж так заинтересованно рассматривали! Значит и с ее плодом что-то не так. Значит, у нее теперь только одна дорога – к Анфисе, потому что то существо, которое она носит в себе, не может быть ЕЕ РЕБЕНКОМ. И сегодня ОБЫКНОВЕННЫЕ ВРАЧИ ей это доказали. Тогда что же это за элитная клиника такая, в которую ее возил Олег? Что же это за клиника, ласковые и добрые врачи которой поставили ей «правильный» срок и бодрыми голосами уверяли в том, что у нее все прекрасно?

Елена открыла двери дома, прошла в спальню, разделась и, накинув только халат, направилась в ванную. Постояла под душем... Вода всегда помогала ей снять стресс, лишнее напряжение, помогала «прийти в себя», взбодриться, но сегодня этого не произошло – слишком тяжелы и безрадостны были ее думы. В голове мутилось и от водоворота мрачных мыслей, и от голода.

Торопясь и от этого плохо прожевывая, «набросала» в желудок всякого разного, – что нашлось в холодильнике и что «высмотрели глазки», – но не прошло и десяти минут, как вся эта еда оказалась в унитазе. Голод вернулся, а с ним вместе и мерзкое видение кровавых кусков печени, лежащих на разделочной доске, и огромное желание вонзить в эти куски свои зубы...

– Мне хочется сырого мяса, с кровью... Боже мой! Какой-то ужас! – обреченно анализировала свое желание Елена. – Раньше меня мутило от одного вида крови, а сейчас... а сейчас я бы...

Перед мысленным взором женщины возник бокал, наполненный... кровью, как вином, и она, припав губами к его краям, жадно и долго пьет, ошущая непередаваемое наслаждение...

Елена тряхнула головой, с силой сдвинула виски руками и в отчаянии застонала. – Ужас! Это все ненормально! Желать такое – просто патология! Ужас! Ужас! По всей видимости, жажду крови навязывает ей то существо, которое каким-то образом оказалось внутри нее. Но как оно в ней оказалось? Каким образом? Когда? Зачем? Кто сотворил с ней такое?

Так, надо успокоиться и постараться логически все осмыслить. Может быть, «на ней» тайно поставили какой-то жуткий эксперимент? Сейчас ведь некоторые врачи занимаются подлыми делами. Врачи-преступники. Иногда их обнаруживают и судят, и тогда по телевизору показывают страшные передачи о том, как негодяи в белых халатах воруют людей и даже маленьких детей для пересадки органов (от омерзения Елена передернула плечами), проводят незаконные эксперименты с клонированием...

Клонирование! Это слово обожгло и вызвало целую цепочку лихорадочных мыслей. Вот именно, клонирование... В тайной лаборатории вывели некое существо и имплантировали его... в нее! Боже мой! Усыпили и ввели в ее плоть клетку какого-то монстра? То-то врачи на УЗИ так внимательно рассматривали ее плод!

Елена заметалась по комнатам, не зная, куда деться от своих ненормально-жутких мыслей, и, войдя в спальню, рухнула на кровать. Из глаз по щекам тихо катились горячие, обжигающие кожу слезы.

Как же она попала в руки таких врачей? Элитная клиника? А Олег им помог? Но ее там не усыпляли, и вообще ничего «такого» с ней там не делали. Просто осмотрели и все. И были очень внимательны и вежливы, не то что эта вяленая вобла из районной поликлиники.

Елена встала и снова пошла на кухню: очень хотелось есть.

– Буду принимать пищу маленькими порциями, с интервалом, может быть, тогда она задержится в желудке.

Отрезав кусочек вареной курицы, долго жевала его, не чувствуя никакого вкуса. Проглотила. Прислушалась к себе: вроде бы ничего, желудок принял, не бунтует... Можно проглотить еще кусочек... Господи, какое мерзкое состояние! И все ради чего?

Неужели все-таки врачи этой клиники с ней что-то сотворили? – вернулась Елена к своим тяжким мыслям. – Видимо, так. Ведь они ей солгали! Бодро и весело солгали, окружив ее заботой и вниманием. Зачем? А затем, что у них есть определенная цель, – ответила она самой себе, и отрезав еще один маленький кусочек куриного мяса, стала старательно его прожевывать.

Но Олег! Олег-то здесь каким боком? Или они ему за это пообещали огромные деньги? К деньгам муж неравнодушен, это Елена заметила, но не акцентировала на этом внимание: у каждого человека свои недостатки, идеальных людей не бывает. Но чтобы Олег позволил провести дикий опыт на собственной жене! Верить в подобное не хотелось! Это же мерзость, преступление!

Елена с трудом проглотила безвкусную массу, и тут же почувствовала тяжесть в желудке. Так, пока достаточно, дай бог, чтобы эти три кусочка не оказались в унитазе. Сев ровно, она стала глубоко дышать, чтобы осадить зарождающуюся волну тошноты. Вроде бы помогло. А мысли продолжали свой лихорадочный бег:

– Неужели Олег их помощник? Не случайно Анфиса убеждала ее никому не верить, никому! даже мужу! Что она там сказала об Олеге? – Елена напряглась, вспоминая свой разговор с ведьмой. – Она сказала... она сказала, всовывая ей в руки крохотную амфору с удивительно приятным запахом, «надень это на шею своего мужа... это не спасет его, но хоть в какой-то степени защитит от черных сил, которые и в нем, и вокруг него...». О Викторе она бы такого не сказала никогда! Никогда!

Тоска по первому мужу тут же сдавила сердце, на глаза навернулись слезы:

– Виктор, милый, если бы ты был жив! Если бы ты был рядом со мной, разве бы я сейчас маялась от таких жутких мыслей! Почему все это должно было случиться именно со мной? Почему все так странно перевернулось в моей жизни? Почему? Не жизнь, а какой-то дикий фантастический бред!

И все-таки, что-то во всей этой истории не так, – вытирая ладонями слезы, подумала Елена, – что-то не стыкуется. Разве можно провести столь сложную операцию так, чтобы она, как пациент, ничего бы не почувствовала, не запомнила? Быть такого не может! Ерунда какая-то! И Олега, наверное, зря к этой истории примазала. Он то хотел, как лучше: выбрал элитную клинику для элитной публики... Все правильно, все закономерно: он преуспевающий бизнесмен, не бедный человек и вполне может позволить себе оплатить услуги дорогих специалистов. Вот он и повез жену к лучшим медикам.

М-да... к лучшим медикам, которые почему-то так отвратительно солгали. Значит, у них была на то весомая причина. Ну и что получается? А получается как в той поговорке: «Лыко-мочало начинай сначала». Так и она – просто тонет в своих сумбурных мыслях, крутит их по замкнутому кругу, жует, как корова жвачку, и не может прийти ни к какому четкому, логическому выводу. Ясно только одно: плод, который находится в ней, – не ее ребенок. Как подобное произошло, она объяснить не может. И точно знает она тоже только одно: срок ее беременности может насчитывать максимум семь недель, точнее, шесть недель и четыре дня, но никак не двенадцать-тринадцать. Этого просто не может быть! И что же тогда получается? А получается то, что ведьма Анфиса права: она, Елена, одержима бесом. Дико такое произнести вслух! Какая-то средневековая жуть!

Тут Елена вспомнила, что в каких-то старых журналах читала об одержимых, об изгнании бесов. Кажется, в журналах «Знание» и, кажется, какие-то из них она даже сохранила и спрятала, поскольку там были интересные научные статьи об астрологии, о двойниках, о зомби...

В эту минуту раздался звонок, и Елена, утонувшая в своих горьких мыслях, вздрогнула от неожиданности. Накинув старый полушубок, пошла к воротам и, открыв дверь, увидела огромную красивую машину Джастина и самого Джастина вместе с улыбающейся Лолой. Самой Елене не хотелось ни улыбаться, ни принимать гостей, но закрыть перед их носом дверь, сославшись на плохое самочувствие, она не смогла и, пересиливая себя, пригласила их в дом. Джастин попросил разрешения загнать дорогую машину во двор, и Елена, поняв его опасения, естественно, разрешила, что он тут же и сделал.

Сидели в гостиной. Лолочка что-то мило щебетала, заглядывая Елене в глаза, а Джастин даже нежно обнял ее, как брат сестру, и ласково поцеловал в лоб. Глаза Елены невольно наполнились слезами, ей вдруг стало легко и хорошо рядом с этими приветливыми и добрыми людьми. Прекрасно, что у нее есть такие друзья! Голова немного кружилась, мысли путались. Она старалась поддержать разговор, но позже, проснувшись в своей постели, не могла ни слова вспомнить из их беседы. В памяти осталось только приятное воспоминание о вкусном соке, которым ее угостил Джастин, и о том, что терзающий ее голод и мерзкая тошнота тут же прошли, а она почувствовала удивительное облегчение и огромное желание закрыть глаза и спать, спать, спать. Дальше ничего не помнит. Наверное, Лола и Джастин заметив ее сонное состояние, попросились и ушли, а она, закрыв за ними дверь, свалилась в постель и тут же уснула. Наверное, так. А как иначе?

Елена даже представить себе не могла, *«как было иначе»!*

Ло и Джастин, оберегая подопытную самку и понимая причину ее нервного состояния, решили перевести ее на «правильное» питание. Клэр не было с ними уже третий день, поэтому, проанализировав ситуацию, они приняли решение самостоятельно. Для этой цели в багажнике их машины лежала молодая девушка, находящаяся в состоянии полной прострации. Пока Лола «обрабатывала» Елену, Джастин, вскрыв вену жертвенного животного, наполнил бокал теплой, свежей, молодой кровью. Этим «вкусным соком» он и напоил Елену, порадовавшись тому, с какой жадностью она осушила бокал. Избавившись от трупа с помощью чудодейственной жидкости из заветной амфоры, Джастин уехал, а Лола, закрыв за ним ворота, немного посидела рядом со спящей Еленой. Убедившись в том, что кровь оказала на самку благотворное влияние, она искренне порадовалась этому и... исчезла в зеркале.

Очнувшись после крепкого сна, Елена несколько минут соображала: что сейчас – вечер или раннее утро. Соориентировавшись, встала и, почувствовав во рту какой-то отвратительный привкус, умылась прохладной водой и хорошо вычистила зубы. Поразмыслив о Джастине и Лоле и о своей странной маразматической памяти, вспомнила, что хотела отыскать старые журналы с определенными статьями. Минут двадцать Елена искала эти журналы и, наконец, нашла их в кладовой, в пластиковой папке, лежащей поверх бумажной кипы, приготовленной для сдачи в макулатуру.

Устроившись в гостиной, на диване, она стала внимательно проглядывать их, отыскивая нужный ей материал. И нашла! Верхняя корка у этого журнала отсутствовала, поэтому не представлялось возможным определить – за какой он год? По всей видимости, или за 1990 или 1991, потому что остальные журналы «Знание», хранящиеся в ее папке, были изданы в это время. Статья называлась «Экзорсисты». Внизу, в сносках, было дано объяснение: «Экзорсист – человек, обладающий способностью изгонять сущность, живущую в другом человеке».

Елена буквально впилась глазами в строчки текста, которые рассказывали читателю об одержимых.

«Очевидно, почти во всех языках есть слова «одержимый» или «бесноватый». Они несут тайный ужас перед неведомой силой, вселившейся в человека и подчинившей его».

Елена почувствовала, как ее лоб и плечи покрылись холодной испариной. Приложив ладонь ко лбу и несколько раз глубоко вздохнув, чтобы хоть как-то успокоить сердцебиение, она вернулась к тексту:

«Чтобы пояснить, что имеется в виду и как это может выглядеть со стороны, приведу рассказ, описывающий случай одержимости».

И далее автор статьи, Станислав Зигуненко, описывал случай, который произошел в его семье:

«В селе Новосильевске Бердянского уезда жила Екатерина Лаврентьевна Мазаева – моя бабушка. Мне очень часто случалось бывать у ней, а иногда гостить по неделе и долее. Бабушка держала служанку Дуню. Эта Дуня была одержима злым духом. Я называю его злым духом, как все очевидцы называли кого-то постороннего, пребывающего в Дуне, так как голос был слышен помимо ее воли; она не открывала рта, не заметно было ни движения лица, ни гортани, голос выходил как бы из внутренних частей ее организма, и выговор был мордовский, между тем как Дуня го-

ворила чисто русским языком. Злой дух именовал себя «Свирид Степаныч» и любил разговаривать со всеми...

Я сам спрашивал его: «Кто ты такой, Свирид Степаныч?» Он отвечал: «Я из мордвин, шел в Киев молиться и поссорился с моим товарищем по путешествию. При этом, не имея воды для питья, я рассердился на свою жизнь и покончил с собою – повесился на сосне. После смерти мне много лет пришлось скитаться, меня ни в какое общество «духов» не приняли, и вот один благодетель посадил меня в Дуню, а она меня обижает, не дает мне того, что мне нравится; ей бабушка не запрещает кормить меня тем, что мне нравится, а она стыдится брать. Так вот я ей задам!» (передано, как говорил). Затем у Дуни начинались корчи, крик и стоны».

– Господи, ужас-то какой, – прошептала Елена, а глаза скользили дальше по строкам текста, в котором говорилось, что сущность, вселяющаяся в человека, может вести себя по-разному, и «в большинстве случаев ни сам человек, ни его близкие даже не догадываются о таком симбиозе». (Это про меня, – обреченно подумала Елена). «Вторую сущность, живущую в человеке, может выявить либо сильный и опытный врач-гипнотизер, либо она сама неожиданно «проявляет» себя – часто агрессивно и злобно».

И я... я тоже стала меняться, – «откликнулась» Елена на эти строки, – мне хочется крови... а в палате, у Олега... какие мысли были в моей голове! Ужас!

«Приведу в этой связи случай, – продолжал автор статьи, – свидетельницей которого была сестра Е.П.Блаватской В.П.Желиховская. События, о которых рассказывает она, происходили в селе Войковица, под Гатчиной, в имении ее родственника Николая Федоровича Кандалицева. «Семья его, – повествует Желиховская, – состояла из троих детей: сына Николая шестнадцати лет, дочери Анны четырнадцати лет и Лидии – хорошенькой десятилетней девочки. Николая мы видели редко. Это был очень бледный, слабый, вечно больной мальчик, безуспешно прошедший через руки чуть ли ни всех столичных докторов.

Однажды Никулушка, так звали его в семье, не вышел к обеду. Он заболел сильнее... Я не расспрашивала о роде его болезни, но знала, что она какая-то странная, нервная, не поддающаяся никакому анализу, что именно и сбивало с толку медиков.

Пытаясь чем-то помочь больному, отец несколько раз приглашал к нему магнетизера, как говорили тогда, князя Долгорукого.

К вечеру Коле стало хуже. Телеграмму послали и распорядились, чтобы к утреннему поезду была выслана коляска за князем.

Признаюсь, я с нетерпением и большим любопытством стала ожидать приезда известного магнетизера. Я много слышала о нем, но никак не надеялась увидеть его самого, а тем более видеть его магнетические сеансы.

Утром доложили о приезде князя Долгорукого, и он сам вошел к нам на балкон. Наружность его поразила меня. Он был небольшого роста, очень смуглый и некрасивый, с огромными черными глазами навыкате. Во взгляде его было что-то необъяснимое: он и притягивал к себе и пугал. Мало кто мог переносить его взгляд.

Князь, расспросив подробно о состоянии Никулушки, выразил желание, чтобы все было устроено для него так, как он всегда того требовал, и через полчаса направился вместе с отцом и теткой в комнату больного.

Коля дурно провел ночь и был очень слаб... Долгорукий, остановившись на половине первой комнаты, начал издали свои магнетические пассы. Посмотрев внимательно в лицо Николая, я убедилась, что им овладел необыкновенный сон. На исхудавшем бледном лице было напряженное выражение, далеко не похожее на спокойную дремоту; брови его были слегка сдвинуты, уголки рта дрожали, из-под ресниц проступали слезы, и сам он вздрагивал каждый раз, как Долгорукий отряхивал свои руки после пасса. Князь все придвигался... Еще минута – и князь, не сводя с него глаз, склонившись над ним, спросил мерным голосом.

– Ты спишь?

– Спит!

Все мы вздрогнули от хриплого ПОСТОРОННЕГО шепота, которым было произнесено это слово.

Долгорукий спросил уже громче, увереннее:

– Если ОН спит, не скажешь ли Ты, чем он болен?

Ответ тоже послышался громче, грубым мужским голосом:

– Не скажу! Зачем?.. Пропишу рецепт... После. Теперь уйди! Через час.

И больной, только что не имевший ни сил, ни голоса, сильным движением повернулся к стене и чуть ли не захрапел.

– Теперь пойдемте, пусть отдохнет, СКОЛЬКО ВЕЛЕНУ, а через час вернемся, – обратился к нам князь.

Когда ровно через час Долгорукий подошел к спавшему и, ни слова не говоря, уставил на него свой глубокий взгляд, он вдруг, как-то разом, будто машина, приподнялся и сел.

– Пора? – вопросительно произнес князь.

– Пора. Он отдохнул, – отвечал тот же грубый чужой голос.

И вдруг больной открыл веки и обвел всех мутными, холодными глазами...

Что это был за страшный, неприятный взгляд! Я отвернулась, чуть не с ужасом, встретившись с ним глазами.

– Можешь продиктовать, чем надо лечить Кандалинцева? – спросил князь.

– Пиши! – было резким ответом.

Магнетизер вынул записную книжку и карандаш. Пациент сам себе продиктовал лечение – диету и лекарство. Последнее он диктовал ПО-ЛАТЫНИ: по-латыни же, скороговоркой определил, какого рода расстройство в его организме.

Когда Долгорукий и отец подробно расспросили голос, говоря о Николае в третьем лице, князь прибавил:

– Хочешь встать? Нужен ЕМУ моцион?..

– Сегодня – нет. Следующий раз. Теперь дайте ему есть.

И ему принесли есть. Принесли шей. Принесли бифштекс с огурцами. Принесли еще чего-то... И полные тарелки всего этого Николенка, этот болезненный мальчик, ничего почти не евший, кроме бульону и слабого чая, на наших глазах не ел, а просто пожирал, с какою-то зверской жадностью. И в то же время исподлобья обводя всех злым, затуманенным взглядом, то и дело вскрикивая как-то дико или усмехаясь про себя. Он унимался только по взгляду и слову магнетизера.

Мне было ужасно тяжело. Я раскаивалась, что пришла смотреть на это зрелище...».

Елена перевела дух и вздохнула так тяжело и с таким надрывом, как будто это она была Желиховской и лично наблюдала всю эту тягостную сцену.

Значит, вселение в человека каких-то мерзких и загадочных сущностей не пустая болтовня, не сказки. Этому есть очевидцы и не один человек. Ужас! Господи, какой ужас! Неужели и она каким-то образом попала в число одержимых! И с ней могут произойти такие же жуткие изменения, как с бедным Николушкой. Да... и Анфиса, Анфиса тоже говорила ей об этом! Говорила, что надо скорее принять меры, иначе будет поздно... произойдут изменения и будет поздно...

Мамочка, мамочка моя родненькая, да за что же мне такое наказание?! – из глаз Елены снова потекли слезы отчаяния и бессилия. – Что делать? Что мне делать? Неужели придется идти к ведьме?! Нет, это уму непостижимо! Двадцать первый век, а она, взрослая женщина, кандидат наук, пойдет к ведьме изгонять из себя беса!

В этот момент зазвонил телефон, и Елена, взглянув на высветившийся номер, поняла, что к ней пробивается Сабина. Милая, добрая, любимая Сабина, не подруга, а сестренка. По духу сестренка! Но Елена не могла сейчас обшаться даже с ней! Как она будет разговаривать, что скажет? Скорее всего, просто разревется в трубку и ничего не сможет толком объяснить. Как такое объяснишь? А Сабина тут же занервничает, разволнуется. Зачем? У нее и так эти дни на работе напряженка, да плюс семья, да больная старенькая свекровь... Забот хватает, зачем лишнее человеку на шею вешать? Не надо тревожить подругу, тем более что в данной ситуации Елене не поможет никто. Никто, кроме ведьмы Анфисы, и та гарантии на хороший исход не дает. Сказала только, что приложит все силы, попробует... Значит, может кончиться все плохо... И что тогда?

Елена сидела, бездумно уставившись в какую-то точку в пространстве. Ее мозг

отказывался понимать и анализировать создавшуюся ситуацию.

А Николушку, Николушку-то магнетизер вылечил или нет? – вспомнила она про статью и снова уткнулась носом в текст.

«– Николушка! – со страхом промолвил отец.

– Оставьте, – шепнул ему, обернувшись, Долгорукий.

– Много ОН вас услышит! – буркнул в ответ Николушка.

Я посмотрела на него. Разве это был он, Николай Кандалинцев, этот грубый, сильный парень, с налившимися на лбу жилами, со стиснутыми зубами. Он, показалось мне, даже вырос и погрубел как-то.

– Ну, пойдем теперь гулять, – согласился князь. И они вышли.

Они более двух часов ходили по саду, по дворам, лазили в овраг, взбирались на вышку. Мы сидели на балконе, издали следя за ними. БОЛЬНОЙ ходил как здоровенный мужик, то и дело с легкостью кошки влезал на деревья, сваливал самых сильных лакеев и кучеров. Я, наконец, ушла в дом. Мне сделалось невыносимо смотреть на это: страшно и больно за него.

Воображаю, что должен был пережить за эти минуты отец!

В продолжение нашего пребывания в Войсковицах Долгорукий приезжал несколько раз. Я не берусь описать все чудеса, проделанные им над своим субъектом.

В итоге всех усилий князю Долгорукому так и не удалось ничем помочь своему пациенту. Он только выявил ту чужеродную сущность, которая обитала в теле больного. Главная же задача – освобождение человека от таких сущностей, изгнание их, – оказалась не по силам Долгорукому».

– Не помог, – прошептала Елена, чувствуя, как жуткий страх вонзил свои острые когти в ее сердце и заледенил его. – Не помог! Неужели и я обречена? Господи, неужели весь этот жуткий бред имеет отношение ко мне? Но как иначе объяснить все то, что со мной происходит? Ничего не понимаю... – шелестела она пересохшими губами, – ничего... наверняка знаю только одно – я в беде, я в странной, нелепой и жуткой беде. Я это чувствую, по себе самой чувствую, точнее, в себе самой. Какой жуткий оскал судьбы! Так безумно мечтать о ребенке, так обрадоваться своей долгожданной беременности, и такое получить!

Елена прислушалась к себе: НЕТ связи между ней и тем существом, которое в ней. НЕТ! Ничего она к нему не чувствует! Если бы это был ее ребенок – все было бы иначе! ВСЕ БЫЛО БЫ ИНАЧЕ! А сейчас – пустота и тупик. И выход из этого тупика только один – ведьма Анфиса. По крайней мере, попытка выхода...

Елена встала, решив отправиться спать (если только подобное возможно!), но вдруг подумала:

– Интернет... что она копается в этих старых журналах, когда информацию о вселяющихся в человека бесах можно найти в Интернете, узнать мнения об этом разных специалистов и, что самое главное, на научном уровне.

Метнувшись в свой кабинет, она включила компьютер и уже через несколько минут скачивала нужный ей материал, знакомство с которым не принесло никакого облегчения.

«Последние 80 лет, – говорилось в одной статье, – описано более 150 случаев раздвоения личности, и всякий раз по этому поводу возникали споры между психологами и психиатрами с одной стороны и так называемыми спиритуалистами – с другой.

Спиритуалисты разного рода в таких случаях склонны говорить о вселении в тело чужой души (или душ) или, ещё, об «одержимости», притом в разные эпохи и у разных народов существовали самые разные методики и ритуалы для «изгнания бесов», «избавления от одержимости» и т.п., – порой довольно суровые и даже жестокие. Если «бес», или «дьявол», или «нечистый дух» уходит не желал, – человека могли и убить.

Медики считают, что раздвоение личности – это психическое заболевание, при котором под влиянием эмоционального шока или иных причин гармоничная целостность человеческого «я» разбивается, подобно кристаллической структуре, на отдельные фрагменты, притом линия разлома проходит по самым уязви-

мым «участкам» психики. Таким уязвимым «участком» могут стать, например, нереализованные амбиции, долго подавляемые желания, страстные мечты и т.п.

«Одержимость бесом, или дьяволом, или нечистым духом, который не желает уходить», – выделила для себя Елена, – «нереализованные желания, страстные мечты»... Ее страстная мечта о беременности помогла вселиться в нее бесу? Так что ли?

Елена вышла из сети и отключила компьютер.

Значит, разговор об одержимости ведется уже веками, не прекращаясь и по сей день. Значит, все это не сказки, этим серьезно занимаются и психиатры, и спиритуалисты. И она, Елена, может стать для них отличным экземпляром подопытного кролика. Ну что ж, вот завтра она таким «кроликом» и станет... для Анфисы... деваться ей некуда... и будь что будет... сил нет...

Раздевшись, Елена легла в постель. Надо как-то пережить эту ночь. Завтра она поговорит с Семеном Гургуновичем, раз назначила ему встречу, проведает мужа и постарается ничем не выдать своего мерзкого состояния, а потом, оставив дома записку для мужа и для Сабины (на всякий случай), поедет к Анфисе. И будь что будет. Если все завершится удачно, скажет, что просто потеряла ребенка, что случился выкидыш, а если нет... а если нет, то и объяснить ничего не придется. Вот и все.

А Анфисе... Анфисе она позвонит утром, предупредит, что приедет. Сейчас разговаривать с ней нет никаких сил... просто нет сил...

– Анфиса... слышишь меня, Анфиса? Я приду... завтра приду... – шептала Елена, горестно и тяжело всхлипывая и не вытирая мокрые от слез щеки...

Вдруг по комнате пробежал легкий ветерок – и Елена замерла, насторожилась. Он колыхнул шторы на окне, провальсировал по комнате, дохнул ей в лицо терпким и приятным запахом мяты, осушая слезы. Легкий ветерок принес легкий ласковый шепот... прямо в ухо...

– Я жду тебя, моя девочка... жду тебя... все будет хорошо... спи... спи... спи...

Елена почувствовала, как отпускают ее боль и страх, и как она медленно погружается в сладкий и такой желанный омут сна.

– СПИ... СПИ... СПИ...

33

Анфиса внимательно смотрела на воду, налитую в широкую и глубокую хрустальную чашу. Свет девяти свечей, горящих на столе, отражался в ее расширенных застывших темных зрачках. В зеркальной глади воды она четко видела Елену, тревожную, заплаканную, сидящую на диване и лихорадочно листающую какие-то журналы.

– Не помог... не помог! Неужели я обречена?.. – «читала» она по шевелящимся губам молодой женщины. – Я в беде... жуткой беде...

Видела, как с трудом поднявшись с дивана, Елена шатающейся походкой перешла из гостиной в спальню, скинула халат и легла в постель, до подбородка укрывшись одеялом.

– Анфиса... слышишь меня, Анфиса? Я приду... завтра приду... – «читала» ведьма слова, прерываемые сдавленными рыданиями.

– Я жду тебя, моя девочка, – ласково «ответила» ведьма. – Жду тебя... все будет хорошо... спи... спи... спи...

Анфиса провела рукой над чашей – СПИ... СПИ... СПИ... – летели слова-заклятия. Всмотрелась: молодая женщина расслабилась, откинула с груди одеяло, как будто оно давило ее, мешало свободно и вольно дышать. Черты ее лица разгладились, бледные щеки слегка порозовели, и только около губ затаилась маленькая морщинка страдания. Елена спала.

Анфиса дунула на водную поверхность и стерла изображение. Закрыв глаза, она долго и неподвижно сидела за своим столом, накрытым тяжелой темно-бордовой бархатной скатертью, с девятью горящими свечами, с широкой и глубокой хрустальной чашей, наполненной прозрачной, как слеза, водой. Сейчас она казалась застывшим изваянием, талантливо выполненной восковой фигурой.

Зашуршали большие старинные напольные часы, стрелки, вздрогнув, соединились и застыли на цифре 12, маятник качнулся и раздался приглушенный, бархатный бой – бомм... бомм... бомм...

При последнем, двенадцатом ударе, Анфиса открыла глаза. Пора. Она попробует сделать «это». Ее учили «этому» бабушка и мать, хотя сами ни разу не применяли данное заклятие «в жизни». Им не привелось, а вот ей... ей придется воспользоваться им, иначе она не сможет помочь Елене.

В ее руках вдруг оказался небольшой бордовый, в тон скатерти, бархатный квадратный сундучок с золотой вышивкой на крышке, выполненной с большим мастерством. На вышивке был изображен филин с распростертыми крыльями и когтями, готовыми к нападению на дичь лапами. Под лапами филина извивалась лента, со странной, непонятной надписью – древнее ритуальное заклятие. Торжественно, четко и мерно выговаривая слова, Анфиса произнесла страшное заклятие вслух и, нажав потайную кнопку, открыла бархатный ларчик, в глубине которого переливался разноцветными искрами мелкий, как сахарная пудра, порошок. Казалось, что это либо измельченные в пыль алмазы, либо сверкающий на солнце снег. Так казалось, но ни к алмазам, ни тем паче к снегу переливающаяся «пыль» не имела ни малейшего отношения. Ее состав был известен только одному роду колдунов на земле, передающему секрет изготовления от деда к отцу, от отца к сыну. Род этот был очень древний и очень странный. Он не имел имени, точнее, имел, но тайное, которое знали только члены этого рода и больше никто. Колдуна Без Имени можно было встретить живущим то в пещере мрачных гор Тибета, то в маленькой избушке, затаившейся в глухой сибирской тайге, то в легкой хижине в африканских джунглях, то на берегу прекрасной и коварной Амазонки...

Свой таинственный, обладающий уникальной силой порошок представители «тайного рода» давали только тем ведунам, которых выбирали сами. Таких на земле было немного. Когда-то прабабка Анфисы получила бархатный сундучок с горсткой «особого зелья» из рук Колдуна Без Имени. По какой причине был сделан ей столь щедрый дар, не знали ни бабушка, ни мать, да и не пытались узнать: в колдовской практике есть вещи, которые навсегда остаются тайной.

Взяв несколько крупинок драгоценного порошка, Анфиса высыпала их на крышку таинственного сундучка и легонько растерла сверкающую «пыль» по золотой вышивке с изображением филина, попутно торжественно и четко произнося слова древнего заклятия. Отставив сундучок в сторону, замерла, пристально и напряженно глядя на изображение птицы.

Таяли секунды, ничего не менялось, и Анфиса с ужасом подумала о том, что неверно произнесла заклятие. Нарушения в данном колдовском ритуале заканчивались только одним – смертью колдующего. Память мгновенно «воскресила» сухой и суровый голос бабушки: «Порошок не может быть использован теми, кто *не знает тайных слов* и того, *как надо произносить эти слова*. Древнее заклятие дарится вместе с порошком. Без него он – смерть. Неверно произнесенное заклятие тоже смерть. Помни это!».

Она запомнила, потому и смотрела сейчас с ужасом на неподвижное золотое изображение филина – символа мудрости, силы и вечной тайны.

Исчезающие секунды, превращались в отчаяние... Глубокий трудный вдох... На лбу бисер пота... Застывший напряженный взгляд, не отрывающийся от сундучка...

Вдруг вышитая золотом птица ожила, встряхнулась, расправив перья, и сразу же стала объемной, выпуклой. Встряхнулась еще раз и, оттолкнувшись когтистыми лапами от бархатной крышки, закружилась по комнате, все увеличиваясь и увеличиваясь в размере, превращаясь в огромного крючконосового филина.

Анфиса перевела дух.

Совершенно бесшумно покружившись по комнате, птица села на спинку стула, стоящего у стола, напротив Анфисы. Глаза филина были закрыты. Можно было продолжать ритуал дальше.

Снова откинулась крышка сундучка, и крохотная шепотка порошка была брошена Анфисой в хрустальную чашу с водой. Снова в комнате зазвучали странные слова, которые имели особую силу, особую власть – возвращать на землю душу

умершего человека. Слова накладывались на слова, сплетаясь в замысловатый узор мощного заклęcia, и это заклęcie таинственными переплетающимися иероглифами светилось ярко-синим пламенем на поверхности воды, налитой в хрустальную чашу.

Если бы Елена могла сейчас заглянуть в эту чашу и рассмотреть светящиеся «иероглифы», то она без труда узнала бы в них тревожащие и странные «рисунки» со стен таинственного замка из своего жуткого и мучительного сна, замка, в котором она, задыхаясь и умирая, бродила в поисках выхода по бесконечным полутемным залам и коридорам.

Голос Анфисы упал до шепота и казался зловещим, как шипение змеи. Светящиеся синие «иероглифы» быстро закружились по поверхности воды, образуя воронку. Не отрывая глаз от голубоватого свечения чаши, Анфиса четко, громко и повелительно произнесла:

– Вызываю дух Виктора. Приди – путь открыт! Приди и вселись в птицу, имя которой... – и тут Анфиса произнесла «тайное слово», обозначив им сидящего на спинке стула огромного Филина.

Из центра светящейся голубоватой воронки потянулась дымка. Клубясь и становясь все более плотной, она постепенно приобрела форму серебристой капли; затем, расширившись и удлинившись, поднялась над чашей, мерцающая и дрожа, и, устремившись в сторону птицы, медленно втянулась в ее раскрытый хищный клюв.

Филин открыл глаза и уставился на Анфису внимательным, выжидающим и, безусловно, «человеческим взглядом». Анфиса молчала. Первым должен был заговорить дух. Если он не желал делать этого, то просто покидал птицу и возвращался в воронку, ставшую, благодаря заклęciaм, переходом из одного мира в другой.

– Кто ты? – спросил голос, донесшийся из клюва грозной птицы.

– Я Белая Ведьма Анфиса. Прошу тебя помочь мне в добром деле. Без твоей помощи мне с этим делом не справиться.

– Какое дело?

– Надо изгнать из тела женщины сильную и страшную сущность, представляющую собой угрозу не только для нее, но и для всего человечества. Поэтому я осмелилась, нарушив Космический Закон, не просто вызвать, но активизировать тебя. Я плачу за этот вызов сроком своей жизни, потому что совершаю большой грех.

– Почему именно меня?

– В таком деле может помочь только «родственный дух» или дух, сильно любивший оставленного им в этом измерении человека, с которым случилась беда.

– С кем беда?

– С Еленой. Она была в этом измерении твоей женой.

В немигающем, холодном, пристально смотрящем в глаза Анфисы взгляде Филина что-то дрогнуло. Казалось, внутри его желтовато-темного круглого зрачка вспыхнули и заплясали маленькие костры.

– Что ты хочешь? – даже в ровных, звучащих как бы на одной ноте словах, вылетавших из загнутого хищного клюва птицы, Анфисе почудилось волнение. Или только почудилось?

– Узнай, что это за сущность? Я только чувствую ее огромную злую силу, но не могу понять – что это такое?

– Хорошо. Жди.

Филин взмахнул крыльями, бесшумно облетел комнату и исчез. Анфиса откинулась на спинку стула и, прикрыв глаза, стала ждать. От огромного нервного напряжения тело сотрясала мелкая и противная дрожь, которую она никак не могла унять. В комнате было тихо, только приглушенно и мерно тикали часы, отсчитывая жизнь. Оплывали, догорая, свечи. В хрустальной чаше крутился и крутился мерцающий голубыми искрами водоворот.

– Это аланты, – раздался ровный безликий голос. – Анфиса вздрогнула и открыла глаза: филин вновь сидел на спинке стула, как будто бы никуда и не исчезал.

– Аланты? – с изумлением повторила она за ним. – Кто это?

– Древние и очень сильные существа, пришедшие в это измерение из другого, неназываемого ими, и оставшиеся здесь. Этот мир для них – источник питания. Пи-

шей является кровь людей. Некогда они правили Атлантидой, которую и назвали в честь себя.

– Вампиры, мормо! – с волнением воскликнула Анфиса. – Немертвые!

– Да. Они считают себя богами, а людей – жертвенными животными.

– Зачем эти страшные сущности проникли в Елену?

– Размножение. Они погибают, рожая.

– Ах, вот оно что! Использовать тело женщины как... – Анфиса с ужасом покачала головой. – Если у них это получится, человечество будет обречено.

– Да. Их сила велика.

– Скажи мне, можно избавить Елену от этого существа, не причинив ей вреда, оставив ей жизнь?

Филин молчал. Анфиса с замиранием сердца ждала ответа. Если он скажет «нет», Елену придется умертвить, чтобы прервать страшный эксперимент пришельцев, грозящий опасностью всему человечеству. Убить алантов, охраняющих Елену, поможет Филин. Этому древнему существу с вселяющейся в него душой умершего человека дана невероятно огромная сила. И хорошо, если владеющий тайным заклятием ведун использует ее на доброе дело. Став Местью и Злом в руках Черного Колдуна, Филин и сам может пролить много крови и забрать много жертв. Однажды такое случилось! Именно поэтому заветный порошок с заветными словами передавался Колдунами Без Имени только в руки Белых Магов (и только после особой проверки!) и убивал при малейшем неправильном обращении с ним.

– Ты молчишь? – со страхом спросила Анфиса. – Неужели нельзя спасти Елену?

– Попытаюсь, – прозвучал ответ Филина.

– Тогда прошу тебя, не исчезай, помоги мне очистить женщину, которую в этом измерении ты согрел Любовью.

– Позовешь тайным словом, и я явлюсь.

Взмах огромных мягких крыльев, и Филин исчез. В хрустальной чаше, крутилась вода. Зашипели и погасли свечи. Гулко прозвучал бой часов – бомм... бомм... Два часа ночи. С трудом встав со стула, совершенно опустошенная, с дрожащими руками и трясущейся головой, действительно похожая сейчас на страшную ведьму из старой сказки, Анфиса добрела до кровати и рухнула на нее. Надо немедленно уснуть и набраться сил. Завтра предстоит трудный, очень трудный день.

(Продолжение следует)

ТЕКСТОЛОГИЯ СМЫСЛА

Саид ХАЛИЛ

Изречения

Самаркандский автор Саид Халил вглядывается в мир человека, в его взаимоотношения с другими людьми. Свои размышления он отражает в форме афоризмов и остроумных фраз.

Если пришла удача – это надо четко осознавать, иначе она уйдет к более сознательным членам общества.

Если бы вы каждый раз, вместо того чтобы сплетничать о чужих достижениях, положили хотя бы один кирпич в «здание» собственного успеха, то давно был бы построен огромный город – город вашего успеха.

К собственной судьбе надо относиться ответственно – она, как и дети – твоя.

Разорвав нить дружбы, люди пытаются вновь завязать ее. Плохо даже не то, что узел останется – лишь бы держался. Хуже то, что длины нитей может не хватить на завязку узла.

Как ни странно, нам нужны только те, кому мы нужны.
Есть, конечно, исключения, но таких надо исключить.

Молчание – знак категорического, но безнадежного несогласия.

Много великих дел происходит благодаря человеческому терпению. Большинство подлых поступков тоже происходит из-за того, что человек терпит.

Всю жизнь боялся, как бы чего не случилось, а теперь боюсь, что уже ничего не случится в моей жизни.

Какое же это удовольствие, если постоянно в чем-то нуждаешься? С другой стороны, от чего получать удовольствие, если у тебя все есть? Создав достаток, мы уничтожаем источник радостей – желания!

Если во всем виноват кто-то другой, то, возможно, этот другой все и создал, а вы ни при чем...

Неискренность – как голый король. Все видят, что он голый, только с королем ничего не могут поделать.

Неискренность – всегда нескромна, потому что думает, что ее не видно. Если бы ее не было видно, она называлось бы искренностью.

Подхалим, как старое кресло: немного скрипит, но обволакивает хорошо.

Да не переживай ты из-за случившегося: твой позор и твои успехи нужны тебе и волнуют только тебя. У других есть свои успехи и свой позор, которые их волнуют, и которые ты не замечаешь.

Женщины, как воздушный шар – устремлена вверх, а мужчина, как якорь – вниз. Они действуют в противоположных направлениях. Не потому ли врозь женщина становится легкой весной, а мужчина часто опускается.

Судя по тому, как ты остро среагировал на мою неудачу, я понял, что ты получил огромное удовольствие.

Мой ребенок... Посчитайте, сколько времени он проводит с вами, а сколько – с другими, и вы поймете, кто властвует над его думами. Даже цветок в горшке общается с вами, когда вы его поливаете. В остальное время его внимание занято солнечными лучами.

Если он на тебя обиделся, значит, он обиделся не на твое оскорбительное отношение к нему, а из-за того, что ты не тот человек, который может себе позволить это.

Когда кто-то меня учит жить, он просто высказывает вслух свое видение идеальной жизни. Чтобы меня учить жить, надо быть мной, а это невозможно.

Ты можешь послушаться советов мудрых, а можешь поступить по-своему, испытав все на себе.

Ты можешь послушаться меня и полететь в Ташкент самолетом или наоборот, можешь направиться туда же пешком, с обратной стороны, или обходными путями через горы. Но это в том случае, если ты Марко Поло, а не менеджер фирмы по поставке компьютеров.

Надо ли ослеплять своими успехами, или достаточно создавать видимость?

Если мужчину подвели его друзья, значит, они его подвели к успеху с помощью его собственных сил...

Если твой друг оказался врагом, это твоя ошибка, а не его. Он-то не видел в тебе друга.

ПОЭЗИЯ

Абдулла Ахмад МУХАММАД АЛИ*Наши мир непостижим*

Рубаи

Абдулла Ахмад Мухаммад Али работает преподавателем в Ташкентском автодорожном институте.

Его произведения отличаются широким жанровым разнообразием. Среди них есть и стихи, и басни, и сказки.

* * *

О мире ты не плачь – он плакать сам заставит,
И в мире не грехи – и так грехом он залит.
Источник доброго и злого этот мир,
Но он всего бессмертного фундамент.

* * *

Я жизнь, как в долг, от Бога получил,
И суетной душе я век свой посвятил.
Приходит время отдавать, что занял,
Но жалко: я ведь этим займом жил.

* * *

В пути земном есть беды и мученья,
И жгушие огни, и недругов гоненья.
Лишь воля твердая, пусть в малом существе,
Поводьев не ослабит натяженья.

* * *

Приход наш в мир был тайной и судьбой,
Но дан тебе как дар рассудок твой.
Мы ищем благ земных в пространствах мира,
А истину обходим стороной.

* * *

Судьба дана тебе в миру поводырем,
Опорой доброю она быть может в нем.
Но может и прижать к земле пятою,
И злобной быть и немощной притом.

* * *

У каждого в душе весна царит порой,
Когда цветут цветы, исполняясь красотой.
Иша весну, я сделался скитальцем,
И поросла она колючкою простой.

* * *

Кто сделал зло кому – тот зла жди от небес,
А претерпевшим зло, с небес награда есть.
Там суд и безошибочен и точен:
Что совершил – того и жди с небес.

* * *

От обольщений я устал и покаяний:
К раскаянью ведет обилие желаний.
Страшась раскаянья, бежал я от мечты,
Отринуты мечты предчувствием страданий.

* * *

В себе ищите самого себя,
И жизнь раскроет подлинное «я».
Но если же в других себя ты ищешь,
То жизнь пройдет, не разглядев тебя.

* * *

В пути земном не обойти камней,
А птице волен путь, и нет преграды ей.
Но на земле споткнешься – нос расквасишь,
А птицу на прицел берут скорей.

* * *

Лишь скорбью и бедой могу я похвалиться,
С отравой вино мне жизнь налить стремится.
Подчас душа скорбит, подчас болеет,
Лишь бесконечное раскаянье все длится.

* * *

Костер с цветущим садом несравним –
Любая плоть испепелиться им.
Но сделался огонь прохладным садом,
Когда в нем оказался Иброхим.

* * *

Любовью человек был отличен от зверя,
С любовью душу я свою и сердце сверю.
Чтоб место для любви найти в душе,
Необходимо обрести ей веру.

* * *

Желал ли кто-то сам прийти на этот свет?
И был ли так влюблен в наш мир он или нет?
И стало ль целью уходить из мира,
Безумно возлюбив уже тот свет?

* * *

Не радуйся, что в мире сем живем,
И не рыдай, что мы не вечны в нем.
Хоть слезы лей, хоть воздыхай без счету –
Мы в мир пришли и из него уйдем.

* * *

Нам всем пришлось увидеть этот свет
Пройти путем страданий, зол и бед.
И мы мучений встретили немало,
А что б еще явил нам этот свет?

* * *

Пришлось тебе увидеть этот свет,
Придет черед и тот увидеть свет.
Тебя волнует: лучше тот иль этот?
Сравнишь – тогда и выяснишь ответ.

* * *

Наш мир непостижим. Лишь стоит приглядеться –
Кружится голова: куда от тайн нам деться?
Коснись любой – и обожжет огнем,
Как будто неразумного младенца.

* * *

Я прожил жизнь, воюя сам с собой,
И сам я поражен такой судьбой:
Кому пенять? – я сам во всем виновен.
Простит ли мне Аллах мой путь земной?

* * *

Весь мир потоп когда-то затопил.
Как жизнь спасти? – один вопрос лишь был.
Ной спас в ковчеге жизнь ...
Где ж место, чтобы
Ковчег с усопшим на руках не плыл?

* * *

Чтоб камень следом в гроб твой не летел,
Ты тоже им не цель, беги от злобных дел.
Лишь сделайся прибежищем благого –
И станет благом смертный твой предел.

* * *

В чем тайна появления на свет?
И для чего уйдем на склоне лет?
Бурлит казан, не раскрывая тайны,
А что под крышкой – объясненья нет.

Перевод с узбекского Николая Ильина

литературная критика

Файзулла МУМИНОВ,
доктор филологических наук,
профессор

Файзулла Абдуллаевич Муминов родился в 1950 году в г. Бухаре. В 1976 году закончил факультет журналистики Ташкентского государственного университета (ныне – НУУз). В 1983 и 1992 годах защитил кандидатскую и докторскую диссертации в МГУ имени М.В. Ломоносова. В журналах Узбекистана, Казахстана и России напечатано более 60 его научных статей. Автор восьми книг по проблемам теории и истории журналистики, в том числе «Социология ва журналист фаолияти» (1994), «Метод журналистики и методы деятельности журналистов» (1998), «Журналистика ижтимоий институт сифатида» (1998), «Журналистское расследование» (2002), «Паблик рилейшнз: история и теория» (2004), «Жахон журналистикаси тарихи» (руководитель авторского коллектива, 2006, 2008) и др. В настоящее время профессор факультета международной журналистики Узбекского государственного университета мировых языков.

НОВАЯ ШКОЛА ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

Беседы за «круглым столом» в высших учебных заведениях Узбекистана между наставниками, молодыми учеными и общественностью часто вызывают к спору, полемике. Во время пребывания в Каракалпакском Государственном университете имени Бердаха нам довелось принять участие в обсуждении темы «Проблемы современной литературной критики». Проректор университета, доктор филологических наук, профессор Куанышбай Оразимбетов следующим образом оценил способности в области художественно-публицистической критики известного литературоведа, профессора Абдугафура Расулова:

– Книга устоа «Танқид, талқин, баҳолаш» («Критика, интерпретация, оценка»), вышедшая в издательстве «Фан» в 2006 году, стала знаменательным событием не только в узбекской, но и, вместе с тем, в каракалпакской литературе. Не зря автор считает, что анализ и интерпретация протекают одновременно и как внутренний, и как внешний процесс. Автор литературного произведения и есть его подлинный толкователь. Если создатель текста обладает необходимым талантом, его отношение к себе бывает серьезным и беспощадным.

В книге с научно-популярных позиций освещены принципы интерпретации художественной литературы: от чтения, понимания и ощущения до онтологических критериев, социального, эстетического и стиливого анализа. В результате публикация заметно обогатила мир литературной критики, послужила обогащению духовного мира творческих работников и их поклонников.

Статьи автора посвящены, в основном, литературе XX века. Хорошо известно, какие трудные процессы пережило в это время узбекское литературоведение. Было немало критиков, которые восхваляли «произведения», созданные «по велению времени». Однако Абдугафур Расулов не пошел по этому пути. Он по-своему понимал задачу литературного критика, заключающуюся в беспристрастной оценке художественного произведения, последовательно продолжил лучшие традиции узбекского литературоведения. Критик доказал, что он не ограничился лишь критикой, интерпретацией или оценкой художественного произведения. Так, во введении к книге «Танкид, талкин, бахолош» он пишет: «Источником литературной критики, в частности, принципов интерпретации, является познавающая и воспринимающая эстетика. Пока есть человек культуры, будет и уважение ценностей, изучение, освоение. В литературе, как и в жизни, происходит сложный процесс духовного формирования личности. Считаю, что познание и освоение ценностей – предмет рецептивной эстетики».

Книга помогает читателю выработать подлинно эстетическое отношение к литературному произведению, а уровень его восприятия им зависит от того, с каким вкусом и чувством изящного, с каким интеллектуальным уровнем оно рассматривается читателем.

Центральной мыслью первой главы «Ўзлаштириш эстетикаси ва талкин тадрижи» («Осваивающая эстетика и эволюция интерпретации»), является идея о том, что художественный текст включает в себя коммуникацию двух сторон – создателя и получателя, первый как бы показывает дорогу второму. Во второй главе «Талқиний ёндошувлар ёхуд мақсадли таҳлил» («Интерпретационные позиции или целевой анализ») вперед выдвигается идея о том, что «литературная интерпретация – это восприятие и понимание текста как живого организма».

В третьей главе «Интерпретационный процесс: цели и задачи, пути анализа» проблема анализа всесторонне рассмотрена и аргументирована при помощи конкретных примеров. Ученый пишет, что «литературный текст – это волшебство, облаченное в знаки и намеки. Секреты подобного волшебства обычно и раскрывает критик».

Заведующий кафедрой каракалпакской литературы, доктор филологических наук, профессор Курбанбай Жарымбетов дал свою оценку другой книге ученого: «Мы с большим интересом прочитали книгу Абдугафура Расулова «Бетакрор ўзлик» («Неповторимое своеобразие»), состоящую из литературно-критических статей и вышедшую в издательстве «Мумтоз сўз» в 2009 году. В статье «Ценность дара» автор приводит следующие проникновенные слова Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова из его произведения «Внимание к литературе – это внимание к духовности, к будущему»: «Найти обладателей настоящими талантами, воспитать их, достойно оценить их труд является одной из основных наших задач».

Рассмотрению таких талантов и посвящена вторая книга А. Расулова. Вместе с тем критик пытается выяснить, почему, при том, что множество произведений наших поэтов и писателей переведено на иностранные языки, тем не менее, узбекская литература еще не занимает подходящего ей места на международной арене. «Дело в том, – говорит автор, – что в них на низком уровне находятся интерпретация, мастерство анализа, агитационно-пропагандистский запал».

Выдвигая свои наблюдения о месте и роли узбекской литературы, А. Расулов обращает внимание на необходимость широкой пропаганды нашей национальной литературы путем формирования интернетовского сегмента на узбекском языке, в том числе путем формирования и развития веб-сайтов поэтов, писателей и литературных критиков. У народа, имеющего великое прошлое, будущее должно быть таким же значимым, считает ученый. В книге «Бетакрор ўзлик» анализируются и интерпретируются труды национальных поэтов, писателей и критиков, характеризующие величественное своеобразие нашей Родины.

В статьях «Хотима-хотира асар» («Произведение-память»), «Абдулла Қаҳҳор университети», «Ҳамид Олимжон шеърларида диёр мадҳи» («Гимн Родине в стихах Хамида Алимжана»), «Интеллектуал сиймо» («Интеллектуальный образ»), «Ҳазрати

инсон ёди» («Память его Величества человека»), «Ёзувчи тақдири – адабий авлод тарихи» («Судьба писателя – история литературного поколения»), «Асарлари яшайптики...» («Живут произведения...») глубоко проанализированы образы таких писателей, как Садриддин Айни, Абдулла Каххар, Хамид Алимжан, Аскад Мухтар, Рахмат Файзи, Рамз Бабаджан, Улмас Умарбеков и другие.

В частности, в статьях под названиями «Танқид майдонида туриш машаққати» («Трудность пребывания в поле критики»), «Озод Шарафиддиновни англаш», («Познание Озода Шарафиддинова»), «Мунаввар сиймо» («Светлый образ»), «Олимнинг ойдин йўли» («Светлый путь писателя»), «Адабий танқид – гўзаллик кашшофи» («Литературная критика – первопроходец прекрасного») объективно исследуется творчество таких известных литературных критиков, как Хомил Якубов, Озод Шарафиддинов, Иброхим Гафуров, Бахтиер Назаров, Санжар Содик.

Можно отметить, что книга «Бетакрор ўзлик» стала уникальной по своему содержанию и значению. Напечатанные в ней литературно-критические статьи имеют ясную цель, прекрасный язык, богаты фактами. Причем факты не просто перечислены, они изучены и научно проанализированы. Таким образом можно считать, что заслуженный деятель науки Республики Узбекистан, профессор Абдугафур Расулов создал свою школу литературной критики.

литературная критика

Ольга ХЕГАЙ,
кандидат филологических наук,
доцент УзГУМЯ

МЕТАПОЭТИЧЕСКИЙ КОД В ПОЭЗИИ Н. ИЛЬИНА: ВРЕМЯ – ЧЕЛОВЕК – ВЕЧНОСТЬ

Если попытаться определить состояние современной русской поэзии, то можно выделить несколько тенденций. Так, к примеру, современный поэт ориентируется на филологизированную публику, и стихи все больше уходят от «натуры», от живого личного опыта, становятся откровенно вторичным продуктом, рефлексией над уже существующей культурой¹. Или, в стихах даже самых тонких и чутких поэтов утрачивается интерес к Другому как к живому субъекту («И когда кулаком стучат ко мне в двери, // когда орут: у ворот сарматы! / оджибуэи! лезгины! гои! // – говорю: оставьте меня в покое. // Удаляюсь во внутренние покои, // прохладные, сумрачные палаты»)². И, наконец, когда мир видится слишком сложным, трудным, запутанным и, как следствие, враждебным. Цельную картину такого мира построить невозможно, поэтому автор производит «текст в себе», образец текста поколения «клиповой» культуры, выросшего уже в постсоветском пространстве³.

Тем отраднее отметить, что в условиях современной русской поэзии, «безликость» которой стирает печать времени-вечности, стихи ташкентского поэта Николая Ильина отпечатывают «... листопада осознание, // Где для души одно призванье – // Следить скольжение листа»⁴, утверждая вечное призвание поэта любой эпохи «... листать уходящие в память страницы» (3). Связь с современностью, способность откликнуться на проблемы своей эпохи, своего времени во все времена считалось важнейшим свойством и признаком мастерства большого поэта. Такой является поэзия Николая Ильина, стихи которого представляют в целом художественно-философскую концепцию бытия, в том числе и общефилософское представление поэта о времени и вечности и о своей современности.

В композиционном плане поэтический сборник Н. Ильина «По стопам листопада» состоит из множества разножанрово-тематических циклов (всего 16 циклов, куда вошли и философские раздумья поэта о времени – человеке – вечности, и личные посвящения, и пейзажные миниатюры и зарисовки, и эпиграммы и т.д.), внутреннее единство которых устанавливается через метапоэтический код, заключенный в авторской интенции: время – человек – вечность. Метапоэтический код лирического повествования в поэзии Н. Ильина выявляет философский ракурс мироощущения поэта, раскрывает философскую символику его стихотворений, каждое из которых может быть понято лишь в общем контексте всего цикла, а еще шире – сборника.

¹ См. обэтом: Кузнецова А. Архаисты? Новаторы? / А. Кузнецова // Арион. – 2004. – №4. С. 16–23.

² Лосев Л. В. Собранные: Стихи. Проза / Л. В. Лосев. – Екатеринбург: У-Фактория, 2000. С. 224.

³ См.: Шайтанов И. О. Не требовать шедевров / И. О. Шайтанов // Литературная газета. 2004. №5. С. 8.

⁴ Ильин Николай. По стопам листопада. – Ташкент: Издательство Национальной библиотеки Узбекистана имени Алишера Навои, 2010. С. 108. В дальнейшем цитаты приводятся по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

Поэтический сборник Н. Ильина «По стопам листопада» открывается циклом «Город лета и лет», в названии которого уже задана авторская интенция о времени и вечности, современности и истории. Открывает цикл стихотворение «Ташкент», в котором воссоздается поэтический образ древнего города, историю которого «... силится время сухими ветвями // Листать уходящие в память страницы», в котором запечатлеваются не только события прошлого, но, что еще важнее, утверждается через настоящее, протянутое к будущему, «благословенье» вечного, прообразом которого выступает в данном поэтическом контексте Ташкент. Время личности (лирического героя) в соприкосновении с вечностью у Ильина освещается современностью, выражением которого становится обобщенный образ лирического персонажа «мы», к кому и обращается герой, наш современник: «Средь ласковой тени застыв на мгновенье, // Вглядишься как листва улыбнулась сияя. // Примите ж от города благословенье, // Которым он искренне вас осеняет» (3). Знаки современности, маркирующие сильные, ключевые позиции в конце стихотворения («застыв на мгновенье», «осеняет»), созвучные с сигналами вечности – в начале («тих, эпичен», «писалось на древних холстах живописцев»), составляют коллизию лирического раздумья поэта, выраженного в данном художественном целом.

Понятие «время» у Н. Ильина, в философском измерении представляющее художественную ценность, выражается в разных образах («лето», «август», «мгновенье» и т.д.), но всегда оно соотносится с вечностью, образуя цикличность и утверждая неизменность движения бытия. Порой незначительная игра слов раскрывает глубокую философскую мысль поэта: «И так в других мне кажется нелепо // Не ведать лета, прожив столько лет, // И постигая времени приметы, // Смотреть на мир сквозь суету газет» (5). Так, игра слов «лета» как времени года и «лет» как протяженности жизни, прожитой человеком, образует поэтический контекст, имеющий глубокий смысл, раскрывающий авторскую позицию в отношении вопроса о смысле жизни, времени-вечности: суета сиюминутного в масштабах вечности. Об этом свидетельствует последняя приведенная строка стихотворения, в которой лексическое звено «постигать время», относящееся к вечности и бытию, вступает в противостояние с сиюминутным, бренным «смотреть на мир сквозь суету газет» (5). Завершается стихотворение жизнеутверждающей мыслью о неизменности бытия: «Где птичья перекличка так бодря, // Где солнце множит опыт многолетний...// Разливы лета, солнечного лета, // Веселых трав зеленая игра!» (5). Смысловая пауза, обозначенная многоточием, отделяющая финальную строфу, маркирует переход от современности («из наших вечных клетей») к вечности как постоянству и непреходящей ценности бытия.

Время у Ильина приобретает разные формы протяженности, но всегда оно соотносится с вечностью, и все явления природы и человеческого бытия соизмеряются ценностными координатами в отношении к времени: «Я *вечно* останусь, мой город, Ростком твоего цветника. // Я буду *навсегда*, мой город, Аккордом твоих созвучий. // Я *вечно* останусь, мой город, Мгновеньем твоей бесконечности»// – (6). Думается, не случайно, выделенные курсивом однокоренные слова, относящиеся к сфере вечности, соотносятся с эксплицитно выраженной лирической позицией поэта, признавшего свою судьбу как «мгновенье» в «бесконечности» города. Философский ракурс, направленный на время, определяет целостность всего лирического произведения, где лирический герой отражает современность как звено в бесконечной вечности города.

Темы и образы лирики природы Н. Ильина, так или иначе соотносящиеся с проблемой времени (по отношению к вечности), включают человека как явление природы, который также подчиняется общему движению времени как закону вечности бытия. Об этом говорится в стихотворении «Так славно, когда начинается лето...», в котором раскрывается метапоэтический код лирического повествования поэта (время «лето» – человек – вечность «солнце»), в котором человек выступает как неизменное звено природы. Развитие поэтической мысли в этом стихотворении устремлено от образа лета, концептуальное поле которого включает понятия «согретшееся время», «доцветающие сады», «горячие полудни», соединяющиеся в конце строфы в ключевом образе «солнца» («...сквозит через марлю зеленых завес»), – к лирическому герою, который

приобщается к вечному и неустанному движению солнца, устанавливающего цикличность движения во всем мироздании: «И с каждым повтором годов все надежнее знаю я, // Как следом за солнцем и мне совершать этот путь» (11). Жизненно-философское мироощущение современного поэта обуславливает художественный принцип его поэтики, специфика которой в изображении человека не на фоне природы, а «внутри» этой природы как органичной и неотъемлемой ее части.

В стихотворениях Н. Ильина природа приобретает «человеческие» свойства, описания пейзажных зарисовок у него отличаются психологической насыщенностью, что выражается традиционными художественными приемами: использованием метафор, олицетворений, эпитетов и т.д. Однако у современного поэта уже известные приемы приобретают новую функцию, что значительно обогащает психологическим содержанием поэтические образы и придает его стихам философское звучание в целом. Так, в стихотворении «Ночной дождь», в жанровом плане представляющем пейзажную миниатюру, олицетворения выступают не просто как художественный прием, но они выражают ощущение одухотворенности всего сущего: «Дождинок редких суета, // Намокших веток вздох тяжелый, // Луны живая красота // В пространстве разливает желтый. // ...влажная дорога, // И кисть в луну, как в акварель, // Макает тополь одинокий» (4). Авторская позиция, не получившая эксплицитно яркого выражения в поэтическом контексте, тем не менее открыто проявлена в созерцании изменчивого мира («дождинок редких суета», «намокшие ветки», «ожившие птицы», «тополь одинокий») и неподвижной вечности, прообразом которой выступает «луна». Образ луны как композиционный центр, связывая две строфы стихотворения, организует его поэтическую и смысловую целостность и обнаруживает стык времени текущего и вечности.

В цикле сборника Н. Ильина «По стопам листопада» время как ценностная категория высвечивает другую грань своей природы, углубляя философское ее содержание. Так, цикл «Сегодняшнее и думы», ассоциативно созвучные с «Былыми и думами» А.И. Герцена, развернуты к сегодняшнему дню, к современности. «Думы» современного поэта сосредоточены на проблемах современного человека, это взгляд на бытие мироздания с позиций современности. Извечные вопросы о «вещах, недоступных для мысли: любовь, бессмертье, красота» стоят перед лирическим героем, который признается одновременно и в их существовании, и в своем бессилии их разгадать: «Я верю в то, что они есть, // Но как их объяснить – не знаю» (32). Лирический герой Н. Ильина – личность бескомпромиссная, его позиция эксплицитно выражена, он честен перед самим собой как перед Богом, искренен в своих сомнениях: «Есть вещи недоступные для веры: // Жестокость, подлость и бесстыдство, // Я знаю то, что они есть, // Но всякий раз опять не верю» (32).

Время именно как философская категория выступает в качестве судьбы в оценке состоятельности человеческой жизни. Зачастую стихотворения Н. Ильина представляют свод размышлений лирического героя, мысль которого в одном стихотворении получает художественную и смысловую завершенность в другом. Так, к примеру, лирическая мысль в стихотворении «Пожил, кто, жизнь на расчет не сменяв...», где определены априори жизненные ценности лирического героя («мысль большая», «борьба и мечта», «солнце», «слова и музыка»), логично переходит и получает дальнейшее развитие в стихотворении другого цикла («Странные стихотворения»), в названии которого «Ну и что?», несмотря на его вопросительную форму, уже задана авторская интенция. В данном стихотворении, показывающем жизненную ситуацию (стремление людей к преходящим и сиюминутным победам: к примеру, карьерный успех), лирический герой (а у Н. Ильина он всегда искренний и честный) с неподдельным удивлением изумляется: «В недоумение поверг // Меня другой вопрос: // Зачем им было лезть наверх – // И снова под откос» (35).

И даже в стихотворениях, где, казалось бы, время выступает в своем изначальном природном значении (цикл «Пять состояний года»), у Н. Ильина оно «обрастает» философским контекстом и обретает общебытийное вселенское звучание. Уже в самом названии цикла («Пять состояний года») наблюдается преднамеренное нарушение природного цикла, предусматривающего всего четыре состояния года. У Ильина

на вследствие включения пятого «Всегдашнее», заключающего цикл, утверждается обязательная для метапоэтического кода поэта статус вечности как закономерного в циклическом процессе время – человек – вечность.

Н. Ильин создает свой художественно-поэтический мир, где даже месяц года в философском измерении обогащается многозначным смыслом. В цикле, посвященном августу, обнаруживается многоликость его образа, среди разнообразия которого выделяется образ «мастера-творца», «всесильного художника»: «Его зеленые фломастеры // Рисуют сочные луга, // И безгранична сила мастера, // И так уверенна рука» (56); или: «Всесильный художник, природным наитьем // Сентябрьских красок провидит букет» (62), где августу волей автора придается сила «провидческая», поднимающая его до ранга Божественного. Лирический герой вступает в диалог с августом («Август, поверь моей искренней дружбе»), который для него и друг, и свидетель течения всеобщего бытия и движения времени: «Помнишь, когда уплывало в июле // Светлое солнце с небесного створа? // Дружные пчелы несли в свои улья // Вязкую сладость июльского сбора... Ныне приемлет сентябрь эстафету...» (57). Соединение лирического героя с августом, который в художественной системе поэта персонифицируется, приобретает характерологические свойства, выражено через одинаковое восприятие и ощущение обоими чувства времени: «Здесь лето завершает свой досуг, // И сквозь листья невнятное волнение, // Я слушаю, как август мыслит вслух» (61). Для лирического героя август не только время года, месяц лета, но в бытийном плане он приобретает статус жизненного рубежа, отделяющего молодость от зрелости: «Я августу, как подлинности рад: // Ведь жизнь моя, как август, порубежна // Меж летних благ и осени утрат» (63).

В цикле «Годы и память» время соотносится с величайшим даром, отпущенным человеку, способностью сохранять в памяти жизненные ценности. В ценностно-эстетической парадигме Н. Ильина источником сохранения памяти как фактора непрерывной связи времен выступает душа, волнение которой обеспечивает сохранение памяти как гаранта вечности: «Не время в нас воспоминанья губит, // Не память, уступив за пядью пядь, // Но гибнут лица, города и судьбы, // Переставая душу волновать» (76).

Мысли известных классиков в поэзии Н. Ильина трансформируются и получают новое звучание. Так, всем известный афоризм Ф.И. Тютчева: «Мысль, изреченная есть ложь!» в контексте Ильинской поэзии соотносится уже с понятием время и звучит по-иному, придавая тютчевской мысли современный контекст: «Налет времен с души не смыть, // Но мы века постичь смогли ли? // <...> И то, что мы хотим понять, // Смогло ли в слове проясниться?» (79).

Вполне закономерно, думается, поэтический сборник Н. Ильина, названный «По стопам листопада», включает одноименный цикл, куда вошло девять стихотворений, в которых последовательно прослеживается сам процесс листопада как явления природы, которое созвучно с психологическим состоянием лирического героя. Листопад как знак определенного периода в протекании осени прослеживается поэтапно (начало, «взлет осени», завершение). Открывается цикл завершением лирического героя в том, что «... летний мир почти завял, // Хоть далеко до листопада...» (105), вслед за которым следует его свидетельство о «близости сентября с колесом листопада» (106) и признание о появлении первых признаков листопада: «Ранней осени посланья // Плавно сыплются с деревьев» (107). Наблюдения лирического героя за протеканием листопада вырастают в глубокое сопереживание «на взлете осени» в «листопада осознание», которое для него, лирического героя-поэта знаменует творческий подъем: «Где для души одно призванье – // Следить скольжение листа» (108).

Так, в контексте цикла «По стопам листопада» как ключевого звена в поэтическом сборнике Н. Ильина прослеживается художественное воплощение метапоэтического кода как структурного центра его поэтики: **время** (листопад как форма протекания осени) – **человек** (сопереживание лирического героя) – **вечность** (апофеоз творчества как залог вечности).

Метафоризация как способ художественного изображения реальности вносит в поэзию Ильина высокую одухотворенность, в атмосфере которой каждое слово при-

обретает новое звучание и смысл, когда состояние природы и лирического героя начинает звучать в унисон: «Облетанье и паденье, // Желтизны скольжение в пропасть. // Безысходные сомненья, // Безответные вопросы...» (113).

Завершается сборник Н. Ильина циклом стихотворений «Кривое зеркало времен», в котором утверждается основная поэтическая мысль поэта о невозможности повернуть время вспять, о непрерывности течения времени, о закономерности его движения, о благе каждого Времени для человека.

Поэзия Н. Ильина – это медитативная лирика, художественно воплощающая метапоэтический код поэта, выявляющий философский ракурс глубоких раздумий лирического героя о Времени, о Человеке, о Вечности.

литературная критика

Нинель ВЛАДИМИРОВА

Нинель Васильевна Владимирова родилась в 1928 году в Украине в г. Николаеве. Во время Второй мировой войны ее семья приехала в Узбекистан. Они остановились в сельской области Катартале, в те годы относившейся к Ташкентской области, где и началось ее знакомство с узбекской культурой, которой она была очарована. Впоследствии эта любовь переросла в дело всей ее жизни.

Закончив Среднеазиатский государственный университет (ныне Национальный университет Узбекистана), Нинель Владимирова начала работать над словарями и серией книг «Классики узбекской литературы», что сформировало ее особый стиль, характеризующийся восточным изяществом и в то же время простотой. Она работала ведущим сотрудником отдела узбекской литературы советского периода, публиковала научные монографии, статьи, исследования, касающиеся творчества таких классиков национальной литературы как Айдын, А. Каххар, Саид Ахмад, Гафур Гулям, Чулпан, Фитрат, А. Кадыри и других.

Нинель Владимирова изучала узбекскую литературу в контексте мировой литературы, в самой национальной литературе предпочтения ее также были разнообразны – ее как переводчика одинаково привлекали рассказы писателей старшего поколения и молодых авторов, как малая проза, так и крупная, что говорит о ее творческом потенциале и таланте, широким взглядах на лингвокультурологические особенности русской и узбекской языковых культур. Нинель Владимирова – тонкий знаток узбекского языка, объединила две языковые культуры в контексте национальной общности литератур, по сходству образов и мотивов, характерных черт.

Ее последний сборник «Развитие узбекской прозы XX века и вопросы художественного перевода», являющийся полноценной научной монографией, вышел в свет в начале 2011 года и включает в себя литературно-критические статьи, посвященные проблемам развития узбекской прозы и художественного перевода, анализ современной национальной новеллистики, обобщая весь ее опыт литературоведа и переводчика.

НОВЕЛЛИСТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ФИТРАТА

МАЛЕНЬКИЕ НОВЕЛЛЫ ФИТРАТА

Предвидения и предчувствия Фитрата давали ему возможность выразить свое гуманистическое вольнодумное отношение и к действительности, и к миру, и в какой-то мере к религии. Фитрат в 10-е годы XX в. полностью сформировался как писатель и философ, ставивший и решающий интересующие его темы, проблемы, как человек свободомыслящий. Это выражалось в широком понимании того, что в наступившем напряженном времени можно не только понять происходящее в данный момент, но и предугадать трагедию будущего. Фитрат понимал, что разрушается мир, в котором он еще как-то пытался вести борьбу за просвещение и прогресс, гибнут историческая

наука, литература и та относительная свобода, в которой могли существовать хотя бы джадидское движение, или «*Чигатой гурунги*». Разрушалась всякая традиция, и наступал период хаоса.

Красота художественного слова заменялась красотой, идея – общим для всех разрушением мечты и иллюзии – напором грубой силы, именуемой в дальнейшем в литературе единой системой социалистического реализма.

И писатель, чувствуя наступление общей дисгармонии, в своих произведениях, в частности, в новеллах, именуемых по сей день антирелигиозной сатирой, все еще пытался отрицать гибель в этом всеобщем хаосе и мира человеческой души, и первоизданной красоты вселенной и человеческой духовности. В этом сплошном хаосе смещаются понятия, оплошляются взгляды, и новеллы Фитрата пытаются отобразить это движение, это падение нравственности, того, что считалось священным. Он обнажает противоречия жизни и делает это решительно. Писатель черпает вдохновение в народной поэзии, в классической литературе Востока и Запада, и его голос оставил, несомненно, глубокий след в культуре народа.

Много было сказано и написано о многогранности и широте взглядов Фитрата – и философских, и литературных, и религиозных, и жизненных, но конкретное исследование этой многогранности в его произведениях еще не стало по сей день органической потребностью литературоведения и критики. Сопоставить широкий мир его мыслей, облеченных в художественные образы, – все еще насущная задача литературоведческой науки. Сокровища своей души, как когда-то сказал А.Толстой о Есенине, Фитрат разбрасывал обеими пригоршнями.

Фитрат не шел проторенными, прямолинейными путями, и в этом проявились его разносторонность, его неумный нрав и талант. И именно поэтому однозначное, однолинейное восприятие фитратовских рассказов, которые были названы антирелигиозной сатирой, вообще трагично для литературоведения, критики, литературы. Однолинейное восприятие его творчества несправедливо и неверно особенно сегодня.

Да, Фитрат написал рассказ «*Ок мозор*», который с самого его появления воспринимался как антирелигиозная сатира. Но критика не увидела в этом небольшом фитратовском рассказе, прежде всего, традиционный фольклорный сюжет о жадных представителях сильных мира сего – речь шла в рассказе о местном казии. Как известно, этот сюжет распространен не только в устном фольклоре многих народов: в насреддиновских анекдотах ишака хоронят на кладбище почти при аналогичных обстоятельствах. Кроме того, рассказу этому присуща и своеобразная лексика, характерная для произведений, основанных на народном творчестве. И хотя ряд рассказов Фитрата включался в различные сборники антирелигиозной сатиры, либо печатался под этой рубрикой, что было для того времени чем-то вроде свидетельства о политической благонадежности автора, тем не менее, рассказы Фитрата этого плана одновременно являются образчиком чисто народного юмора, не посягающего на основы религии, но не выходящим за пределы своей критики отдельных представителей духовенства. Такие фигуры, как Фитрат, Абдулла Кадыри, Чулпан, обладали мировоззренческой широтой, которая проявлялась даже в таких весьма специфических жанрах, как идейно-конформистская по отношению к большевистской власти. Так называемая антирелигиозная сатира, помогая им идти собственным путем, тем самым и расширяя рамки этой сатиры, обогащая ее чисто народным вольнодумством. Подлинный писатель иначе и не может творить. Вольнодумство это распространялось в их произведениях не только на недостойных представителей духовенства, но и на вполне современных власть имущих, как это мы видим в рассказе «*Ок мозор*».

Рассказ Фитрата «*Меърож*» (переведенный мною как «Вознесение на небо») также постоянно причислялся к разряду антирелигиозной сатиры, хотя скорее напоминает фантастическую сказку и построен также на фольклорном сюжете. Снова, почти как в «*Киёмат*», действие начинается разворачиваться лишь только герой засыпает глубоким сном в бане, разморенный банными парами (в «*Киёмат*» – гипотетическая смерть героя).

Фитрат строит этот рассказ как сказовое повествование. Не случайно он избрал для этого рассказа фантастическую манеру. Лишь только герой уснул, как в рассказе вступает в действие то обыкновенное, необычайное, что позволяет ему преобразиться в сказочный персонаж. Автор обладает чувством такта: его фантастика в рамках логического. Это принцип, которым он руководствуется в рассказе «*Меърож*».

Седьмое небо, куда летит фитратовский герой, – как бы зеркальное отражение земного царства. Однако там все чище, возвышеннее, причудливее и интереснее для героя. Как в сказке, герой Фитрата попадает вместе со своими спутниками в арбуз – между третьим и четвертым небом. Арбуз они сняли с одного из верблюдов, шедшего в целом караване. Семьдесят пять лет пробыл герой Фитрата в арбузе вместе с Мухаммадом и Жабраилом, под чьим крылом он проделал весь долгий путь вплоть до господних чертогов. И все эти семьдесят пять лет, бродя по фантастическому арбузу, герой не уставал восхищаться красотой множества городов, крепостей, домов, ворот. Пролетев четвертое небо, он встретил огромного петуха с гребешком выше седьмого неба и ногами ниже седьмого слоя земли («*Тожи этти кабат кукдан юкори этти кабат ернинге остида экан*). Голова у петуха из чистого рубина (*Боши екутдан*), ноги – из хризолита (*оёги забаржаддан*), а тело – из жемчуга (гавдаси марвариддан экан). А самое главное – все петухи земли подчинены ему. Не услышав его голоса, ни один из них не смеет кукарекать. Интересен в этом фантастическом рассказе диалог Господа с Мухаммадом:

– *Зачем призвал меня в полночь? – спрашивает Мухаммад.*

– *Желал изъявить свою милость.*

– *Какое из твоих созданий ты любишь больше всех?*

– *Людей.*

– *Какая еда тебе нравится больше всего?*

– *Шавля и молочная рисовая каша (ширгурунч)*

И тогда герой рассказа вступает в беседу.

– *Господи, зачем же ты живешь за тысячью заслонов? Выйди и живи среди любимых тобою людей, оказывай милость и могущество, ешь шавлю и молочную рисовую кашу.*

Жабраил встряхнулся и герой выпал из-под его крыла. И в соответствии с законами фантастического жанра герой просыпается там же, где заснул, и слышит глухой голос банщика: «Не спите в бане, разомлеет». А хатиб со своим массажистом продолжали тихую беседу, под которую и заснул герой рассказа.

Здесь, несомненно, Фитратом сделан шаг от рассказчика к сказителю. Это его интерпретация мифологического сюжета. Фитрат по-своему приземляет небесную силу, ставит ее ближе к людям, к человеку и в этом нет ничего неестественного, разве что такой прием может быть полемичен.

«*Захронинг имони*» – рассказ чисто фольклорный, почти по типу волшебной сказки. Более того, Бог и жена пророка Ойша выступают в нем как начала высокоморальные, противостоящие земным порокам и страстям. Они осуждают корысть, разврат, ложь.

В «*Захронинг имони*», как и в «*Шайтоннинг тангрига исени*» («Бунт сатаны против Бога»), Аллах справедлив и всемогущ – его власть абсолютна, но в то же время ни в чем не расходится с основными принципами общечеловеческой морали. Помимо этого, Бог и милосерден, его отношение к человечеству основано на любви – строгой и требовательной, но подтверждающей истинность канонической исламской формулы «милостивый и милосердный».

В этом рассказе Он благосклонен скорее к людям с их пороками, чем к ангелам, решившим вкусить «земную жизнь» и не вынесшим «земных» искушений. Критики Фитрата не понимали того, что рассказы писателя на религиозную тему не повторяют священных книг, будь то Коран или Библия, или хадисы, а дают вольное толкование, ставя перед собой художественные и гуманистические задачи, а вовсе не религиозные или антирелигиозно-агитационные. В этом рассказе Фитрат не делает никаких назидательных выводов, ему не требуется и нравственных резюме. В диалогах рассказа

мы можем отметить внутреннюю драматическую заряженность, и афористичность, и яркую образность.

Фитрат разрешает себе и вольное обращение с религиозными сюжетами («*Зайд и Зайнаб*») и это говорит о том, что он был не чужд вольнодумным веяниям своего времени. Давая свою версию легенды о любви Мухаммада к Зайнаб, Фитрат пишет ее более трагедийно, чем, например, звучит существующая версия этой легенды о «*Жизни пророка Мухаммада*», где Зайнаб, 38-летняя красавица, умная и честолюбивая, была несчастлива в браке с Зайдом. Она считала этот брак для себя унижительным и презирала Зайда – бывшего раба и иноплеменника, о низком происхождении которого свидетельствовал даже его облик: он был низкорослый и темнокожий, с плоским носом. Когда Мухаммад зашел навестить своего приемного сына Зайда, он увидел красавицу Зайнаб и был поражен ее красотой. Зайнаб заметила это и сообщила обо всем Зайду. Зайд тут же пошел к пророку и сообщил о своем намерении развестись с Зайнаб – дать возможность Мухаммаду жениться на ней. Но пророк строго запретил Зайду разводиться. Однако Зайд ослушался пророка и развелся с Зайнаб. Мухаммад женился на Зайнаб. У Зайда были и другие жены, более уживчивые и почтительные, а главное, рожавшие ему детей. Зайнаб же была бездетна.

В версии Фитрата эта история Зайда и Зайнаб заострена – они молоды и любят друг друга. Однако заметив интерес Мухаммада к Зайнаб, Зайд жертвует своей любовью ради Мухаммада – своего хозяина и приемного отца, хотя Мухаммад и здесь запрещает ему делать это. В версии из «*Жизни пророка Мухаммада*» все происходит легче, так как Зайд и Зайнаб не страдают от разлуки¹. В версии же Фитрата подчеркнута любовь и преданность и Зайда, и Зайнаб пророку Мухаммаду – они приносят на алтарь любви к Мухаммаду самое дорогое – свои чувства.

Не станем сравнивать варианты этой легенды. Фитрат, как писатель, имел право на свою интерпретацию известного повествования, тем более что ему, несомненно, был присущ своеобразный мировоззренческий плюрализм. Он считал возможным вольное обращение и с религиозными сюжетами, и с религиозными обычаями и постулатами. Это говорит о том, что Фитрат, как отмечалось, не был чужд вольнодумным веяниям своего времени. Тем не менее, трудно обвинить его в попытке выступать против религии как таковой. Он не покушается на самую сущность исламской доктрины. Речь здесь может идти лишь о поэтическом осмыслении традиционных сюжетов.

В своих истоках мусульманская религия значительно дальше от аскетизма, свойственного гораздо поздним ее толкованиям. Это религия земных, трудовых в своей основе людей, а вовсе не фанатиков и аскетов. В версии старинного религиозного предания Фитрат в поэтической форме показывает, что пророку доступны земные человеческие радости, но он (Мухаммад) не выступает здесь в этом конфликте активной стороной. Он пытается удержать Зайда от столь тяжелой для него жертвы, но верность и преданность Зайда оказываются сильнее его чувства к любимой женщине.

Также и почти в это же время делает это М. Булгаков в «*Мастере и Маргарите*», где Иешуа далеко не равнозначен евангелическому Иисусу. Он велик человеческим величием и это вовсе не означает, что Булгаков был атеистом и относился к одному из величайших пророков человечества с недостаточным уважением.

Христианская церковь довольно сложно относится к М. Булгакову и его роману, хотя и не отлучает покойного автора от церкви так, как в начале XX столетия это было ею сделано по отношению к великому гению мировой литературы – Льву Толстому, который был глубоко верующим христианином, однако не догматиком.

Примитивным атеистам Фитрат был чужд, так как они чувствовали, что его взгляды весьма далеки от марксистского атеизма агиток, которые процветали в те годы, но и для приверженцев ортодоксального ислама он был чужим, так как в его творчестве было много элементов свободомыслия, вольнодумства, свойственного большим художникам. Рассказы Фитрата скорее обращены к историческому и культурному опыту народа. Однако критика тех времен и в последующие годы была, в основном, необъективной к произведениям писателя, к его общественной и литературной деятельности, к

¹ Вахтин Ю.Б. Жизнь пророка Мухаммада. Ташкент, 1991. С.147-148

его личности. Одной из таких критических работ явилась выпущенная в 1932 г. в Издательстве Огиз (Москва; Ташкент) книга Дж. Байбулатова «*Чагатаизм – пантюркизм*». Она была направлена против книги Фитрата «Образцы узбекской литературы» с предисловием Атаджана Хашимова и Фитрата. Статьи и книги Дж. Байбулатова содержат обвинения не просто необоснованные, но и достаточно путанные, так как написаны человеком, не знающим истории национальной литературы, не умеющим исследовать и анализировать, логически мыслить, убежденным совдеповцем, выискивающим словно по заказу компромат, человеком, не имеющим представления об истории народов Средней Азии, называвшим реакционной литературой произведения Яссави, Рабгузи, Дурбека и других выдающихся писателей, искажающим мысли Фитрата убогой и непрофессиональной трактовкой его книги «*Узбек адабиети намуналари*» («Образцы узбекской литературы») (Самарканд; Тошкент, 1927) и не только этой книги, но и всего творчества писателя, его мировоззрения.

В своей критической книге, как и в статьях, Дж. Байбулатов как раз не обвиняет Фитрата в антирелигиозности и атеизме, напротив, он стремится показать, что автор в «*Образцах узбекской литературы*» протаскивает религиозные идеи: «Образцы узбекской литературы», – пишет Дж. Байбулатов, – не есть новое творение Фитрата. Они состоят из материалов, которые веками использовались в качестве учебников в старых религиозных школах, выковывающих кадры для ислама и шариата! Сам Фитрат обучался по ним и все «мусульмане» обучались по ним. <...>, но это совершенно не обязывает переиздавать и в массовом порядке распространять реакционную литературу, проповедывающую веру в бога и его пророка, веру в шариат и тарикат... ..Либо Фитрат плохо разбирается в мистике, несмотря на то, что он, как сам утверждает, «20 лет изучал мистицизм», либо доходит до наглости, считая, вероятно, что советская общественность глупа и слепа. Ведь в «Образцах узбекской литературы» нет ни единой строки, которая не была бы пропитана мистицизмом и религиозным идеализмом вообще»².

В своей теперь уже всем известной статье «*Епишмаган гажаклар*» (*урток Бойбулатовга очик хат*)³ Фитрат обнажает невежество своего обвинителя, предвзятость и абсурдность его суждений, нечестность и полное незнание литературы и литературоведения. И, однако же, во второй части статьи Фитрат вынужден защищаться, но делает это весьма достойно, рассказывая о своем отношении к литературе, религии, действительности, к своему сложному времени. Говорит Фитрат и о своем пути писателя и литературоведа, пристрастиях, разочарованиях, об изменении отношения к тем или иным идеям, о своем мировоззрении. Этот ответ Фитрата характерен и важен тем, что большой писатель и знаток истории литературы, активный участник происходивших в его эпоху политических и культурных событий предельно откровенно говорит о своих колебаниях, об увлечении различными идеологическими течениями, либо полном разрыве с ними. Таким образом, Фитрат рассказывает о нормальном пути литератора и философа, наконец, незаурядного человека, человека мыслящего думающего, творящего, верящего либо разуверяющегося в правильности своих пристрастий. Статья эта проливает свет на многие, кажущиеся противоречивыми взгляды самого Фитрата, выраженные в его художественных произведениях.

Да, Фитрат в них однолинеен, диалектичен, порой взгляды и мысли его кажутся взаимоисключающими. Но Фитрат в своих произведениях прежде всего художник, решающий именно художественные задачи, пренебрегая идеологическими запретами, с какой бы стороны они не шли.

Фитрат, конечно, не был свободен в своем ответе тому же Дж. Байбулатову, он вел полемику со своим оппонентом на страницах советской печати 1920-х годов, когда волею Ленина уже давным-давно была выслана вся русская интеллигенция (особое предпочтение отдавалось философам, что, наверно, и дало им возможность сохранить жизнь в 1930-е годы). Для Фитрата такая возможность была уже исключена обстоятельствами и места, и времени, но он нашел в себе мужество ответить, защитить

² Байбулатов Дж. Чагатаизм – пантюркизм. М.; Ташкент, 1932. С. 23.

³ Кизил Узбекистан. 1929. 15-16 сентябрь.

свое достоинство. Он был человеком, который не приспособливался к времени, но жил в нем жизнью творческой личности: меняясь, противореча себе, порой вступая в конфликт с самим собой, а не только с модными идеологами. Без искренности и способности к самокритике, самоанализу никакой большой художник невозможен. Фитрату, как крупному художнику, была чужда всякого рода догматическая узость – и коммунистическая, и фундаментальная.

Нельзя подходить к писателю такого масштаба, как Фитрат, с кругозором либо узко религиозным, либо, наоборот, обвинителя тоталитарного толка. И не следует рассматривать рассказы Фитрата этих лет, втискивая их в узкие рамки современных идеологических схем. Это приводит к тому, что рассказы Фитрата, критиковавшиеся раньше с позиций догматики, могут попасть теперь под критику псевдорелигиозной либо популистской догматики.

литературная критика

Нургали СЫЗДЫКБАЕВ,
кандидат филологических наук,
доцент УзГУМЯ

Нургали Артыкбаевич Сыздыкбаев родился в 1971 году в Сырдарьинской области в поселке Сардоба. В 1995 году с отличием окончил факультет русского языка и литературы Узбекского государственного университета мировых языков. С 2000 года работает на кафедре мировой литературы и теории литературы УзГУМЯ. Закончил аспирантуру, а в 2002 году защитил кандидатскую диссертацию, в настоящее время работает над докторской диссертацией. Область исследования – современная национальная литература и литературные взаимосвязи.

Автор более 50 научных публикаций, вышедших как у нас в стране, так и в ближнем и дальнем зарубежье.

МОТИВЫ БУНТА И СМИРЕНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МИФОПОЭТИКИ

В связи с изменившимися на рубеже веков общественно-политическими, социокультурными и нравственными ценностями религиозная тематика вновь стала привлекать внимание писателей. Духовность проявляет себя через религию, ее заповеди. Данная тематика, ставшая содержательным стержнем наиболее значимых произведений современной литературы, предполагает решение многих злободневных проблем макрокосма. Ответы на них пытается найти и Улугбек Хамдам, в основе романа которого «Бунт и смирение» (2006) – мифологема о сотворении Богом первого человека и его грехопадении.

В предисловии к роману, озаглавленном «В поисках утраченного рая...», Н.В. Владимирова и Г.Т. Гарипова так объясняют обращение автора к библейским и кораническим сюжетам: «Используя библейские и коранические сюжеты, Улугбек Хамдам изначально создает в своем текстовом пространстве модель мира, ориентированную в динамике своего развития на идею божественной предопределенности. Вкрапление мифосюжета о первородном грехе Адама и Евы рефреном проводит мысль не только о бунтующем Человеке и его смирении, но и о сути его Греха и Прощения»¹. С помощью мифосюжета автор пытается вскрыть универсальную модель «идеального бытия» (Е. Мелетинский), кроющуюся в недрах мифа.

П.М. Мирза-Ахмедова, рассматривая творчество А. Фитрата, видит в использовании мифологеми об Адаме и Еве «новый импульс в развитии сюжета в силу

¹ Владимирова Н.В., Гарипова Г.Т. В поисках утраченного рая, / Предисловие к роману «Бунт и Смирение». – Ташкент: Zar qalam, 2006. С.4.

того, что новейшее искусство открывает в неомифологизме новые для себя возможности – как художественные, так и интеллектуальные»². Подобный синтез дает не только У. Хамдаму, но и многим современным писателям новые возможности в художественном изображении онтологических проблем и концепций человеческого бытия. Это особенно актуально в наше время, в эпоху дегуманизации и снижения этических и эстетических норм.

Роман У. Хамдама написан в координатах неомифологизма, давших новый виток развитию древней легенды о первом человеке. Роман писателя может быть отнесен к новаторским произведениям современной узбекской литературы. В нем органично соединен реалистический способ изображения с элементами модернизма, что позволяет говорить о своеобразном синтезе жанров, свойственном литературе конца XX века. Интертекстуальность, аллюзия и мотивность в поэтике У. Хамдама всего лишь опорные точки, отмечающие ритм движения внутри глобального пространства текста. Художественное мышление автора гипертекстуально по своей природе, оно создает новые типы пространственно-временной организации, насыщает роман разного рода антиномиями: свет – тьма, жизнь – смерть, личность – толпа и др., составляющими образную структуру романа.

«Бунт и смирение» – это роман о поиске главным героем смысла жизни, своего «Я». На этом пути Акбар проходит своеобразные «круги», наполненные событиями, которые он пытается объяснить и осмыслить, соотнеся их значимость для него с извечными вопросами бытия: что есть для человека добро и зло, каковы истоки человеческого зла, почему оно часто побеждает добро?

Композиционно роман, построенный по монтажному принципу, состоит из трех частей, в которых так или иначе переплетаются судьбы главных персонажей: Акбара, Табиба, Искандера, тети Ларисы, Дианы, Турсунбая. Сюжет предваряется мифологемой об Адаме и Еве. В структуре романа преобладает «прерывность (дискретность) изображения, его «разбитость» на фрагменты»³, связанные причинно-следственными связями; судьбы персонажей пересекаются в пространственно-временных координатах. Наиболее сильным «фактором» сцепления всех частей становится авторская мысль, предельно ярко выраженная в письме Табиба. Она объединяет, казалось бы, разрозненные фрагменты в органичное целое.

Истоки бунта Акбара заключаются в неприятии им дисгармоничности и бездуховности мира. Если библейский Адам за послушание был изгнан из рая, то герой Хамдама за вполне заслуженную пощечину, которую он дал Садру, своему ученику, был посажен в тюрьму. Если Сатана, обиженный на Создателя, обманывает первых людей, то Садр и его отец, своего рода современные сатаны, погубили жизнь честного человека. Эти «человекоподобные» ради денег готовы предать, как когда-то Сатана предал первых людей или как Иуда за тридцать сребренников предал Иисуса.

Тюрьма олицетворяет пространство тьмы, где преступники несут наказание за содеянное, а невинно осужденные платят за чье-то предательство или роковую ошибку.

Акбар, веривший в гуманность и доброту, в чем-то наивный по сегодняшним меркам, помнит заповеди Всевышнего «Помоги ближнему», «Не убий», делает несколько попыток воззвать к совести своих обидчиков, но безуспешно. Полностью он теряет веру в справедливость и человечность только тогда, когда ему предлагают дать взятку, хотя прекрасно осознают его невинность. Писатель показывает, что в эпоху хаоса и нарушения божеских заповедей человеческая жизнь ничего не стоит. Сила денег оказывается решающей.

История с пощечиной дает развитие сюжету. Неприятие предательства, алчности рождает в душе героя бунт, он против социального устройства, рождающего бездуховность людей. С бунтом в душе жили не только Акбар и Табиб, но и Искандер, их

² Мирза-Ахмедова П.М. Творчество Абдурауфа Фитрата и литературно-художественная мифология XX века // Шарафутдинова М.О., Саидов А.Х., Мирза-Ахмедова П.М. Художественная и критическая мысль в контексте национальной и мировой традиций. Ташкент: Фан, 2009. С. 65.

³ Хализев В.Е. Теория литературы. – Москва: Высшая школа, 1999. С. 276.

ученик. Акбар повторяет судьбу своего Учителя. Именно к нему обращается он с мучительными вопросами.

Образ Табиба, на наш взгляд, наиболее интересный в романе, дан в развитии. В молодости бунтарь, стремящийся исправить человечество, он восходит к Богу уже пожилым, многое испытавшим в жизни. Через внутренний бунт и сопротивление приходит к смирению, ощутив на себе силы Творца и поверив в них.

Беседуя с пациентами, Табиб мысленно всегда взывал к Всевышнему: «Что же у тебя так много недугов и печалей... Больно смотреть на это. Либо вырви из моего сердца сострадание, либо облегчи людскую долю!..»⁴. Он никогда не забывал Его, всегда благодарил за помощь в исцелении больных. Как человек праведный, Табиб считал, что никто не вправе вмешиваться в людские судьбы и тем более забирать жизни людей, дарованные им Создателем.

Знарок религиозного учения, У. Хамдам очень точно передает картину смерти Учителя: «Издали казалось, что Табиб бьет земные поклоны и просит простить не только свои грехи, но и грехи всего рода людского и, возвеличив имя Господа, сразу же поднимет голову»⁵. Ведь Акбар знал, что Табиб напряженно молится, прося Его о прощении себя и всего рода людского за эксперимент и вмешательство в самое святое – деторождение.

Смерть Табиба, человека доброго и справедливого, преданного Богу и жалеющего людей, символически приравнивается к гибели людского рода, стоящего на пороге Страшного суда за великие грехи: клонирование, самоубийства, аборты, предательство...

Говоря об образе Акбара, в душе которого пылает бунт, против несправедливости мира, его, как Табиба и Искандера, волнуют вопросы: что есть зло, что его порождает, чем и кем оно питаемо и «может ли быть найдено такое Слово, которое удовлетворило бы всех, раскрыло бы смысл жизни?»⁶. Милосердие, Духовность и Нравственность – ведь это именно те нужные слова, забытые обществом.

Одна из причин бунта или «бегства» Акбара – его одиночество. Иногда он думал о семье: «Теперь мое присутствие в доме больше не праздник для них, а мое отсутствие не трагедия»⁷. Он страдал от этих мыслей. Этим объясняется его «странничество».

Вообще мотив странничества, как отрыв от всего, что духовно отягощает человека, – одна из вечных тем мировой литературы – от древнегреческих мифов до «Улисса» Д. Джойса. Чтобы отправиться в «хождения» по миру, человеку должно стать невыносимо тесно среди себе подобных... Совершая путешествие, личность расширяет границы мира. Однако странничество, как правило, циклично. Уходят обычно, чтобы вернуться, чтобы другими глазами увидеть все, что когда-то оставили. Странничество, сливаясь с изгнанием, приобретает разные формы: изгнание судьбой, изгнание Богом, изгнание страной, изгнание страхом. Изгнание учит человека смирению: затеряться среди людей в толпе, в своем одиночестве. Но человек уходит, чтобы остаться, чтобы дать новый импульс духовным силам.

Если рассмотреть изгнание как наказание Бога, то на память приходят многочисленные «изгнанники»: Адам, Лот, Моисей, Сергей... Весь миграционный акт понимается творцами новых путей как прокладывание дороги из одного пространства в другое, открывающее новый взгляд на жизнь и людей, заставляющее переосмыслить пережитое, дающее новые силы для преодоления.

Через бунт человек приходит к смирению. Если первый бунт Акбара – уход из семьи в город, то второй – любовь к Диане. Человек приходит к смирению и покаянию, преодолев тяжкие испытания, величайшие из которых – искушение и соблазн. Любовь Акбара к Диане – это и есть искушение, соблазн, который ему не под силу преодолеть.

⁴ Хамдам У. Бунт и смирение. – Ташкент: Zar qalam, 2006. С. 56.

⁵ Там же. С. 110.

⁶ Там же. С. 89.

⁷ Там же. С. 53.

Акбар стоит перед выбором: нарушить ли данную перед Создателем клятву верности жене или же отвергнуть возродившую его к жизни и вере любовь. Во всех мировых религиях измена осуждается. Эта идея составляет одну из основных заповедей религии: не прелюбодействуй. Она же, эта заповедь, одна из основ нравственного учения Л.Н.Толстого, заповедавшего мужьям: «не любезничать с женщинами, не оставлять той, с какой сошелся»⁸.

Мастерство У. Хамдама проявилось также в передаче сложного психологического состояния героя, стоящего перед выбором. С одной стороны, он любит Диану, с другой – понимает, что измена жене равносильна предательству. Писатель мастерски объективирует переживания «бунтующей» личности. Мотив двойничества – раздвоения личности на почве нравственного падения, блуждания героя между Богом и Сатаной – эстетическая находка Улугбека Хамдама, которую отметили исследователи его творчества.⁹

Чувства к Диане были настолько сильны, а терзания настолько измучили его, что «в его сердце было все разрушено, все перевернуто вверх дном, как после сильного землетрясения – в нем не осталось живого места... Занятый своим недугом, он не выходил из дома и не интересовался тем, что происходит вокруг. Но и то, что касалось его, стало ему неинтересно, как бывает неинтересен старый заброшенный дом»¹⁰.

Акбар хотя и понимал, что предаёт и топчет чувства жены, был бессилён перед поглотившей его страстью, не мог с собой совладать. Временами ему казалось, что смысл жизни заключён именно в любви. Но как долго она продлится и принесёт ли счастье, неизвестно никому на свете.

Ещё один аспект этого чувства связан с чудесным преображением Дианы. Её любовь к Акбару возрождает её, создаёт из неё совершенно другого человека.

После встречи с Акбаром она впервые «с презрением и брезгливостью подумала о том, что делает...»¹¹. Как и Акбар, она впервые познала настоящую большую любовь. Изменившись и внешне, и внутренне, ощутила силу чистоты, силу бескорыстной, жертвенной привязанности и любви к человеку, она как будто заново родилась. Любовь Дианы придаёт Акбару силы жить и творить.

Размышляя о любви, философ Ю.Б. Рюриков пишет: «Родившись на свет, любовь резко удлинила сроки любовных связей. Ведь телесную радость могут дать многие, а полную радость любви – и телесную, и духовную – даёт только любимый. И поэтому так важно, чтобы источник этой радости – любовь к одному человеку и его любовь к тебе – не иссякал как можно дольше»¹². Но как бы ни были сильны чувства Дианы к Акбару, между ними не было духовной близости и эмоционально они «не совпали», поэтому она всегда говорила ему «боюсь твоей бесноватости»¹³. Эмоционально сдержанную Диану пугал напор чувств Акбара.

Любовь-страсть, которую Акбар принял за смысл жизни, проходила, рождая горькие мысли. «Человек в широком смысле не свободен, не принадлежит себе. Он вступает в этот мир не по своей воле и уходит из него не по своему желанию. Человек лишь сырьё, глина в руках какой-то великой силы. Эта сила по своей воле управляет им: хочет – наделяет его здоровьем и красотой; хочет – делает его больным или уродом. Человек ни на йоту не может изменить свою судьбу. Он поистине стрела, пущенная из лука...

Эти сомнения и метания рожают очередной протест Акбара. И самая горькая претензия у него к тому, кто выпустил стрелу, – к Создателю!¹⁴.

Пройдя все круги своего духовного ада, все мучения, сомнения в себе и в людях, достигнув шестидесяти, Акбар успокаивается и возвращается в семью, как в свое вре-

⁸ Толстой Л.Н. Евангелие. – СПб.: Изд. «Сытина», 1904.

⁹ Владимирова Н.В. и Гарипова Г.Т. В поисках утраченного рая, // Предисловие к роману У. Хамдама «Бунт и смирение». – Ташкент: Zar qalam, 2006. С. 4.

¹⁰ Хамдам У. Бунт и смирение. С. 59.

¹¹ Там же. С. 58.

¹² Рюриков Ю.Б. Детство человеческой любви / Философия любви в 2-х т. Т.1. С. 31.

¹³ Хамдам У. Бунт и смирение. С. 13.

¹⁴ Там же. С. 99.

мя его учитель – Табиб. Это тот возраст, когда человек в своей жизни испытал и совершил все что мог, а за этим возрастным порогом начинается жизнь духа в раздумьях о пережитом. В этом возрасте человек находит покой, приходит к смирению и покаянию. Если Табиб обретает смирение, познав Бога, то Акбар, приходит к смирению минуя Бога.

Его бег «по кругу испытаний» фактически завершается возвращением к себе и обретением себя. Мотив возвращения является одним из важнейших в архетипе ищущего героя. Если бы не открытый финал, то возвращение Акбара можно было бы рассматривать как обретение им целостности и гармонии, разрушением которых отмечено его пребывание в «чужом» пространстве. Но автор оставляет выбор за нами и не дает готового ответа... Открытые финалы эпических произведений соотносимы с таким имманентным свойством эпики, как «необязательность или отсутствие развязки».¹⁵ Незавершенность сюжетного действия носит в прозе, скорее всего, принципиальный характер, так как смысловой итог подводится с помощью авторского неомифа.

Судьба главного героя непосредственно переплетается с судьбами Дианы, Табиба, Искандера и тети Ларисы. Образы Дианы и Ларисы близки своим одиночеством. Они несут идею распада связи времен, так как в них утрачено материнское начало. Их бунт проявляется в несоблюдении ими божественной предназначенности женщины быть матерью, хранительницей семейного очага. Тетя Лариса одиночеством расплачивается за свой эгоизм и за желание всегда оставаться «красивой», обеспеченной: «Ну почему я должна родить? На свете у всех свое предназначение. Пусть рождают те, кто не может, как я, заниматься важными делами и ездить по свету. Что же мне прикажете отказаться от моего положения и, как вы, сидеть дома и рожать детей?»¹⁶. И только под старость она поняла, что совершила непоправимую ошибку.

Она не только убила своих неродившихся детей, но и себя: «Он (Акбар – С.Н.) не сразу понял, что происходит. Ускорил шаги и вдруг его осенило: она же хочет выбраться из окна...»¹⁷. Любое убийство, в том числе и убийство самого себя запрещены мировыми религиями, поскольку уничтожение себя или другого означает покушение на Божественный замысел, каковым является жизнь Человека. Самоубийство во всех религиях считается страшным грехом: никто не вправе отнимать жизнь, кроме Творца. Христианство и ислам запрещают отпевание самоубийц и чтение им погребальной молитвы. Но знала ли об этом тетя Лариса? Она относилась к поколению, которое мыслитель назвал поколением «без пастыря».¹⁸ Ей не нужен был Бог, она просто «обходилась без Бога», «как и многие, не знала, когда закончится отпущенное ей время и ее прекрасное лицо покроется морщинами, а ясные глаза потускнеют». Собственная старость, тоскливое одиночество и смерть подруг приводят ее в Церковь. Но каких усилий этот приход стоил ей, человеку без веры, без какого-либо «навыка» духовной жизни: «Да, для того, чтобы тетя Лариса отправилась в церковь, понадобилась целая человеческая жизнь...»¹⁹, но даже в попытке своего «обращения» ее беспокоила только форма, обрядовость, а не суть молитвы. Поняв, что она не в состоянии молиться, – нет ни слов, ни настроения, ни открытости Богу, ощутив еще большую пустоту, женщина решается на страшный шаг...

Автор создает еще один образ человека без веры, без Бога, лишённого всяких мыслей и раздумий о собственном предназначении на земле, хотя он всю жизнь отдал этой самой земле. Это труженик Турсунбай, простой, смиренный человек, для которого труд чуть ли не с рождения стал единственным способом существования. Он, как часть природы, живет только ее законами и ритмами. Его давно ничто не связывает с людьми, с семьей. Он «уходит» в работу, чтобы ни о чем не думать, ни за что не отвечать: «Вся его жизнь проходила в каких-то жизненных мелочах и постоянном труде.

¹⁵ Тмарченко Н.Д. Теоретическая поэтика. М., 2004. С. 247.

¹⁶ Хамдам У. Бунт и смирение. С. 90.

¹⁷ Там же. С. 104.

¹⁸ Бетеа Д. Мандельштам. Пастернак. Бродский // Русская литература XX века. Исследования американских ученых. – СПб, 1993. С. 362–400.

¹⁹ Хамдам У. Бунт и смирение. С. 63.

Но сам он не замечал этого и считал, что это и есть жизнь...»²⁰. Его все устраивало, он ничего не видел и не хотел видеть, кроме работы: забыл брата, махаллю, людей, соседей. Лишь смерть родного брата выводит Турсунбая из его «деятельного забвения»: «У меня был один-единственный брат, – громко, дрожащим голосом произнес он. – Теперь и его нет! Уходи... иди на свое поле»²¹, – гонит он себя от людей. Изгнанный братом, непонятый семьей, он не понимает, в чем его вина. Турсунбай – труженик. Даже заболев, он не может думать ни о чем, кроме своего трактора. Его ужасает не то, что он скоро не увидит ни жену, ни детей, ни близких, а то, что он не увидит свой трактор. Человек становится рядоположен вещи, как гоголевский Акакий Акакиевич равен своей шинели.

Вся жизнь Турсунбая подобна «духовной пустыне», о которой писалось в Евангелии. Образ Турсунбая – это еще один микро- и мифосюжет. Такие люди уподобляются персонажам из Дантова «Ада»: они «никогда не были живыми»; им не нашлось места ни в раю, ни в аду, т.к. в своей жизни не совершили ни добра, ни зла, жили лишь для себя, из-за чего обречены на вечное кружение во мгле без надежды на «вторую жизнь», которой они ждут, но никогда не обретают.

Смирение для У. Хамдама не столько кроткая жизнь, извечная покорность, а обретение Бога через Бунт и последующее, осознанное духовное Смирение. Если Табиб приходит к нему через обретение Бога, то Акбар, не обрета Бога, приходит к смирению и покаянию через обретение связей с людьми, семьей, через возвращение к себе самому и прощение.

Обобщая сказанное, еще раз подчеркнем многофункциональную нагруженность мифосюжета, который расширяет рамки повествования и превращает довольно часто встречающиеся житейские истории в символические притчи, придает философскую глубину и содержательность привычным образам. Все это делает роман У. Хамдама значительным явлением в узбекской литературе XXI века.

²⁰ Хамдам У. Бунт и смирение. С. 77.

²¹ Там же. С. 51.